

MUSEUM GRAECO-LATINUM

Александр
Сваньини

Описание
Московии

ЛК

MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI
 BARONIS IN HERBERSTEIN, NEIPERG
 ET GV TENHAG ANNO M. D. XLIX

MUSEUM GRAECO-LATINUM

**ALEXANDRI GWAGNINI
VERONENSIS**

**OMNIUM REGIONUM MOSCOVIAE
DESCRIPTIO**

MOSCOVIAE MCMXCVII

Александр Гваньини

ОПИСАНИЕ МОСКОВИИ

*Перевод с латинского, вводная статья и
комментарий Г. Г. Козловой*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96—01—16266

Набор латинского текста *О. В. Титовой*
Корректор *К. К. Андреев*
Оригинал-макет подготовлен *А. В. Пахомовой*

«Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина»[®]
ЛР № 040433 от 3 июня 1997 г.

Подписано в печать 20.10.97 г. Формат 60×90/16.
Гарнитура Антиква. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 11. Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 10,6.
Тираж 1000 экз.

ISBN 5-87245-026-5

© «Греко-латинский кабинет
Ю. А. Шичалина»[®], 1997

Зак. 2629

Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АЛЕКСАНДР ГВАНЬИНИ И ЕГО СОЧИНЕНИЯ

Автор сочинения «Описание Московии. Полное и правдивое описание всех областей, подчиненных монарху Московии, а также описание степных татар, крепостей, важных городов и, наконец, нравов, религии и обычаев народа. Присоединены, кроме того, и добросовестно описаны важные деяния и недавняя великая тирания нынешнего монарха Московии Иоанна Васильевича». Александр Гваньини (Alexander Gwagninus) был итальянцем по крови и родился на севере Италии в городе Вероне в 1538 г. О его бурной жизни точных сведений сохранилось немного. Известно, что он происходил из знатной семьи и получил рыцарское воспитание, в котором к середине XVI в. от рыцарских традиций классического средневековья остались необходимые добродетели: обязанность быть верующим христианином, мужественно сражаться с врагами, слагать стихи, играть в шахматы, фехтовать. В середине 1550-х гг. юноша Гваньини вместе с отцом приехал в Польшу, где поступил на военную службу к последнему королю Ягеллонской династии Сигизмунду II Августу (1520—1572 гг.). В истории Польши правление этого короля было временем, когда буйное шляхетское сословие достигло наивысшего процветания, была подписана Люблинская уния с Литвой (в 1569 г.), в 1550 г. началась Ливонская война; король покровительствовал наукам и искусствам. Обстоятельства благоприятствовали молодому, предприимчивому, одаренному человеку, собиравшемуся сделать карьеру. Гваньини, питавший склонность к естественным наукам и математике, начал как военный инженер. Проследить в деталях его военную карьеру трудно, но очевидно, что ему довелось участвовать во многих сражениях Ливонской войны при Сигизмунде II Августе и знаменитом Стефане Батории (1533—1586 гг., польском короле с 1575 г.), где он показал себя незаурядным храбрецом. Гваньини, по свидетельству современников, одинаково хорошо владел пером и шпагой. Кроме военного дела, в круг его занятий входило изучение географии, политики и этнографии Польши и сопредельных с нею государств. Он был хорошо образованным европейцем второй половины XVI в., знал несколько европейских языков — немецкий, итальянский, разумеется, латынь, со временем выучился свободно говорить и читать по-польски; знакомство с его сочинениями дает основание полагать, что он владел литовским и русским языками. С течением времени Гваньини принял польское подданство и целых восемнадцать лет занимал важный пост коменданта старинного польского города Витебска, который ему пришлось оборонять от русских войск. Совершенно опоячавшись, под конец жизни он обосновался в столичном польском городе Кракове, где вел жизнь, достойную его высокого чина королевского ротмистра. Умер Гваньини в 1614 г. На гравюре неизвестного автора XVII в.

изображен «Александр Гваньини, веронец, золотой рыцарь и начальник пехоты, семидесяти трех лет», — гордого вида подтянутый пожилой человек с умным, строгим, слегка саркастическим взглядом больших глаз, рыцарь и мыслитель.

Потомком Гваньини стал известен как автор одного из самых интересных повествований о России XVI века, принадлежащих перу иностранца. Безымянный литератор пушкинского времени так представлял Гваньини русскому читателю: «Среди шума военного занимаясь науками, он написал ... весьма важную книгу о нашем отечестве, где сообщает любопытные и почти всегда достоверные сведения о естественном и гражданском состоянии России» (Сын Отечества и Северный архив, 1832, № 23. С. 177—178). Не менее интересны и другие его сочинения. Обширный том, куда, кроме «Описания Московии», вошли очерки по истории, географии и этнографии Польши, Литвы, Пруссии, Ливонии, европейской Сарматии, татарских орд, а также жизнеописание польских королей, был издан первый раз в Кракове в 1578 г. (*Sarmatiae Europaeae descriptio, quae regnum Poloniae, Letvaniam, Samogitiam, Rusciam, Massoviam, Prussiam, Pomeraniam, Livoniam, et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur*. Krakow. 1578). Эти сочинения неоднократно переиздавались в латинском оригинале (издание XVI—начала XVII в.: Базель, 1582 г., Франкфурт-на-Майне, 1584 и 1600 гг.); переводились на немецкий, чешский и польский языки.

«Описание Московии» является самостоятельным произведением и представляет собой замечательный образец европейской публицистической прозы XVI в. Автор, по-видимому, поставил перед собой двоякую задачу: дать историко-географический очерк Московии, сравнительную характеристику ее областей и, кроме того, описать тиранию Ивана Грозного, яркое политическое явление русской истории. Позиция Гваньини в отношении тирании русского государя является существенно важной для понимания его политических воззрений. Хотя нельзя говорить ни о стройной системе социологических взглядов автора, ни тем более о том, что Гваньини был политическим писателем, в его трудах нашли блестящее отражение традиции шляхетской вольности и философские принципы гуманизма. «Нынешний государь Московии Иоанн Васильевич, — пишет Гваньини, — властью, которой он обладает над своими подданными, далеко превосходит монархов всего мира... Но так как весь народ, подчиненный московскому князю, предпочитает подвластное положение свободе, то неизвестно, не требует ли он такого тирана, соответствующего его нравам, который смог бы укротить его необузданность». Вывод, к которому с сожалением приходит автор, «все московиты или русские более довольны состоянием рабства, чем свободы», перекликается с мыслью римского историка Тацита: «Тут рабское терпение и такое количество пролитой дома крови утомляет душу и сжимает ее печалью. Я не стал бы просить у своих читателей в оправдание ничего другого, кроме позволения ненавидеть людей, так равнодушно погибающих» (Летопись. Книга 16).

Суровая оценка русского народа и русского царя, истоки жестокой тираннии которого Гваньини видит как в психологии людей, так и в порочных наследственных наклонностях Ивана IV и его отца, Василия III, была одной из причин замалчивания историками «Описания Московии». Трудно сейчас во всем согласиться с писателем второй половины XVI в., но, несомненно, его труд и сегодня представляет ценность для изучающих русскую историю, для широкого круга читателей, интересующихся прошлым России и ее местом среди европейских народов.

«Описание Московии» Александра Гваньини является законченным произведением, в котором удачно сочетаются географические и этнографические сведения, очерки военного дела, торговли и строительства, нравов и обычаев русских, их религии. Человек пера, автор, литературно одаренный, Гваньини создал впервые оригинальное произведение, в основу которого, как он сам написал в посвящении «благосклонному читателю», лежат «труды ученых мужей и космографов, а также различных путешественников»; многое же автор постиг «благодаря собственному опыту и присутствию»; его наблюдения достаточно верны и глубоки.

В своей работе Гваньини исходил из двух основных источников: «Записок о Московитских делах» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 гг.), побывавшего в Москве в 1517 и 1526 гг., (первым изданием вышли в Вене в 1549 г.) и «Краткого сказания о нравах и жестоком правлении тирана Московии Васильевича» Альберта Шлихтинга, немецкого путешественника, дворянина из Померании, несколько лет проведшего в русском плену. С его записками, оконченными в 1571 г., Гваньини мог ознакомиться еще по рукописи, так как это был доклад Сигизмунду II Августу, при дворе которого в это время находился Гваньини, представленный Шлихтингом по возвращении из России. У Герберштейна Гваньини черпал сведения для хорографии (т. е. географического и этнографического описания), по военному делу, религии и нравам; у Шлихтинга — подробности правления Ивана Грозного. Гваньини был также знаком с донесениями венецианского посла Амброджо Контарини, посетившего Москву в 1476 г. и (не по своей воле) задержавшегося там на четыре месяца; с запиской папского посланника голландца Альберта Кампензе, который представил папе Клименту II проект введения на Руси католичества и, со слов брата и отца, дал описание Московии конца XV в. (издана в 1565 г.); с путевыми записками итальянского писателя Рафаэля Барберини (1565 г.).

Интересны совпадения у Гваньини с данными в «Записках» немца — опричника Генриха Штадена, и в «Послании» (Zar Jwan der Grausame) авантюристов XVI в. Элрта Крузе и Иоганна Таубе (1572 г.), бывших на службе сначала у Ивана Грозного, а затем у Сигизмунда II Августа. С их сочинениями Гваньини, скорее всего, не был знаком, что, в частности, подчеркивает достоверность его сообщений.

Повествование Александра Гваньини, не связанного рамками посольских донесений, как Герберштейн или Контарини, не стесненного обязанностями иезуитского агента Антонио Поссевино, в высшей степени

интересно. Работа написана на латыни; правильным, хотя и простым, без синтаксических ухищрений, языком. Расположение материала стройно и логично; четкая структура особенно бросается в глаза при сопоставлении «Описания Московии» с записками других авторов.

Несмотря на очевидную ценность сочинения Гваньини как источника по Русской истории XVI в., русскому читателю оно практически неизвестно. Фрагменты из «Описания Московии» были впервые переведены на русский язык в XVII веке: 5-я глава «О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича» вошла в некоторые списки сочинений князя Андрея Курбского «История о делах князя великого Московского»; переводчиком, возможно, был сам Курбский. Гваньини и Курбский были современниками и могли встречаться сначала как враги, а потом как соратники. Курбский безусловно читал «Описание Московии», первое издание которого вышло за пять лет до его смерти. Содержание 5-й главы труда Гваньини созвучно с обличениями Ивана Грозного, содержащимися в сочинении князя.

Существует еще два более поздних перевода небольших фрагментов «Описания Московии»: короткая 3-я глава «О военных походах русских и о преданности государю своему» с приложением небольшого отрывка из 5-й главы была издана в 1826 г. в «Отечественных записках» (часть 25, № 60. С. 92—100) за подписью К. У. Спустя почти полтора века, в 1972 г. фрагменты 4-й («Об обычаях и нравах Московитов») и 5-й глав в переводе автора этих строк вышли в составе сборника «Античность и современность» (М., С. 434—444).

Настоящий перевод сделан с первого латинского издания (Краков, 1578 г.).

Александр Гваньини

ОПИСАНИЕ МОСКОВИИ

CANDIDO LECTORI

Alexander Gwagninus Veronensis, peditum in
arce Vitebska finitima Moschoviae praefectus,
S.D.

Moschoviam terminosque eius, quibus interclusa sit, candide lector, descripturus. Primum, unde nomen traxerit, operepretium mihi dicendum esse censeo. Haec autem est quaedam regio in meditulo Russiae (ut dicitur) Albae, ad septentrionem orientemque porrecta, a qua ceterae omnes Russiae circumiacentis regiones (quamvis variis et diversis nominibus appellatae) Moschoviae nomen sortiuntur, incolaeque earundem vulgo Moschovitae appellantur, et ipse monarcha Russiae regionum Moschoviae magnus dux nuncupatur. Porro parva et obscura initio gens Russorum fuerunt Moschovitae, sed iam nunc accessione plurimorum principatum Russiae, partim successionibus iustis adiunctorum, partim vi vel fraude subactorum, praeterea finitimarum gentium regionibus expugnatis et occupatis maxima incrementa coepit, adeo ut pro imperio amplissimo computari possit. *Hic itaque qua potuimus diligentia Moschoviae imperium cum suis regionibus (doctorum virorum cosmographorumque et peregrinorum diversorum lucubrationibus adhibitis, propriaque experientia et praesentia nostra magnam partem rerum assecuti)*, ducatus, provinciis, castris, oppidis et urbibus praecipuis, fontibus, lacubus fluminibusque, quibus haec regio ubique scatet, mores denique, religionem, habitum et vitae consuetudinem, tidulique ipsius principis, quo gaudet, normam et rationem descripsimus. Gesta etiam praecipua sive potius tyrannidem hisce temporibus, ab eodem principe parvo temporis intervallo editam, et crudeliter perpetrata bona fide subiecimus. Tartarorum praeterea Campestrium in Hordas (ut dicitur) sive regiones quasdam divisorum situm, mores et vivendi modum exaravimus.

Tu interim, lector benevole, hanc nostram qualemcunque operam boni consule, nosque redama et vale.

БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ
веронец Александр Гваньини, командующий
пехотинцами в пограничной с Московией
крепости Витебске ¹ шлет привет

Я намерен, благосклонный читатель, описать Московию и пределы ее, коими она замкнута; я полагаю, что прежде всего надлежит мне рассказать, откуда берет она свое наименование. Это — некая область в центре Белой (как говорится) Руссии ², лежащая на северо-востоке, от которой получают наименование Московии и все прочие области Руссии, лежащие вокруг (хотя и названные совершенно различными именами); жители их на местном языке называются москвитями, и сам монарх областей Руссии именуется великим князем Московии. Далее, москвиты были вначале малым и незначительным народом русских, но теперь уже благодаря прибавлению многих государств к Руссии, частично присоединенных на правах законного наследования, частично подчиненных силой или хитростью, она начала сильно расти за счет завоеванных и захваченных областей соседних народов, так что может считаться обширнейшей державой. Итак, здесь мы описали со всем возможным тщанием (используя труды ученых мужей и космографов, а также различных путешественников; кроме того, значительную часть фактов мы постигли благодаря собственному опыту, будучи их очевидцами) державу Московии с ее областями, княжествами, провинциями, крепостями, городками и значительными городами, источниками, озерами и реками, которыми повсюду изобилует эта область; описали, наконец, нравы, религию, свойства и образ жизни, а также точный образец титула самого государя, которым он тешится. Мы также добросовестно изложили главные деяния или, точнее, тиранию этих времен, проявленную и жестоко осуществленную в короткий промежуток времени тем же самым государем. Кроме того, мы описали местоположение, нравы и образ жизни степных татар ³, разделенных, как говорится, на орды или некие области.

Между тем, ты, благосклонный читатель, одобри наш труд, каков бы он ни был, проникнись к нам взаимной симпатией и будь здоров.

DE MOSCOVIA REGIONE URBEQUE EIUSDEM NOMINIS PRAECIPUA

C A P U T I

Moschovia, Moskwa vulgo dicta, Urbs amplissima, caput et Metropolis totius Russiae albae, Magno Moschorum Duci subiectae, una cum Regione, sive Ducatu, a fluvio gentili Moscva, dicto, praeterlabente, nomen sortita est. Hic autem fluvius in Thwerensi regione, iuxta oppidum Olesco dictum, fontes suos habet, indeque octuaginta verst (quorum quinque in Polonico miliari clauduntur) emensis, ad Moscoviam civitatem decurrit, qua praeterlapsa receptis aliquot fluviis Orientem versus fertur, in regioneque Rezanensi Occae fluvio commiscetur.

Civitas Moscovia Orientem versus multum porrecta est, tota lignea, satisque ampla, quae procul spectantibus amplior, quam re ipsa sit, apparet. Nam horti, areaeque in qualibet domo, et plateae spaciosae, magnam civitati amplitudinem, dilatationemque praebent. Insuper omnium opificum, igne utentium, extra civitatem longo ordine, aedes protensae amplas plateas (inter quas sunt prata et agri) habentes. Hocque modo civitas ingens, et supra modum ampla videtur.

Denique trans fluvium Basilius pater moderni Principis, pro satellitibus suis, caeterisque extraneis, Polonis videlicet, Germanis et Lithuanis (qui a natura Bacchum sequuntur), oppidum Nalevki dictum, quod cognomen ab infundendis poculis habet, extruxit. Illic vero omnibus extraneis militibus et advenis, Satellitibusque Principis, inebriandi vario potus genere, facultas concessa est, quod Moscovitis gravi sub poena prohibetur. Exceptis aliquot diebus in anno videlicet tempore nativitatis, et resurrectionis Dominicae, pro festo Pentecostes, et in quibusdam solennioribus festis divorum, praecipue vero Nicolai, quem Divino fere cultu prosequuntur, et beatae virginis Mariae, Petri et Ioannis festis, interea vero velut vinculis emissi, Bacchum, et non festum illius divi (cuius diem tunc temporis celebrant) advenisse gratulantur, et sacris nondum peractis, velut sues vario potus genere obruti, temulenti, ebriique idemtidem vociferantes, seque velut obsessi, mutuo caedentes, et contumeliis variis afficientes, vagantur. Si autem huic genti quotidie inebriandi facultas concessa esset, sese mutuis caedibus funditus exterminarent. Ebrii etenim mentem, rationemque velut bruta animalia prorsus amittunt, et in se vicissim cultellis, pugionibus, et id genus fraudulentis telis, saeviunt.

ОБ ОБЛАСТИ МОСКОВИЯ И О ЗНАМЕНИТОМ ГРАДЕ С ТЕМ ЖЕ НАЗВАНИЕМ

Г Л А В А I

Московия, по-местному называемая Москвой, обширнейший город, столица и метрополия всей белой Руси, подвластной великому князю московитов, вместе с областью или княжеством получила название от протекающей здесь местной реки, называемой Москвою. Истоки этой реки находятся в Тверской области возле города, называемого Олеско⁴; в восьмидесяти верстах от него (в польской миле содержится пять верст) она доходит до города Московии; минуя его и приняв несколько притоков, поворачивает к востоку и в Рязанской области впадает в реку Оку.

Город Московия выдается значительно на восток⁵, весь деревянный, довольно обширный, и если смотреть на него издали, он кажется обширнее, чем есть на самом деле. Причина в том, что сады и дворы при каждом доме и широкие улицы придают городу большой простор и ширь. Кроме того, за городом вытянулись длинным рядом, образуя широкие улицы, дома ремесленников, имеющих дело с огнем; они перемежаются лугами и полями. Таким образом, огромный город кажется обширным сверх меры

Наконец, за рекой отец нынешнего государя Василий⁶ выстроил для своих телохранителей и для разных иностранцев, а именно, поляков, германцев и литовцев (которые от природы привержены Вакху), город Наливки⁷, получивший название от налитых бокалов. И там у всех иностранных солдат и пришельцев, а также у телохранителей государя имеется полная возможность всячески напиваться, что московитам запрещается под страхом тяжкого наказания, за исключением нескольких дней в году: в день Рождества и Воскресения Господня, в праздник Пятидесятницы и в некоторые торжественные праздники святых, особенно же Николы, которому воздают почти божеские почести, Пресвятой Девы Марии, и в праздники Петра и Иоанна. И в эти дни, как бы освобожденные от оков, они радуются, что явился Вакх (день которого они справляют в это время), и, еще не совершив обрядов, напиваются, как свиньи, всякими напитками и шатаются, горланя, избивая друг друга и осыпая один другого всяческой бранью. Если бы этому народу была предоставлена возможность напиваться ежедневно, он бы был истреблен взаимной резней. Ведь, опьянев, они совершенно теряют рассудок и соображение, как дикие животные, и убивают один другого ножами, кинжалами и всякого рода вероломным оружием⁸.

Sed ad rem redeo. Huius urbis praedicta tam vasta magnitudo facit, ut nullo certo termino, muro, fossa, propugnaculisve muniti possit, plateae tamen, quibusdam in locis, trabibus transversim positis obstruuntur, adhibitisque custodibus ad primam noctis facem, ita obfirmantur, ut nemini aditus in eam pateat.

Tamque admodum lutosa et caenosa est, ut in plateis pontes passim necessario extracti sint, nunc tamen vallo de terra, ut audivi, circumducitur.

Arces mutatae duae amplissimae, insimul civitatis formam referentes, quarum una Kitaigorod, altera Bolsigorod, gentiliter appellatur quas ab una parte Moscva fluvius, ab altera Neglinna, in qua molendinae plurimae sunt, praeterfluit, ecclesiae divorum lapideae, et lignae, aedesque nobilium et magnatum in ea frequentes sunt.

Ultra Neglinnam vero, in agro Narbat dicto, ab arce ad sagittae iactum, modernus Princeps Ioannes Basiliades, curiam amplissimam Anno Domini 1565 exstruxit, quae Opriczna, id est, seorsiva habitatio dicitur, ubi ipse Princeps cum Satellitum suorum, virorum, ex robustissimis delectorum, numerosa manu moratur, quos ille ad tutelam sui, perinde ut Turca Ianiczarus fovet, vigintique fere millia superant, ex hiis major pars scloppetariorum, cum bombardis longioribus: reliqui cum frameis arcubusque, lanceis et loriceis armati incedunt. Nuperque eos modernus Princeps adinvenit pro explenda sua tyrannide, prout inferius in gestis illius patebit.

Caeterum urbem ipsam Moscvam cum utraque arce Tartari Praecopenses funditus exusserunt, Anno Domini 1571 mense Maio ipso die Ascensionis Dominicae, ubi ingens et innumerabilis multitudo populi, in urbe et arce flamma fumoque suffocati, et combusta est, paucis fuga elapsis, et una duntaxat arx Kitaigorod vix defensa est, magnamque captivitatem Tartari inde abduxerunt.

Sed ad rem redeo. Omnes merces, quaecunque ab extraneis in Moscoviam afferuntur, continuo apud thaelonei praefectos profiteri, ac indicari coguntur, quae hora constituta conspiciuntur et aestimantur, aestimatas vero nemo nec emere, nec vendere audet, nisi prius fuerint magno Duci ostensae. Quo fit ut mercatores interdum diutius quam convenit, cum suo damno detineantur.

Quando vero ex Lithuania in Moscoviam legati, a Rege Poloniae proficiscuntur, tum omnes cuiuscunque nationis mercatores, in legatorum fidem et clientelam suscepti, in Moscoviam sine thaeloneis ire possunt, et victum sufficientem, ex thesauro magni Moscoviae Ducis habent.

Hae autem praecipuae sunt merces, quae ex Lithuania, Russia, et Polonia, et a caeterarum Regionum mercatoribus, in Moscoviam importantur, Pannum omnis generis, atque coloris, item Sericum, vestesque sericeas, et auro sive argento intertextas, lapides praetiosi, aurum filatum, gemmae, et id genus alia metalla praetiosa. Insuper, Piper, Crocus, zinziber et caetera. Interdumque viles quasdam res suo tempore illuc important,

Но перехожу к делу. Упомянутая величина этого города приводит к тому, что он не может быть укреплен никакой определенной границей, стеной, рвом или оборонительным сооружением; однако улицы в некоторых местах загораживаются положенными поперек бревнами, с наступлением вечера расставляются сторожа, и улицы оказываются укрепленными так, что никому нет прохода⁹.

Город настолько грязен, что повсюду, по необходимости, выстроены мостки. Однако, теперь, как я слышал, он окружен земляным валом¹⁰.

Имеются две обширнейшие крепости, обе представляющие форму города, из которых одна на туземном языке называется Китай-город, а другая — Больси-город¹¹. С одной стороны их омывает Москва-река, с другой — Неглинная, на которой стоит много мельниц и часто попадаются деревянные и каменные церкви и дома знати и сановников.

За Неглинной же, на поле, называемом Нарбат¹², в расстоянии полета стрелы от крепости, нынешний государь Иоанн Васильевич выстроил в 1565 году обширнейшие подворье, которое называется Опричина, то есть особое жилище, где сам государь пребывает с многочисленным отрядом своих приспешников, отобранных из самых сильных мужчин, которых он держит для своей охраны, как турок янычаров; их у него почти двадцать тысяч, и из них большая часть стрелки с длинными пищалями; остальные наступают с копьями и луками, вооруженные пиками и кольчугами. И недавно нынешний государь приобрел их для того, чтобы прибавить блеска к своей тирании, как станет ясно из нижеописанных его деяний.

Впрочем, самый город Москву с обеими крепостями до основания разрушили перекопские татары в мае 1571 года в самый день Вознесения Господня¹³, когда огромное, бесчисленное множество народа, задушенного в городе и в крепости огнем и дымом, было и сожжено, причем бегством спаслись немногие, и одну лишь крепость Китай-город едва смогли защитить; татары много пленных увели оттуда.

Но перехожу к делу. Какие бы товары ни привозились в Московию из-за границы, обо всех надо объявлять у начальника таможни и показывать; и они рассматриваются в установленный час и оцениваются, после же оценки никто не осмеливается ни купить, ни продать, если прежде они не будут показаны великому князю. Это ведет к тому, что купцы дольше, чем следует, задерживаются и терпят убытки.

Когда же из Литвы в Московию отправляются послы от короля Польского, тогда все купцы разных наций, принятые послами под свое покровительство, могут идти в Московию без таможенников и имеют достаточное содержание из казны великого князя Московского.

Преимущественно, ввозятся в Московию из Литвы, Руссии¹⁴ и Польши, а также купцами других стран следующие товары: сукно всякого сорта и цвета, шелк и шелковые одежды, затканые золотом или серебром, драгоценные камни, золотые нитки, жемчуг и всякого рода драгоценные металлы. Кроме того, перец, шафран, имбирь и прочее. Иногда они ввозят туда какие-нибудь дешевые в свое время товары, из которых

ex quibus aliquando lucrum afferunt. Saepe etiam evenit, ut rei alicuius desiderio omnes Moscovitae teneantur, quam qui mercatorum primus attulerit, plus iusto in ea lucratur. Dein cum plures mercatores earundem rerum magnam copiam advexerint, tanta nonnunquam vilitas earum consequitur, ut is qui res suas primo magno vendiderat, easdem rursus vilescente pretio redemat, magnoque suo commodo in patriam reducat.

Merces vero quae inde asportantur sunt pelles variorum animalium diversae, caera quoque et id genus mercimoniorum. In Tartariam autem sellae equorum, frena, vestes, corrigia, arma autem et ferrum nonnisi furtim exportantur, cultellos tamen, secures, acus, specula, marsupia, et id genus alia ducere licitum est.

Haec autem gens Moscovitica circa mercimonia fallacissime et dolo-sissime versatur, praecipue vero cum extraneis, nam dum aliquid vendunt, rem minoris constantem dimidio pretio (quod et Lithuanis nunc peculiare est) in fraudem emptoris ductam aestimant, et quamprimum iurare incipiunt, aut obstetari, scias ilico dolum ibi latere, animo etenim fallendi ac decipiendi iurant. Sed externi quoque in rerum permutatione, hoc maxime observant, ut dum Mosci pelles alioqui vili pretio constantes, plurimi aestimant, illi vicissim illorum exemplo merces suas parvi constantes, carius indicant, sicque ars deluditur arte.

Pellium magna est apud eos diversitas, Zebellinorum enim nigredo, longitudo et densitas pilorum, maturitatem significat. Haeque pretium augment. In Ustingiensi autem et Dvinesi, Peczoraeque provinciis, praestantiores reperiuntur. Madauricae pelles ex diversis partibus afferuntur. Ex Swetiae vero regno optimae advehuntur, circa Moscoviam vero maior est eorum copia, Hermellinorum etiam pelliculae, ex pluribus pariter locis inversae, in fasciculis afferuntur, habentque signa quaedam circa caput et caudam, ex quibus cognoscuntur, an congruo vel incongruo tempore sint captae. Castorum quoque, et Vulpium nigrarum pelles, in magno pretio sunt.

Provincia ipsa Moscovitica, nec lata nimis nec fertilis est, cuius fertilitati ager ubique arenosus plurimum est. Accidit ad haec immoderata, asperaque nimis, aeris intemperies, nam ob hyemis rigorem, sata ad maturitatem pervenire non possunt, etenim tam intensa ibi nonnunquam sunt frigora, ut quemadmodum apud nos aestatis tempore, prae nimio solis ardore, sic ibi prae frigore asperrimo, terra in hiatus disrumpatur. insuper etiam aqua in aerem effusa, sputumque ex ore proiectum, antequam terram attingat congelatur, rami etiam fructiferarum arborum rigore hyemis, aliquando prorsus pereunt. Homines quoque gelu concreti, mortui sub dio, in vehiculis frequenter reperiuntur, quin et ursi etiam sylvestres, fame stimulati, relictis sylvis per vicinas villas passim discurrunt, et in domos colonorum irruunt, quorum impetum atque vim cum rustica turba fugit, frigore aspero foris misere perit.

Atque tanto nimio frigori, aestus quoque torridus quandoque respondet,

впоследствии извлекают прибыль. Часто случается также, что все московиты нуждаются в какой-нибудь вещи, и тот купец, который первым ввозит ее, получает очень большую прибыль. Затем, когда многие купцы привозят большое количество одинаковых предметов, то они настолько дешевают, что тот, кто продал свои вещи по высокой цене, их же скупает позже с большой выгодой и увозит обратно на родину.

Товары же, которые вывозятся оттуда, суть разнообразные меха различных зверей, а также воск и другие товары. Так, к татарам привозят конские седла, уздечки, поводья, а оружие и железо только тайно; однако ножики, топоры, иглы, зеркала, кошельки и тому подобное привозить разрешено.

Племя же это московитов самым жульническим образом обходится с товарами; в особенности имея дело с иностранцами, они, при продаже, к убытку для покупателя, дорого оценивают вещь, стоящую вдвое дешевле (что теперь свойственно и литвинам); а как только они начинают клясться и божиться, так знай, что тут скрывается обман, так как они клянутся с намерением обмануть и надуть. Но иностранцы также при товарообмене больше всего о том стараются, чтобы, пока московиты назначают высокую цену за меха, стоящие дешево, в свою очередь, по их примеру, свои дешевые товары оценивают дороже, и так дурачат друг друга.

Мехов у них великое разнообразие, ведь чернота, длина и густота собольей шерсти означают зрелость. И это увеличивает цену. В Устюге на Двине и на Печоре водятся лучшие. Куньи меха доставляются из разных стран. Из королевства Швеции привозятся самые лучшие, но и вокруг Московии их очень много; также и горностаевые шкурки, вывернутые наизнанку, привозятся из разных мест, связанными в пучки; на них есть знаки вокруг головы и хвоста, по которым узнают, пойманы они в подходящее или в неподходящее время. Меха бобров и черных лисиц также в большой цене.

Сама Московитская провинция не очень обширна и не слишком плодородна, так как почва повсюду песчаная. К этому добавляется неумеренная и часто суровая неустойчивость климата, ибо вследствие суровой зимы посевы не вызревают; ведь морозы там столь интенсивны, что как у нас летом из-за чрезмерного зноя, так там из-за жестокого мороза трескается земля. Кроме того, даже вода, выплеснутая на воздух, слюна, выплюнутая изо рта, замерзает, не долетев до земли; даже ветки фруктовых деревьев иногда совершенно погибают в суровые зимы. Да и людей, оконечивших от холода, часто находят мертвыми под открытым небом в телегах; мало того, лесные медведи, гонимые голодом, и то покидают леса, разбегаются по соседним деревням и врываются в деревенские дома; когда толпа крестьян убегает перед их нападением и силой, то за стенами дома жалким образом погибает от жестокого холода.

И такой чрезмерный холод сменяется в свое время засушливым

ut aliquando stagna et flumina aestu, nimioque ardore solis, prorsus exsiccarentur. Prata quoque et caetera frumenta veluti flamma aliquando exuruntur. Hic autem nimius aestus solis, per septem dies tantum non plus durare solet.

Haec provincia melle ferisque caret, leporibus tantum exceptis, quibus supra modum abundat. Frumento oleribusque communibus affluit, cerasa in tota regione nunquam reperiuntur, aliarum arborum quamvis fructus habeat, verum insuaves.

Huius Regionis coelum adeo salubre est, ut ibi ultra Tanais fontes, praesertim Septentrionem, ac etiam Orientem, magna ex parte versus, nulla pestis unquam saevierit, habent tamen interdum intestinorum et capitis omniumque membrorum morbum quendam, pesti haud dissimilem, quem nos febrim calidam sive acutam appellamus. Eorum vero idiomate hic morbus, Ogniyowa, quasi ignitus dicitur, quod homines velut ignis calefacit, ut quemadmodum vicina domo igne ardente, et alia domus sibi adhaerens, eodem igne inflammatur, sic quoque hoc morbo infecti velut peste, caeteros nisi caveantur inficiunt, hoc morbo qui corpiuntur pauci sani evadunt.

Haec gens Moscovitica, caeteris omnibus Ruthenis, astutior, callidior et fallacior est. Si autem cum externis aliquando commercia habent, tunc se non Moscovitas quo maiorem fidem obtineant, sed advenas, id est, Novogardenses, vel Plescovienses esse simulant.

Moneta in toto Moscorum Ducis imperio, est quadruplex, Moscovitica, Novogardensis, Tverensis, et Plescoviensis. Moscoviticus nummus non rotundus est, sed oblongus est ovali quodam modo formae similis idiomate eorum Dzienga dicitur. Duplici autem modo cuduntur, primus in una parte hominis nudi equo insidentis, et draconem hasta ferientis, imaginem habet, in altera vero parte nomen Magni Ducis exprimitur. Secundus ex utraque parte literis nomen Magni Ducis et titulum exprimentibus insignitur. Horum autem sexaginta, unum Ducatum sive aureum Ungaricalem valent.

Novogrodensis nummus in una parte principis, in solio sedentis imaginem, hominisque ex adverso, sese inclinantis habet, ex altera parte scriptura insignitur, vocaturque Novogrodka, et Moscoviticum nummum valore in duplo superat. Tverensis nummus utrinque scripturam habet, valore Moscoviticum refert.

Pskoviensis in una parte caput bovis coronatum, in altera vero scripturam habet.

Est quoque in Moscovia cuprea, sive aerea moneta, quae propter pauperes tantum cuditur, et Pula vulgo vocatur, horum 40 dengam Moscoviticam efficiunt.

Omnis autem moneta Moscovitica, ex puro et bono argento cuditur, et omnes fere aurifabri in Moscovia Novogrodia, Tveria, et Pscovia nummos cudunt, et quicumque affert massas argenteas, puras, nummos ab aurifabro transmutare volens, tum nummi et argentum appenduntur, atque aequa lance librantur, mercedem autem laboris exiguam aurifabri reportant.

летом, так что иногда пруды и реки совершенно пересыхают от чрезмерного зноя. Луга и хлеба иногда выжигает как огнем. Но такой страшный зной свирепствует обычно не более семи дней.

В этой провинции мало меда и диких зверей, за исключением зайцев, которых в ней водится невероятное количество. Хлебом и местными овощами она изобилует, вишен же нигде нет во всей округе, а плоды других деревьев, хотя и имеются, но невкусные.

Климат этой области настолько здоров, что там, выше истоков Танаиса¹⁵, главным образом, на север и на восток, не свирепствует никакой чумы, однако иногда встречается какая-то болезнь внутренностей, головы и всех членов, совершенно не похожая на чуму, которую мы называем горячкой или острой лихорадкой. Эта болезнь на местном языке называется *Ognuowa*, то есть «огненная», потому что людей как огонь обжигает; подобно тому, как от огня, охватившего один дом, воспламеняется дом соседний, привлекая к себе этот огонь, так и зараженные этой болезнью, как чумой, заражают других, если они не берегутся, и из тех, кто ею заболевает, выздоравливают немногие.

Это племя московитское способнее и хитрее всех прочих русских. И если они когда-нибудь ведут торговлю с иностранцами, то для поддержания большего доверия не называют себя московитами, но пришельцами, то есть новгородцами или псковичами.

Монета во всей державе князя Московского четырех родов¹⁶: московитская, новгородская, тверская и псковская. Московитская монета не круглая, а продолговатая, по форме похожа на овал и на местном языке называется денгой. Чеканится она двояко: в первом случае с одной стороны имеется изображение нагого человека, сидящего на коне и поражающего копьем дракона, а с другой — выбито имя великого князя; во втором случае выбитыми буквами обозначается имя великого князя и титул. Шестьдесят золотых монет стоят один дукат или золотой унгарик.

Новгородская монета имеет с одной стороны изображение государя, сидящего на троне, а напротив коленопреклоненного человека, с другой же стороны обозначается надписью и называется новгородка; московитскую монету она по стоимости превосходит вдвое. Тверская монета с обеих сторон имеет надпись и равна московитской по стоимости.

Псковская имеет с одной стороны голову быка, увенчанную короной, а с другой — надпись.

Есть в Московии также медная или бронзовая монета, которая чеканится только для бедных и в просторечии называется пуло; сорок этих монет составляют московитскую денгу.

Вся же московитская монета чеканится из чистого хорошего серебра, и чеканят ее почти все золотых дел мастера в Московии, Новгороде, Твери и Пскове¹⁷. Любый человек приносит слитки чистого серебра, желая обменять на монеты; при этом взвешивают монеты и серебро, уравновешивая на чашках весов, и вручают мастеру небольшую плату за его труд.

Porro in omni Imperio Mosci, aurum et argentum nusquam reperitur, nisi adductitio, et importatorio, omnes earum Regionum incolae, et ipse Princeps utuntur.

Qua de re Magnus Dux, aurum et argentum, gravi sub poena, ex suis Regionibus, effere prohibet, atque ideo permutationem rerum facere, et alia ut pelles, quibus abundant, aut quid aliud ejusmodi pro aliis Regionibus obtineat, atque ideo hunc Principem auri et argenti ditissimum esse dicunt.

Vix autem centum anni elapsi sunt, cum Moscovitae moneta argentea, praesertim apud illos cusa utuntur. Primum etenim cum argentum, ab externis ad eos, importari coeptum est, tum fundebantur portiunculae oblongae argenteae sine imagine et scriptura, valoris unius Rubli, Rubl autem Dengas Moscoviticas 100. totidemque grossos Polonicales habet. Ante usum vero monetae Aspreolorum aliorumque animalium pellibus utebantur, iisque vitae necessaria seu pecunia comparabantur.

Monetam quoque auream Moscorum Princeps non cudit, sed Hungaricis aureis et Rhenanis advectitiis abundat.

Moscovia, quae est caput et metropolis, caeterarum Regionum, et Civitatum Moscoviae Duci subiectarum, loco principali descripta, reliquas Provincias et Civitates praecipuas, in Mosci Imperio sitas describere, contendemus, ordine primum Orientem versus servato, tandem ad Meridiem et Occidentem, atque Septentrionem procedendo in Orientem aequinoctialem deveniemus.

DUCATUS VOLODIMIRIAE

Volodimiria Civitas magna, cum suo Ducutu, cuius titulum Princeps Moscoviae sibi vendicat, primum occurrit, quae castrum ligneum sibi coniunctum habet, distatque 36 mil. Polonicis a Moscovia, Orientem versus. Huius Provinciae ager adeo fertilis est, ut ex uno tritici modio, saepe 20 modii: interdum 25 proveniant.

Haec Volodimiria a tempore Volodimiri, Monarchae totius Russiae, qui eam condidit, et a nomine suo appellavit, totius Russiae metropolis erat, ad Ioannem usque Danielis filium, magnum Moscoviae Ducem, qui inde sedem in Moscoviam transtulit.

DUCATUS NOVOGRODIAE INFERIORIS

A Volodimiria in Orientem ulterius procedendo, Novogrodiae inferioris Ducatus occurrit, qui Volodimiria fertilitate rerumque copia ex altera nascentium aequatur. In hoc Ducatu est civitas ampla et lignea, Novogrodia inferior dicta, a qua et Regio ipsa nomen accepit. Sita autem est ad Wolgae et Occae fluviorum celeberrimorum confluxum, Castrum quoque huic Civitati adhaeret, quod Basilius Dux Moscoviae ex lapide in scopulo construxit, distat vero Novogrodia inferior a Moscovia 100 miliaribus Polonicis.

Во всей державе Московской золото и серебро нигде не встречаются, и все жители этих областей и сам государь пользуются только привозным.

Поэтому великий князь под страхом тяжелого наказания запрещает вывозить из своих областей золото и серебро, а приказывает производить обмен товаров и отдавать некоторые товары, как например, меха, которых очень много, или что-нибудь иное такого же рода взамен других товаров, чтобы золото и серебро оставались в его областях; благодаря этому сего государя считают очень богатым золотом и серебром.

Прошло едва сто лет с тех пор, как москвиты стали употреблять серебряную монету, главным образом, отчеканенную у них самих. Вначале, когда начали ввозить к ним серебро из-за границы, тогда отливались продолговатые серебряные пластинки без изображений и надписей, достоинством в один рубль; рубль же содержит сто московских денег и столько же польских грошей. Прежде же употребления монеты пользовались шкурками белок и других животных, и к ним приравнивалось все необходимое для жизни или деньги.

Золотую же монету государь московский не чеканит, но у него много золотых унгариков и привозных рейнских.

Московия, которая является столицей и метрополией всех прочих областей и городов, подчиненных князю Московии, описана в начале; теперь же примемся описывать остальные провинции и главные города, находящиеся под властью Москвы, соблюдая такой порядок: сначала обратимся к востоку, потом к югу и западу и, продвигаясь к северу, перейдем к равноденственному востоку.

КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРСКОЕ

Сперва возникает перед нами большой город Владимир со своим княжеством, титул которого присваивает себе государь Московии. Он расположен в тридцати шести польских милях к востоку от Московии. Земля этой провинции так плодородна, что из одного модия пшеницы родится часто двадцать, а иногда двадцать пять модиев¹⁸.

Этот Владимир со времени монарха всей России Владимира, который основал его и назвал своим именем, был столицей всей России вплоть до сына Даниила Иоанна, великого князя Московии, который оттуда перенес свое местопребывание в Московию¹⁹.

КНЯЖЕСТВО НИЖЕГОРОДСКОЕ

Далее на восток от Владимира встречается княжество Нижегородское, которое равно Владимирскому по плодородию и обилию всякой живности. В этом княжестве есть обширный деревянный город, называемый Нижним Новгородом, от которого получила имя сама область. Он стоит у слияния знаменитейших рек Волги и Оки. К этому городу примыкает также крепость, которую выстроил из камня на возвышенности князь Московский Василий²⁰. Отстоит же Нижний Новгород от Московии на сто польских миль.

Haec autem Civitas terminum religionis Christianae facit. Nam licet Princeps Moscoviae ultra Novogrodiam hanc, castrum quod Sura a fluvio eiusdem nominis appellatur habeat, tamen intermixtae sunt gentes quae Caeremissi appellantur. Hi autem non Christianum sed Machometi dogma amplectuntur. Sunt ibi quoque aliae gentes, Mordva dictae Caeremissis intermixtae.

Huius Ducatus Novogrodiae inferioris Princeps Moscoviae titulo utitur.

DUCATUS REZANENSIS

A Novogrodiae inferioris Ducatu, ad Occidentem nonnihil reflectendo, Rezan Provincia inter Occam et Tanaim fluvios sita est. Hic Principatus caeteris omnibus Moscoviae Provinciis fertilior est, in quo singula grana frumenti binas pluresve spicas proferre solent, quarum culmi tam dense accrescunt, ut nec equi facile transire, nec coturnices inde evolare possint, mellis, piscium, avium, ferarumque ibi magna copia, ac arborum fructus, longe Moscoviae fructibus nobiliores. Gens audacissima bellicosissimaque.

Civitas lignea, in hac Provincia eiusdem nominis, ad ripam Occae fluvii sita est, et non procul ab hac Civitate Occa, fluvius insulam facit, quae Strup dicitur, magnus Ducatus olim circa hanc insulam erat, cuius Princeps nemini obtemperabat, sed nunc hic Ducatus funditus extinctus est.

Hic etiam Ducatus Rhezanensis titulum magni Moscoviae Ducis auget.

Corsira in ripa Occae fluminis, oppidum ligneum a Rezan 28 miliaribus distans, habebat olim dominum sui iuris, sed nunc in ditionem magni Moscoviae Ducis redactum est.

Tulla oppidum ligneum, 40 fere miliaribus Polonicis a Rezan distat, a Moscovia vero in meridiem 36 estque hoc ultimum oppidum a Campestria deserta, in quo Basilius Ioannis, castrum ex lapide construxit, quod fluvius eiusdem nominis praeterlabitur. Uppa vero alius fluvius ab ortu castrum alluit, Tullaeque fluvio junctus Occae, supra Vorotin 20 fere miliaribus commiscetur.

Hoc autem oppidum Tulla cum suo territorio ad Basilii usque tempora, patris moderni Ducis Moscoviae Joannis Basiliadis proprium Principem haereditarium habebat.

Odoiow Castrum ad Tullae et Uppae fluviorum ostia, ubi in Occam exonerantur situm est. Tandem a Castro praedicto nonnihil in meridiem reflectendo Msczenek locus palustrosus est, in quo olim arx eiusdem nominis (cuius etiam nunc ruinae apparent) condita erat. Circa hanc arcem quidam homines in tuguriolis habitant, qui a Tartaris infestati in illam aream palustrosam quasi ad asylum confugere solent. Distat autem Msczenek a Moscovia 60 miliaribus Polonicis, a fontibus vero Occae fluvii ad partem sinistram reflectendo 18 miliar.

Haecque oppida Occa fluvius praeterlabitur, Vorotiniam, Colugam, Cerpachum, Corsiram, Columnam, Rezaniam, Cazimogrodiam, Murinamque.

Дальше этого города христианская религия не распространяется. Ибо, хотя государь Московии имеет и за этим Новгородом крепость, которая называется Сурой от реки того же названия, однако племена являются смешанными и называются черемисами. А они исповедуют учение не христианское, а магометанское. Есть там также и другие племена, называемые мордва и смешанные с черемисами.

Государь Московии пользуется титулом этого Нижегородского княжества.

КНЯЖЕСТВО РЯЗАНСКОЕ

От Нижегородского княжества несколько к западу между реками Окой и Танаисом лежит провинция Рязань. Это княжество плодороднее всех других провинций Московии; там отдельные зерна хлеба обыкновенно родят по два и больше колосьев, стебли которых растут так густо, что сквозь них не без труда пробираются лошади и не могут взлететь перепела; меда, рыбы, птицы и диких зверей там великое множество, а плоды деревьев гораздо знаменитее плодов из Московии. Народ там чрезвычайно смелый и воинственный.

В этой провинции есть деревянный город того же названия, расположенный на берегу реки Оки, а недалеко от этого города река Ока образует остров, который называется Струп; некогда на этом острове было большое княжество, глава которого никому не подчинялся, но теперь это княжество совершенно уничтожено.

Название Рязанского княжества также присоединяется к титулу великого князя Московии.

Деревянный городок Кашира на берегу реки Оки в двадцати милях от Рязани имел некогда независимого господина, но теперь подчинен власти великого князя Московии²¹.

Деревянный городок Тула стоит почти в сорока польских милях от Рязани, а от Московии в тридцати шести к югу; это — последний город от Дикого Поля²², в котором Василий Иоаннович построил каменную крепость; мимо нее протекает река того же названия, а другая река Упа омывает крепость с востока и, соединенная с рекой Тулой, сливается с Окой почти в двадцати милях выше Воротынска.

И этот городок Тула со своей территорией вплоть до времени Василия, отца нынешнего князя Московии Иоанна Васильевича, имел собственного наследного государя.

Крепость Одоев расположена у устьев рек Тулы и Упы, где они впадают в Оку. Наконец, несколько к югу от названной крепости находится болотистая местность Мценск, в которой некогда была построена крепость того же названия (развалины которой видны и сейчас). Вокруг этой крепости жили в маленьких хижинах некие люди, которые обычно бежали на эту болотистую равнину как в убежище под натиском татар. Отстоит же Мценск от Московии на шестьдесят польских миль, от истоков же реки Оки на восемнадцать миль влево.

Река Ока протекает мимо следующих городков: Воротыни, Калуги, Серпухова, Каширы, Коломны, Рязани, Касимова и Муромы.

Et inde cursu ad Septentrionem nonnihil reflexo infra Novogrodiam inferiorem in Volgam exoneratur, Sylvis utrinque ripae hujus fluminis clauduntur, quae aspreolis, hermetris, castoribusque et melle plurimum abundant.

Campi etiam omnes quos praeterfluit irrigatione ejus, fertilissimi sunt. Piscium copiam qui caeteris fluminibus Moscoviae praeferuntur habet.

Oriuntur quoque ex hujus Occae fontibus alii duo fluvii, Sem videlicet et Sosna, Semque recta in meridiem, et nonnihil tandem in Orientem cursum dirigens, Severensem Ducatum praeterfluit, Oppidumque Potivolo alluens in Desnam fluvium illabitur, juxta Czernigow oppidum. Desna autem infra Kijoviam in Boristenem exoneratur. Porro Sosna cursu in Orientem directo per Campestria Tartarorum in Tanaim fluvium defertur.

Coluga oppidum et castrum ligneum, ad Occam fluvium 36 miliaribus Polonicis a Moscovia abest, ibi quotannis praesidia contra incursiones Tartarorum statuere solet magnus Dux Moscoviae.

VOROTINENSIS DUCATUS

Ducatus Vorotinensis, tribus a Coluga miliaribus cum civitate et castro ejusdem nominis ad Occam fluvium sito, distat.

DE TANAIIS FLUVII FONTIBUS

Tanais fluvii fontes (qui Europam ab Asia disterminat), quidam sub Ripheis montibus falsa opinione ducti ponebant. Hic autem in Rezaniam Russiae regione magno Moscoviae Duci subjecta oritur: ex lacu quodam Ivanovo Jezioro gentili lingua dicto, qui in latitudinem ad 500 Verst secundum distantias Moscoviticis quae 100 miliaria Polonica efficiunt, extenditur. Ex hoc autem lacu alius fluvius magnus, minor tamen Tanai emergit, Schad dictus, qui in Occidentem cursu directo, Huppaque fluvio hausto, Occam influit. Tanais autem quam Mosci Don appellant, ex eodem lacu ortus recta in Orientem fluit, atque inter Cazan et Astrachan Tartarorum Regna (quae Moschorum Dux Anno Domini 1554. suae ditioni subegit), sex vel septem miliaribus a Volga fluvio, cursu nonnihil Septentrionem versus incurvato labitur, demum in Meridiem cursu sinuoso reflectens, in paludes Meotidis exoneratur, ad cujus ostia Azoph civitas Turcis tributaria sita est. Azoph autem quinque dierum navigatione ab Isthmo Tauricae, quae nunc Praecop vocatur, distat. In ea multarum ex diversis partibus orbis gentium, celeberrimum est Emporium. In his autem partibus praecipue circa paludes Meotidis, non miliaria sed dierum itinera observantur.

Est etiam alter Tanais minor qui in Severiensi Ducatu fontes suos habet, (unde Dunecz Severski vocatur) et supra Azoph, in Tanaim magnum exoneratur. Circa ostia autem hujus minoris Tanais, quatuor dietis ab Azoph civitate, in montibus quos sanctos appellant, dicunt statuas imaginesque quasdam antiquitatis signa, extare.

Несколько отклонившись оттуда к северу, под Нижним Новгородом она впадает в Волгу; на обоих берегах этой реки растут густые леса, которые изобилуют горностаем, белками, бобрами и медом.

Она орошает все поля, мимо которых протекает, и благодаря этому они чрезвычайно плодородны. В ней водится множество рыбы, которая распространяется и по другим рекам Московии.

У истоков этой реки Оки начинаются также две другие реки, именно Сейм и Сосна; Сейм течет прямо на юг и, наконец, отклоняясь несколько к востоку, протекает через Северское княжество; омывая городок Путивль, он впадает в реку Десну неподалеку от городка Чернигова. Десна же ниже Киева впадает в Борисфен²³. В свою очередь Сосна течет прямо на восток через Татарские степи и впадает в реку Танаис.

Городок и деревянная крепость Калуга стоит на реке Оке в тридцати шести польских милях от Московии; великий князь Московии обычно размещает там ежегодно заслон против набегов татар.

БОРОТЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Княжество Воротынское с городом и крепостью того же названия, расположенной на реке Оке, отстоит от Калуги на три мили.

ОБ ИСТОКАХ РЕКИ ТАНАИС

Истоки реки Танаис (которая отделяет Европу от Азии) некоторые ошибочно полагают под Рифейскими горами²⁴. А между тем она начинается в области Рязань, подчиненной великому князю Московии: из озера, называемого на туземном языке Иваново Езеро, которое тянется в ширину на пятьсот верст в московском исчислении, то есть на сто польских миль. Из этого же озера вытекает другая большая река, однако, меньше Танаиса, называемая Шад, которая, поворачивая прямо на запад и приняв реку Упу, впадает в Оку. Танаис же, которую москвиты называют Доном, начинаясь из того же озера, течет прямо на восток и между Казанским и Астраханским ханствами (князь Московский покорил их в 1554 году по Рождестве Христовом²⁵) протекает в шести или семи милях от реки Волги, немного отклоняясь к северу, а затем, сильно извиваясь, поворачивает на юг и впадает в Меотидское болото, в устье его расположен город Азов — турецкий данник. Азов же отстоит на пять дней плавания от Истма Таврического, который называется теперь Перекопом. На нем находится многолюднейший рынок, на котором собираются многие народы из разных стран. В этих же странах, особенно возле Меотидского болота, путь считается не милями, а днями.

Есть также другой, малый Танаис, который берет свое начало в Северском княжестве (поэтому он называется Донец Северский) и выше Азова впадает в большой Танаис. Около же устьев этого малого Танаиса, в четырех днях от города Азова, в горах, которые называются Святыми, говорят, стоят статуи и какие-то древние изображения.

Columnas etiam Alexandri Magni Macedonum Regis, in his partibus quidam posuere. At nunc nullum vestigium earum apparere, illi qui ea loca saepius peragrarunt perhibent, atque ideo nihil certi de ruinis et situ earum assequi datur.

Haec igitur de Tanais fluvio breviter dicta sufficiant. Nunc rursus ad describendas caeteras Moscorum Ducis provincias, pergam atque a Moscovia meridiem versus, dextrorsum procedendo, Severiensem Ducatum attingam.

DE MAGNO SEVERIENSI DUCATU

Severiensis Ducatus est ingens, et rebus omnibus affluens, cujus latitudo a Boristene usque ad Mscenek castrum dirutum, supradictum extenditur, vastosque et desertos passim campos possidet.

Primo Duces Severienses sui juris erant, sed postea magnis Lituaniae Ducibus per multos annos parebant. Tandem quoque (cum magnus Ducatus Jagielone baptisato ad Polonos pervenit) Regibus Poloniae tributa persolvebant. Deinde a Casimiro Rege Poloniae magnoque Duce Lituaniae, Jagielonis filio, ad Joannem magnum Moscoviae Ducem, defecerunt. Sedes autem hujus Principatus in Novogrodek sita erat. Sed tandem hi Principes (prout aliis multis Moscoviae Duci subjectis contingit) perfidiae innocenter accusati, a Basilio patre moderni Principis Ioannis Basiliadis, Principatu exuti sunt. Hi autem Severienses principes, genus suum a Demetrio magno Duce Moscoviae, duxerunt.

Arces et Civitates in hoc Ducatu complures sunt, inter quas Novogrod, Sievierski dictus, Starodub, Potivolu, Czernigow, et Bransko, celebriores. Sylvae Hermelis, Aspreolis, melleque plurimum redundant, agros quoque haec Regio fertilissimos habet.

Novogrod Siewierski dictus, civitas et arx lignea, in qua olim sedes Ducum Severiensium erat, distat a Potivolu et Starodub civitatibus ab una 18 ab altera 14 miliaribus: ad hanc civitatem, a Moscovia dextrorsum meridiem versus per Colugam, Vorotinium, Serensko, et Bransko 150 miliaribus pervenitur.

Czernigow, arx et oppidum lignea a Moscovia 140 miliaribus Polonicis a Kijovia vero 60 distat. Haec ultra Sylvam magnam, quae 24 miliaribus in latitudinem protenditur, sita est.

Hujus Ducatus titulo Magnus Dux Moscoviae utitur, et Severiensem se Imperatorem appellat.

DUCATUS SMOLENSCENSIS

Smolensko civitas ingens, et insignis, ad Boristenem fluvium sita, arcem ex roboribus aedificatam in ulteriores fluminis ripa habet, in qua plurima aedificia lignea in formam civitatis extracta sunt. Hanc ex una parte Boristenes fluvius alluit, ex altera vero fossis profundis, stipitibusque acutis munitur, in medio autem arcis templum divae virginis in scopulo conditum est.

Кто-то поставил в этих местах колонны Александра Великого, Македонского царя. Но теперь, как говорят те, кто часто бывает в этих местах, не видно никаких следов их, и ничего определенного нельзя узнать об их развалинах и местоположении.

Итак, достаточно этих кратких заметок о реке Танаис. Теперь обращаюсь снова к описанию прочих провинций князя Московского и, повернув от Московии к югу, переходя справа налево, коснусь Северского княжества.

О ВЕЛИКОМ СЕВЕРСКОМ КНЯЖЕСТВЕ

Северское княжество²⁶ — огромное и богатое во всех отношениях; простирается оно от Борисфена до вышеупомянутой разрушенной крепости Мценск, имеет повсюду обширные необитаемые степи.

Вначале князья Северские были самостоятельными, но впоследствии много лет подчинялись великим князьям Литвы. Наконец (когда великое княжество после крещения Ягеллона перешло к полякам), они также стали платить подати польским королям. Затем от Казимира, короля Польского и великого князя Литовского, сына Ягеллона, они отпали к великому князю Московии Иоанну. Трон же этого государства находится в Новгороде. Но, наконец, эти государи (так же как случается со многими другими подданными князя Московии), бездоказательно обвиненные в измене, были лишены господства Василием, отцом нынешнего государя Иоанна Васильевича. А эти Северские государи ведут свой род от великого князя Московии Димитрия²⁷.

Крепости и города в этом княжестве очень многочисленны, и среди них наиболее известны: Новгород, называемый Северским, Стародуб, Путивль, Чернигов и Брянск. В лесах очень много горностаев, белок и меда; поля в этой области также очень плодородны.

Новгород, называемый Северским, — город и деревянная крепость, в которой был некогда престол князей Северских, отстоит от городов Путивля и Стародуба — от первого на восемнадцать, от второго на четырнадцать миль; до последнего города, повернув от Московии вправо на юг через Калугу, Воротынию, Серенск и Брянск, расстояние — сто пятьдесят миль.

Чернигов, кремль и городок, отстоит от Киева на тридцать миль. Путивль, кремль и деревянный городок, отстоит от Московии на сто сорок миль, а от Киева на шестьдесят. Он расположен за большим лесом, который тянется на двадцать четыре мили в ширину.

Титулом этого княжества пользуется великий князь Московии и называет себя Северским императором.

КНЯЖЕСТВО СМОЛЕНСКОЕ

Большой и знаменитый город Смоленск, расположенный на берегу реки Борисфен, имеет на другом берегу кремль, сооруженный из дуба, в котором выстроено множество деревянных зданий в форме города. С одной стороны его омывает река Борисфен, с другой же он укрепляется глубокими рвами и частоколом, в центре же кремля построен храм Богородицы.

Hanc civitatem et arcem Basilius magnus Moscoviae Dux, saepius et gravissime oppugnabat, nunquam tamen vi eam capere potuit, donec Michael Glinski ex Principum Russiae nobili stemmate et familia ortus, qui quondam summam rerum, apud Alexandrum Regem Poloniae, in magno Ducatu tenebat, ad praedictum Basilium (seditione in Lithuania excitata, regnante Sigismundo Rege Poloniae) profugit, et arcem Smolensko denuo cum ingentibus Moscorum copiis, acerrime obsedit, quam tormentis bellicis obstinate, sed frustra oppugnabat, et cum eam vi capere non posset, praefectis militum largitionibus corruptis, per deditionem arce cum civitate potitus est, atque ab hoc tempore in potestate Magni Ducis Moscoviae perseverat.

Civitas ipsa in vallo sita est, collibus undique et sylvis vastissimis, ex quibus pellium diversarum multitudo provenit, cingitur: distat autem Smolensko a Moscovia 80 miliaribus Polonicis.

Drohobus, a Moscovia 72 miliaribus a Smolensko 18 distat, ad Boristenem cum oppido ejusdem nominis sita est.

Hugra, fluvius profundus et lutosus, non longe a Drohobus in sylva quadam oritur, et inter Colugam, et Vorotiniam Occam influit.

Hic autem fluvius Moscorum, et Lithuanorum dominum, quondam dislimitabat.

Wyzma, castrum et oppidum ligneum, ad fluvium ejusdem nominis extractum est, qui haud procul inde in Boristenem ingreditur. Distatque a Moscovia 46 miliaribus: a Mosajsko 26 a Drohobus 18.

Sed quia hic frequenter Boristensis fluvii praeclari, mentio intercidit, pauca de fontibus ejus subjiciam. Boristenes, Fluvius juxta pagum quendam, Dnepersko-dictum fontes suos habet, unde ab incolis Moscovitis, et caeteris Ruthenis Dnepr sive Dneper appellatur. Sic autem cursum suum Boristenes dirigit. Primum Wiezmam Meridiem versus alluit, indeque cursu in Orientem verso, Drohobusch, Smolensko, Orsa, Dubrovna, et Mohilow praeterlabitur. Inde tandem in meridiem tendens, Kioviam Russiae olim metropolim, Circassos, et tandem per Campestria deserta fluens Oczakow, castrum et civitatem Tartarorum Praecopensium, 40 miliaribus a Circas, attingit, indeque in pontum Euxinum exoneratur, cujus tam vasta ostia sunt, ut procul spectantibus maris formam praeferant.

An autem Dnepr fluvius praedictus, a Latinis congruo nomine Boristenes appellaretur, absurdum mihi videtur: nam hic a fontibus suis Dnepersko dictis, Dnepr vulgo a Moscis, Ruthenis, Lithuanis, Polonis et caeteris omnibus Sauromatis vocatur. Vocabulum quoque Dnepr, a Borystene multum discrepat, sed mihi videtur Berezinam fluvium (qui Borisow arcem et alias plures alluens in fluvium supra dictum Dnepr exoneratur), Boristenem antiquitus appellatum esse. Nam id vocabuli sonus, et ipsa congruentia vocis indicat.

Этот город и кремль очень часто и усиленно осаждал князь Московии Василий, но однако ни разу не смог взять его силой, пока не перешел к нему Михаил Глинский²⁸. Он происходил из древнего знатного рода русских князей, имел большое значение в великом княжестве у польского короля Александра, затем, при короле польском Сигизмунде, устроил восстание в Литве и бежал к ранее упомянутому Василию. Он снова с огромным московским войском подверг ожесточенной осаде кремль Смоленск; упорно, но тщетно он воевал против него, применяя осадные машины; когда ему не удалось одолеть кремль в бою, он прибег к подкупу полководцев и овладел кремлем и городом после их сдачи; с этого времени он остался под властью великого князя Московии.

Сам город расположен на возвышенности, окружен со всех сторон холмами и огромными лесами, которые изобилуют разными пушными зверями; находится же Смоленск в восьмидесяти польских милях от Московии.

Дорогобуж, расположенный на Борисфене, с городком того же названия, отстоит от Московии на семьдесят две мили, а от Смоленска на восемнадцать.

Угра, река глубокая, но тинистая, начинается неподалеку от Дорогобужа в каком-то лесу и впадает в Оку между Калугой и Воротынью. Именно эта река являлась когда-то пограничной между владениями Московии и Литвы.

Вязьма — деревянная крепость и городок, построена на реке с тем же названием, которая недалеко отсюда впадает в Борисфен. Она отстоит от Московии на сорок миль; от Можайска на двадцать шесть и от Дорогобужа на восемнадцать.

Но так как здесь часто упоминается знаменитая река Борисфен, я добавлю несколько слов об ее истоках. Река Борисфен берет начало возле какого-то селения, называемого Днеперском, поэтому и называется московитскими жителями и другими русскими Днепр или Днепер. Течение же свое Борисфен направляет так: сначала он с юга омывает Вязьму, отсюда поворачивает к востоку и течет мимо Дорогобужа, Смоленска, Орши, Дубровны и Могилева. Устремляясь отсюда на юг, он протекает мимо Киева, древней столицы России, Черкасс и, наконец, через Дикое Поле; подходит в сорока милях от Черкасс к Очакову, крепости и городу перекопских татар, и отсюда впадает в Понт Эвксинский; устье его настолько обширно, что напоминает по форме море, если смотреть издали.

Но мне кажется нелепым считать, что упомянутая река Днепр называется латинянами соответствующим именем Борисфен: ведь он от своих истоков, называемых Днеперском, повсюду московитами, русскими, литовцами, поляками и всеми прочими савроматами называется Днепром. Также слово «Днепр» очень отличается по своим звукам от «Борисфен», и мне кажется, что Борисфеном в древности называли реку Березину (которая, омывая крепость Борисов и многие другие, впадает в вышеназванный Днепр). Ведь на это указывает звучание слова и само совпадение букв.

Mozaysko, Castrum et oppidum ligneum, a Moscovia 18 miliar: meridiem versus distat, a Wiezma 26 ibi Princeps nonnunquam Oratores diversorum Principum excipere solet, venationemque ibidem quotannis exercet. Nam ibi supra modum Leporum praecipue allorum, magna copia est.

Olgerdus ille, et Vitoldus magni Duces Lithuaniae (quibus non extitit ex Lithuaniae Ducibus bellicosior alter), fines Lithwaniae 6 miliaribus ultra Mozaysko posuerant.

BIELSKIA DUCATUS

Bielskia Principatus Russiae, quondam sui juris Principem habebat: qui magnis Ducibus Lithwaniae Jagielonis filiis (a quibus Basilius Princeps Bielskiae, ad Basilium Ducem Moscoviae defecit, Ducatumque totum illi subdidit), tributarius erat. In hoc Principatu, Biela civitas cum castro ad fluvium Obseha in vastis Sylvis sita est, itaque a Moscovia 60 miliaribus Polonicis, a Smolensko vero 36.

Hunc Ducatum Moscoviae Dux titulo suo adscribit, et se Ducem Byelski appellat.

RSCHOVIAE DUCATUS

In territorio Rschoviensi civitas et arx lignea ejusdem nominis Rsheva appellata, ad Volgae ripam sita est.

Distat autem a Moscovia Occidentem versus 23 miliaribus ultra hanc civitatem aliquot milia Occidentem versus procedendo est Sylva Wolkowski les dicta, in qua est palus Wronow appellata, ex hac palude fluvius quidam emergit, qui 2 miliaribus Polonicis emensis, in lacum quendam Volgo dictum influit, unde rursus aquarum multitudine adauctus egreditur, Volgaque a lacu ex quo oritur, vocatur. Hic fluvius multis fluminibus in se receptis totam Moscorum Principis ditionem, Item Cazanense et Astrachanense Regnum, nonnullaque Tartarorum deserta Campestria perfluit, et tandem 70 ostiis in mare Caspium (Ruthenis Chwalinskoie mare dictum) exoneratur. Hunc fluvium Moscovitae Wolgam, a Volgo lacu, ex quo emergit, appellant. Tartaris vero Edel, Ptolomeo et Graecis Rha dicitur.

Hic Ducatus Rschoviae, in quo praedictus fluvius, fontes suos habet, latissime extenditur, ab hocque Dux Moscoviae titulum sibi usurpat, et Ducem Rschoviae se appellat.

Voloczok, civitas et arx lignea, occidentem aequinoctialem versus 24 miliaribus a Moscovia distat, a Mozajsko 12 a Tweria 20. Leporibus albis haec provincia abundat, ibique magnus Dux saepe venationem exercere solet.

Wyelikiye Luki, arx et civitas magna lignea a Moscovia 140 miliaribus a Novogrodia magna 60 a Poloczko 36 distat, eam Lovat fluvius praeterfluit, indeque Septentrionem versus fluens, in Ilmen lacum juxta Novogrodiam magnam ingreditur.

Можайск — деревянная крепость и городок, отстоит на восемнадцать миль к югу от Московии, от Вязмы — на двадцать шесть; там государь иногда принимает послов различных государей, там же ежегодно охотится, ибо там — безмерное обилие зайцев, особенно белых.

Знаменитый Ольгерд и Витольд²⁹, великие литовские князья (которых не превосходил воинственностью ни один из литовских князей) полагали границы Литвы в шести милях дальше Можайска.

БЕЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Бельское государство России некогда имело самостоятельного государя³⁰, который был данником великих князей Литвы, сыновей Ягеллона (от которых государь Бельского Василий отпал к князю Московии Василию и отдал ему все княжество). В этом государстве есть город Белый с крепостью; он стоит на реке Обше в глухих лесах на расстоянии шестидесяти польских миль от Московии и тридцати шести от Смоленска.

Это княжество князь Московии приписывает к своему титулу и называет себя князем Бельским.

РЖЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

На территории Ржевской на берегу Волги расположен город с деревянным кремлем, названный тем же именем — Ржев. Отстоит же он на двадцать три мили к западу от Московии.

В нескольких милях к западу от этого города есть лес, называемый Волковским, в котором имеется болото Вронв; из него вытекает какая-то река, которая через две мили впадает в озеро Волго, откуда снова выходит более полноводной и по имени озера, из которого начинается, названа Волгой. Эта река, приняв в себя множество притоков, протекает через все владения московского государя, а также через Казанское и Астраханское ханства и частично через татарское Дикое Поле и, наконец, семьюдесятью устьями изливается в Каспийское море (называемое русскими Хвалынским). Эту реку москвиты называют Волгой от озера Волго, из которого она вытекает. Татары же называют Эдель, а Птоломей и греки — Ра.

Это Ржевское княжество, в котором названная река берет свое начало, тянется очень далеко, и от него князь Московии присваивает себе титул, называя себя князем Ржевским.

Волочѣк, город с деревянным кремлем, находится в двадцати четырех милях к юго-западу от Московии, в двенадцати от Можайска и в двадцати от Твери. Эта провинция изобилует белыми зайцами, и великий князь здесь часто охотится.

Великие Луки, кремль и большой деревянный город, находится в ста сорока милях от Московии, в шестидесяти от Новгорода Великого и в тридцати шести от Полоцка; через него протекает река Ловать и, повернув оттуда на север, впадает в озеро Ильмень неподалеку от Новгорода Великого.

Toropyecz, arx, et civitas, a Wielikie Luki decem et octo miliaribus distat, ad confinia Lithuaniae Ducatum Smolensciensem attingens sita.

Haec autem arx Toropetz cum caeteris sibi adjacentibus, videlicet Drohobus, Biela, et Brensko, cum bona Severiensis Ducatus parte, uno tempore per deditionem in magni Ducis Moscoviae poterstatem Joannis Basillii devenerunt, sub Alexandro Rege Poloniae, magnoque Duce Lithuaniae, prout latius in descriptione Regni Polonici dictum est.

DUCATUS TWERENSIS

Twerensis Ducatus, cujus titulum magnus Dux Moscoviae sibi usurpat, amplissima olim ditio erat, una ex magnis Russiae Principatibus, ad Volgam fluvium sita, 36 miliaribus distat a Moscovia. In ea est civitas Occidentem eastivalem versos Twer dicta, quam Wolga fluvius interlabitur. In altera autem Wolgae ripa castrum ligneum sibi conjunctum habet, ex cujus opposito Twerca fluvius Wolgam influit.

Haec civitas monetam argenteam propriam habet, quae valore Moscoviticae aequatur.

Tersak oppidum 10 miliaribus Polonicis a Tweria abest. Hujus olim pars dimidia Novogrodiensi, altera Twerensi Ducatui subjacebat.

Porro hic Ducatus Twerensis a Joanne Basillii, Moscoviae Principe, avo moderni Ducis occupatus est.

DUCATUS PSCOVIENSIS

Pskovia Principatus, olim amplissima sui juris ditio erat. Sed a Joanne Basillii, anno Domini 1509 occupatus est. In eo est civitas celebris totius regionis metropolis, Pskovia, gentiliter Pskow dicta, ad lacum Pskowa dictum sita, ex quo ejusdem nominis fluvius emergit, ac mediam civitatem interfluit, indeque sex miliaribus emensis in lacum Czuczko, vel Czudzin dictum ingreditur.

Sola autem Pskovia in toto Moscvi imperio muro cincta est, quae in quatuor partes dividitur, et earum singulae suis moenibus clauduntur.

Distatque haec civitas Occidentem versus a Novogrodia magna 36 miliaribus, a Wielikije Luki, et a Riga Livoniae metropoli 60.

Facilis ex Pskovia in mare Balticum esset navigatio, sed scopuli quidam non longe ab Iwanow Gorod, et Nerva castris, in finibus Livoniae impedimento sunt, ubi 2 miliaribus emensis Nerva fluvius pluribus fluviis haustis in mare exoneratur.

Hanc civitatem anno supra dicto Moscoviae Dux proditione sacerdotum occupavit, civibusque in Moscoviam abductis, et in eorum locum Moscovitis substitutis libertatem Pskoviensium, quam strenue multis annis propugnabant, prorsus diminuit, ejusque titulum sibi usurpat.

Торопец, кремль и город, отстоит от Великих Лук на восемнадцать миль и у рубежей Литвы граничит с княжеством Смоленским.

Этот кремль Торопец с прочими прилежащими к нему, а именно, Дорогобужем, Белым и Брянском, с доброй частью Северского княжества одновременно отдались под власть великого князя Московии Иоанна Васильевича; о том же, как он был под властью Александра, короля Польского и великого князя Литовского, подробнее сказано в описании королевства Польского.

КНЯЖЕСТВО ТВЕРСКОЕ

Тверское княжество, титул которого присваивает себе великий князь Московии, некогда было обширнейшим владением, одним из больших государств Руссии, расположенным на берегу Волги; оно отстоит от Московии на тридцать шесть миль. В его юго-западной части находится город Тверь, который пересекает река Волга. На другом же берегу Волги он имеет присоединенную к себе деревянную крепость, с противоположной стороны которой впадает в Волгу река Тверца.

Этот город имеет собственную серебряную монету, которая по стоимости равняется московитской.

Город Торжок находится в десяти польских милях от Твери. Одна половина его принадлежала некогда Новгородскому княжеству, а другая — Тверскому.

Впоследствии это Тверское княжество было захвачено государем Московии Иоанном Васильевичем, дедом нынешнего князя³¹.

КНЯЖЕСТВО ПСКОВСКОЕ

Государство Псковия некогда было весьма обширным и самостоятельным владением, но в 1509 году было захвачено Иоанном Васильевичем³². В нем есть знаменитый город, столица всей области, называемый Псковия, а по-туземному Псков. Он расположен на озере Пскова, из которого берет начало река с тем же названием; она протекает через город и в шести милях отсюда впадает в озеро Чудское или Чуддин.

Одна только Псковия во всей Московской державе окружена стенами; она делится на четыре части, каждая из которых замыкается своими стенами.

Отстоит этот город от Новгорода Великого на тридцать шесть миль к западу, а от Великих Лук и от столицы Ливонии Риги на шестьдесят миль.

Нетруден водный путь из Псковии в Балтийское море, но пороги недалеко от Ивангорода и крепости Нарва на границах Ливонии являются препятствием там, где двумя милями ниже река Нарва, приняв многочисленные притоки, впадает в море.

Это государство князь Московии захватил из-за измены священнослужителей происшедшей ранее упомянутого года; жителей вывел в Московию, а на их место поселил московитов; совершенно уничтожил свободу псковичей, за которую они ревностно сражались много лет, и присвоил себе его титул.

DUCATUS NOVOGRODIAE MAGNAE

Novogrodiae magnae Principatus amplissimus olim, ex totius Russiae Ducatibus erat. Cujus imperium Rurik Varegus sorte sibi oblatum, imprimis administrabat, et tandem post eum successores ejus latissime ad Graeciam usque imperium suum extendebant. Et tunc temporis amplissimam ditionem in quinque partes distributam habebat. Imperiumque suum Orientem, Meridiem, et Septentrionem versus, magna ex parte extendens, Lithuaniam Phinlandiam, Swetiam, et Nordwegiam ipsam attingebat.

Est autem in hoc principatu civitas ingens et ampla Nowogrodia magna appellata, gentiliter Nowogrod wielki dicitur. Eam Wolchow fluvius navigabilis interfluit, qui ex Ilmen lacu duobus werst supra civitatem emergens in alium lacum (Novogrodia magna interlapsa), Ladoga dictum, exoneratur: triginta sex Polonicis miliaribus emensis.

Porro Ilmen lacus supra Novogrodiam duobus werst situs, in longitudinem decem octo miliaribus Polonicis, in latitudinem vero duodecim patet, duosque praeter alios celebriores fluvios excipit, Lowat, et Scholona dictos, unum vero emittit, Volchow dictum, qui Novogrodiam interfluit.

Distat autem Novogrodia Occidentem aestivalem versus a Moscovia centum viginti miliaribus, a Pskovia triginta sex, ab Ivanow Gorod, et Wielkie Luki quadraginta.

In hac civitate erat olim quoddam idolum Perun appellatum, hoc in loco, quo nunc est monasterium, Perunski monaster ab idolo eodem dictum. Hoc idolum a Novogrodensibus praecipue cultu latriae adorabatur: habebat autem formam hominis lapidem ignitum manu tenentis, similem fulmini. Nam Perun Ruthenis et Polonis fulmen significat. In hujus laudem et honorem ignis ex quercubus, qui perpetuo die nocteque arderet, construebatur. Quod si negligentia ministrorum, ad hoc officium obeundum designatorum, ignem extingui contingeret, tunc capitis poena plectebantur.

Currente anno Domini 1470 cum Theophilus Archiepiscopus Novogrodiae, sua auctoritate totam ditionem Novogrodiensem gubernaret, Regi Poloniae Casimiro tunc temporis magno Duci Lithuaniae tributa persolvens, Joannes Basilius Moscorum Dux Novogrodiensem principatum, gravi acerrimoque bello per septem perpetuos annos pressit, ipsamque civitatem Novogrodiam saepius obstinate oppugnabat. Tandem anno Domini 1477 ad fluvium Scholona dictum Novogrodenses bello superavit, eosque ad deditionem civitatis et totius regionis compulit, et locum tenentem suum illis constituit. Cum autem nondum absolutum se imperium in Novogardensis habere intellexisset, auxilio praedicti Theophili Archiepiscopi, in Novogardiam armata manu venit, sub praetextu religionis conservandae, quasi cives quosdam a Ruthenico ritu, ad Romanam Ecclesiam deficere volentes, cohibere proposuisset, hacque simulatione Novogrodiam ingressus, incolas ad miserissimam servitutem redegit, cives, mercatoresque omnes, bonis omnibus (parte unicuique quarta relicta) spoliavit, ipsumque Archiepiscopum proventibus omnique auro et argento privavit, et alium Episcopum (parva duntaxat reddituum portione illi concessa), in locum ejus constituit.

КНЯЖЕСТВО НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

Государство Новгорода Великого некогда было самым обширным из всех русских княжеств. Власть над ним сначала получил по жребию варяг Рюрик, а наследники его расширили свою державу до самой Греции³³. Для того времени Новгород имел обширнейшие владения, разделенные на пять частей, и держава его, вытягиваясь далеко на восток, юг и север, граничила с Литвой, Финляндией, Швецией и с самой Норвегией.

Есть в этом государстве значительный большой город, называемый Новгородом Великим, а по-туземному Nowogrod wielki. В двух верстах от города из озера Ильмень берет начало судоходная река Волхов и, протекая через Новгород Великий, впадает в другое озеро, называемое Ладогой; длина реки тридцать шесть польских миль.

Озеро Ильмень, расположенное в двух верстах от Новгорода, тянется в длину на восемнадцать польских миль, а в ширину на двенадцать; в него впадают две довольно известных реки — Ловать и Шелонь, а вытекает упомянутый Волхов, пересекающий Новгород.

Отстоит же Новгород к юго-западу от Московии на сто двадцать миль, от Псковии на тридцать шесть, от Ивангорода и Великих Лук на сорок.

В этом городе был некогда идол, называвшийся Перуном, в том месте, где теперь расположен монастырь, который зовется Перунским по имени этого идола. Новгородские язычники более всего почитали этого идола: его изображали в облике человека, держащего в руке раскаленный камень, подобный молнии, ведь «перун» у русских и поляков обозначает молнию³⁴. Во славу его и честь сооружался костер из дубовых поленьев, который должен был непрерывно пылать и днем, и ночью. Если же из-за небрежности служителей, назначенных следить за костром, огонь погасал, их казнили.

Когда в 1470 году архиепископ Новгородский Феофил правил своею властью всей Новгородской землей, платя дань королю Польскому Казимиру, в то время великому князю Литовскому, тогда князь Московский Иоанн Васильевич начал против Новгородского государства тяжелую и жесточайшую войну, тянувшуюся непрерывно семь лет, и за это время не раз упорно штурмовал город Новгород. Наконец, в 1477 году он победил новгородцев в битве при реке Шелони³⁵, принудил к сдаче города и всей области и объявил властителем себя. Однако, так как он понимал, что еще не имеет абсолютной власти над новгородцами, то с помощью упомянутого выше епископа Феофила он вошел в Новгород с вооруженным отрядом под маской ревнителя религии, будто бы желая воспрепятствовать некоторым гражданам, якобы собирающимся отпасть от русской церкви к римской. Под этим предлогом он вторгся в Новгород, поверг жителей в позорнейшее рабство, всех граждан и купцов лишил их имущества (оставив каждому четвертую часть), отнял у самого архиепископа его доходы и все золото и серебро и назначил на его место другого епископа (уделив ему только малую долю доходов).

Russa, oppidulum vetustissimum olim antiqua Russia dictum, a Novogrodia 12 miliaribus distat, quod fluvius salsus praeterfluit, quem incolae fossa ampla in modum lacus coercent, indeque aquam per cannales unusquisque ad suas aedes deducunt, et ex ea sal coquunt.

Ivanow Gorod ars, quam Joannes Basiliades Moscoviae Dux, a quo et nomen accepit, ad ripam Nervae fluvii ex lapidibus sectis extruxit, distat a Novogardia magna 40 miliaribus a Pscovia totidem.

Juxta hanc arcem est civitas lignea Nerva a fluvio appellata, ubi Novogrodenses, et Pskovienses merces suas deponere solent. Est ibi quoque ex adverso in altera ripa Livoniensium castrum et civitas, quod etiam ab eodem fluvio Nerva appellatur, atque haec duo castra Nerva fluvius interfluens, Moscoviae olim imperium a Livoniensi dislimitabat. Sed nunc Joannes Basiliades modernus Princeps Moscoviae, Nerwa arce Livoniensium cum caeteris potitus, ulterius fines suos promovit. Nerwa autem fluvius ex lacu Czudzko dicto oritur, duobusque in se receptis fluviis, Pskowa, et Vielika Reka dictis, ex Meridie venientibus Iwanow Gorod, et Nerwam civitatem interfluit, indeque in mare Livonicum exoneratur. Hoc fluvio ex Moscovia merces in mare deportantur praecipue ex Pskoviae et Novogrodiae magnae regionibus.

Jamma Castrum, 12 miliaribus ab Iwanow Gorod, et Nerwa situm est, ad Plussae fluvii ostia Septentrionem versus. Deinde spacio 4 miliarium a Jamma, castrum et civitas Coporogia dicta, ad fluvium ejusdem nominis occurrit. Hinc Septentrionem versus, 25 miliaribus per Oreszek, et Corelam civitates, ad fluvium Polna pervenitur, qui imperium Moscorum a Phinlandia Swetiae Regi subjecta dislimitat.

VODZKA REGIO

Haec regio a Novogrodia magna, triginta miliaribus distans, inter Occidentem et Septentrionem sita est, cujus incolae proprium idioma habent, aliquantulum a Ruthenico differens, in eam animalia cujuscunque generis, si aliunde inducta fuerint, colorem suum in albedinem mutare perhibentur.

CORRELA PROVINCIA

Haec provincia suum proprium idioma habet, a Novogrodia Septentrionem versus, sexaginta miliaribus Polonicis distat, cujus incolae Moscorum Duci et Swetensium Regi propter utriusque vicinitatem tributa pendunt. Hujus provinciae fines ad mare usque glaciale protenduntur.

Solowki Insula Septentrionem versus, inter Dvinam et Corelam provinciam octo miliaribus Polonicis a terra in mari sita est, Moscoviae Duci subjecta. Estque ibi monasterium Ruthenicum insigne, in quod mulieribus ingressus gravi sub poena prohibetur.

Distat autem haec Insula a Moscovia trecentis miliaribus a Bielle jezioro 200 miliaribus Polonicis. Sal ibi copiusius decoquitur.

Solem illic in aestivali Solstitio perpetuo, duabus tantum horis exceptis, splendere affirmant.

Русса, древнейший городок, некогда называвшийся старой Руссией, отстоит от Новгорода на двенадцать миль; протекает через него соленая река, которую жители с помощью широкого вала заставили разлиться озером, и отсюда по каналам все отводят воду к своим домам и варят из нее соль.

Кремль Ивангород на берегу реки Нарвы выстроил из отесанного камня московский князь Иоанн Васильевич и назвал своим именем; он стоит в сорока милях от Новгорода Великого и на таком же расстоянии от Пскова³⁶.

Неподалеку от этого кремля есть деревянный город Нарва, названный по имени реки, где новгородцы и псковичи складывают свои товары. На противоположном берегу реки есть также ливонский город с тем же названием. Река Нарва, протекающая между этими двумя крепостями, отделяла державу Московии от Ливонской. Но теперь нынешний государь Московии Иоанн Васильевич, овладев ливонской крепостью Нарва вместе с прочими, отодвинул свои границы дальше. Река же Нарва вытекает из названного озера Чудско и, приняв в себя с юга два притока — Пскову и так называемую Великую реку, обтекает Ивангород и город Нарву и потом впадает в Ливонское море. По этой реке отправляют товары из Московии в море, особенно из Псковской и Новгородской областей.

Крепость Ямма расположена в двенадцати милях к северу от Ивангорода и Нарвы в устье реки Плюссы³⁷. Далее, на расстоянии четырех миль от Яммы находится крепость и город Копорье на реке с тем же названием. В двадцати пяти милях к северу отсюда через города Орешек и Корела доходишь до реки Польна, которая отделяет московскую державу от Финляндии, подчиненной шведскому королю.

ВОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Эта область находится в тридцати милях к северо-западу от Новгорода Великого. Жители ее говорят на собственном языке, несколько отличающемся от русского. В ней водятся различные животные, те из них, что были завезены сюда из какого-нибудь другого места, то изменили свой цвет на белый.

ПРОВИНЦИЯ КОРЕЛА

Эта провинция имеет свой собственный язык, отстоит на шестьдесят польских миль к северу от Новгорода. Жители ее платят подати и московскому князю, и шведскому королю вследствие близости к обоим. Границы этой области тянутся до самого ледяного моря.

В восьми польских милях от берега к северу лежит в море между провинциями Двина и Корела остров Соловки, подчиненный князю Московии. Есть там знаменитый русский монастырь, вход в который женщинам запрещен под страхом тяжкого наказания.

Отстоит же этот остров от Московии на триста польских миль, а от Белоозера на двести. Там в большом количестве вываривается соль.

Уверяют, что во время летнего солнцестояния там непрерывно, за исключением двух часов, сияет солнце.

DWINA PROVINCIA

Haec provincia in ipso Septentrione sita est, Novogardensiumque olim ditionis erat, et a fluvio praeterlabente Dwina dicto nomen sortita est. Fluvius autem ipse ab Jug, et Suchana fluviorum duorum confluxu Dwinae nomen accepit. Dwina enim Ruthenis binos significat. Hic fluvius postquam Jug, et Suchana confluerunt, Dwinae nomine assumpto, emensis centum miliaribus, Oceanum Septentrionalem qui Swetiam et Nordwegiam alluit, sex ostiis ingreditur. Numerantur autem a Moscovia civitate, tercenta miliaria Polonica ad ostia ejus.

Haec provincia, quamvis centum miliaribus pateat, praeter Colmogoram, tamen Castrum, et Dwinam civitatem, quae in medio regionis sita est castrumque Pinega in ipsis Dwinae ostiis conditum, oppidis et castris prorsus vacua est. Pagis tamen compluribus abundat, qui propter terrae sterilitatem magno tractu longe lateque ab invicem distant.

Incolae vero ex piscibus ferisque omnis generis victum, ex pellibus vero amictum acquirunt, panis enim usum prorsus ignorant.

In maritimis hujus regionis locis, ursi albi majori ex parte in mari degentes reperiuntur, quorum pelles cum caeteris varii generis animalium pellibus incolae magno Duci pro tributo dant, atque ita in Moscoviam saepius deferuntur.

Regio ipsa toto salsifera est, ex qua caeterarum regionum circumadjacentium incolae, sal habere solent.

USTJUGA REGIO

A Dwina ex Septentrione in Meridiem procedendo Ustjug civitas et arx, a qua et regio nomen accepit, occurrit, ad fluvium Suchana condita. Distatque a Wolochda civitate centum miliaribus a Bielejeziro centum quadraginta. Dicitur autem Ustjug, ab Ustie, quod ostium Latinis sonat, et Jug fluvio ex Meridie in Septentrionem currente, ad cujus ostia primo sita erat sed postea propter loci oportunitatem, ad dimidium miliare supra ostia ejus, ubi in Suchanam ingreditur, translata est, et antiquo nomine Ustjug hucusque appellatur.

Haec regio olim Novogardensibus tributaria erat, in qua nullus propemodum panis usus habetur. Qua propter incolae ex piscibus et feris victum quaeritant. Idioma proprium, quamvis Ruthenico magis utantur, habent. Sal ex Dwina regione supradicta eis advehitur. Omnis generis ferarum pellibus abundant, praecipue vulpinis nigris, quae interdum zebellinis aequiparantur. Zebellinorum pelles illic nec multae, nec admodum bonae reperiuntur.

ПРОВИНЦИЯ ДВИНА

Эта провинция расположена на самом севере и некогда была владением новгородцев; имя свое она получила от протекающей по ней реки Двины. Сама же река называется Двиной от слияния двух рек — Юга и Сухоны. Ведь Двина по-русски означает «по два». После того как слились Юг и Сухона, эта река, получив название Двина, через сто миль впадает шестью устьями в Северный океан, который омывает Швецию и Норвегию. От города же Московии насчитывается до ее устья триста польских миль.

Хотя эта провинция тянется на сто миль, но совершенно лишена городов и крепостей, кроме крепости Холмогоры, города Двины, находящегося в центре области, и крепости Пинега, основанной в самых устьях Двины. Однако в ней очень много деревень, которые вследствие бесплодия земли, расположены на большом расстоянии друг от друга.

Жители же употребляют в пищу рыбу и мясо диких зверей разных пород, а для одежды — звериные шкуры; хлеба они совершенно не знают.

В приморских частях этой области они охотятся на белых медведей, которые водятся в море; их шкурами и шкурами различных других зверей жители уплачивают дань великому князю и поэтому они довольно часто ездят в Московию.

В самой области добывается много соли, и жители прилежащих областей обычно вывозят из нее соль.

ОБЛАСТЬ УСТЮГ

Двигаясь от Двины с севера на юг, встречаешь построенный на реке Сухоне город с кремлем — Устюг, от которого получила название и область. Отстоит он от города Вологды на сто миль, а от Белоозера на сто сорок. Называется же он Устюгом от слова «устье» (что по-латыни звучит *ostium*) и реки Юг, текущей с юга на север, в устье которой он был вначале расположен; но впоследствии он был перенесен в более удобную местность — на полмили выше ее устья, где она впадает в Сухону, но до сих пор именуется по-старому Устюгом.

Эта область платила некогда дань новгородцам. Жители ее почти совершенно не едят хлеба. Вследствие этого они питаются рыбой и мясом диких зверей. Язык у них особый, хотя больше они говорят по-русски. Соль они завозят себе из вышеупомянутой области Двины. Область изобилует всякой пушниной, особенно черными лисами, которых иногда сравнивают с соболями. Соболей же у них немного, и они не очень хороши.

VOLOCHDA PROVINCIA

Haec provincia inter Orientem et Septentrionem sita est, habetque civitatem ejusdem nominis et arcem, natura loci munitissimam, in qua magnus Dux Moscoviae thesauri sui partem temporis necessitatis condere solet. Abest autem a Jaroslaw 50 miliaribus Polonicis, a Bieleiezioro 40 eam fluvius Wolochda in Septentrionem ex Occidente fluens, praeterlabitur, a quo civitas ipsa et provincia denominata est.

In hac regione viatores certam itineris rationem, propter crebras paludes et fluviorum anfractus observare non possunt, tota enim palustrosa et sylvestris est, et quo ulterius progreditur, eo plures et inviae paludes fluviique occurrunt, quondam sub Novogardiae magnae ditione erat.

Waga fluvius, piscibus generis abundans, inter Bieleiezioro et Volochdam in paludibus, densissimisque sylvis oritur, ac in Dwinam fluvium illabitur. Accolae autem hujus fluvii panis usum penitus ignorant, ferisque venatione partim victitant, pellibus vulpinis nigris et coloris cinericei abundant.

BIELEIEZIORO DUCATUS

Bieleiezioro, quasi dicas albus lacus, est regio ampla, una ex Ducatibus Russiae in Septentrione sita juxta lacum ingentem, a quo nomen ipsa regio et arx, civitasque traxit. Hujus Ducatus titulo magnus Dux Moscoviae utitur.

Hic autem lacus 13 miliaribus Polonicis in longitudinem, totidemque in latitudinem stagnat, et triginta sex fluvios excipit, unum vero duntaxat Sosna emittit, qui 15 miliaria supra Jaroslaw, et 4 miliaria infra Mologam civitates emensis, fluvio Wolgae celebri commiscetur.

In hoc lacu est arx natura loci munitissima, inexpugnabilisque, in qua Princeps Moscoviae thesaurum suum recondere solet, illicque tempore necessitatis hostibus urgentibus, velut ad asyllum quoddam confugit.

Abest autem Bieleiezioro a Moscovia centum miliaribus a Novogardia magna totidem.

Regio pene toto palustrosa sylvosaque est, ideo viatoribus difficilem transitum praebet et haud commode ad eam, nisi stratis pontibus, concretisque glacie aquis pervenitur.

Hujus loci incolae proprio idiomate utuntur, sed nunc fere omnes Ruthenice loquuntur.

A lacu Bieleiezioro ad sagittae jactum est alius lacus sulphur copiose proferens, quod fluvius quidam ex eo emergens, seu spumas supranatantes secum defert.

In hoc Ducatu, Sinaus Varegus sorte sibi a Ruthenis concesso, primus conserat, cujus etiam fratres, unus in Pskovia Truvor nomine, alter in Novogardia magna Ruricz dictus (de quibus supra) imperabant.

ПРОВИНЦИЯ ВОЛОГДА

Эта провинция расположена на северо-востоке, имеет город того же названия и кремль, очень сильно укрепленный самой природой. В нем князь Московии обычно держит, при необходимости, часть своих сокровищ. Отстоит же он от Ярославля на пятьдесят польских миль а от Белоозера на сорок; находится на реке Вологде, текущей с запада на север, по имени которой назван и сам город, и провинция.

В этой области путники не могут соблюдать верное направление дороги из-за частых болот и извилистых рек: ведь вся она болотиста и лесиста, и чем дальше в нее углубляться, тем больше встречается непроходимых болот и рек. Некогда она была под властью Новгорода Великого.

Река Вага, изобилующая всевозможной рыбой, начинается в болотах и густейших лесах между Белоозером и Вологдой и впадает в реку Двину. Люди, живущие по берегам этой реки, совершенно не употребляют хлеба, а живут частично охотой на диких зверей. Они добывают много лисьих шкурок черного и пепельного цвета.

КНЯЖЕСТВО БЕЛООЗЕРО

Белоозеро (так сказать, «белое» озеро) — обширная область, одно из северных русских княжеств, расположено поблизости от огромного озера, от которого получило название и оно само, и город, и кремль. Титулом этого княжества пользуется великий князь Московии.

Озеро это тянется на тринадцать польских миль в длину и на столько же в ширину; в него впадает тридцать шесть рек³⁸, а вытекает только одна — Шексна, которая впадает в знаменитую реку Волгу в пятнадцать милях выше Ярославля и в четырех милях ниже Мологи.

На этом озере есть неприступный кремль, укрепленный самой природой, в котором государь Московии обычно прячет свои сокровища и сюда же бежит как в убежище, при нашествии врагов.

Отстоит Белоозеро на сто миль от Московии и на столько же от Новгорода Великого.

Область почти вся покрыта болотами и лесами, и доступ в нее для путешественников нелегок и неудобен, если только не построены мосты или не скованы льдом воды.

Жители этих мест говорят на своем языке, но почти все знают русский.

На расстоянии полета стрелы от Белоозера есть другое озеро, богатое серой, которую уносит с собой, как плавающую пену, река, вытекающая из него.

Первым на этом княжестве сидел варяг Синеус, получивший его по жребью от русских; братья же его правили: во Пскове Трувор, а в Новгороде Великом Рюрик (о них было сказано выше³⁹).

JAROSLAVIAE DUCATUS

Jaroslaw civitas et arx lignea ampla, ad Volgam fluvium sita, 46 miliaribus a Moscovia distat. Regio ei adjacens fertilissima est, praesertim ea parte, qua ad Volgam vergit.

Haec olim secundo genitis magnorum Ducum Moscoviae attributa erat, quos Joannes Basiliades Moscoviae monarcha, principatu expulsos in servitutem redegit, ex quorum progenie adhuc supersunt, qui Knesi (id est, Duces) Jaroslawsci dicuntur, sed parvam in regione reddituum partem retinent. Ipse enim Dux Moscoviae et titulum et Ducatum sibi vindicat.

ROSTOWIAE DUCATUS

Hic Ducatus inter praecipuos et antiquiores Russiae principatus, post Novogardiam magnam olim habebatur, et secundo genitis magnorum Ducem Russiae attributus erat, quorum posteri per Joannem Basilii, avum moderni Ducis Joannis Basiliadis eo exuti sunt.

In hoc Ducatu est civitas et arx lignea Rostow dicta, regionis caput, in qua Archiepiscopus sedem suam habet, a Moscovia 34 miliaribus distat. Sita autem est ad lacum quendam, ex quo Cotorea fluvius emergit, et Jaroslawia civitate praeterlapsa in Wolgam illabitur.

Hujus Ducatus titulo Moscoviae Dux utitur, novissimumque hujus regionis haerem, ex progenie Ducum Russiae, anno Domini 1565 Joannes Basiliades Moscoviae Dux tyrannice trucidavit, progeniemque ejus funditus delevit.

Uglitz civitas cum castro, ad Wolgam fluvium condita, distat a Moscovia 24 miliaribus a Jaroslawia triginta.

Chlopigrod civitas 2 miliaribus distat ab Uglitz, in ea celeberrimae frequenter fiunt nundinae, ad quas Suetenses, Livonienses, Rutheni, Lithuani, Tartari, et aliae quamplurimae gentes confluant, omnes vero tantum permutatione rerum utuntur.

Pereaslaw, civitas et castrum, ad lacum quendam a Septentrione in Orientem reflectendo sita est, a Moscovia 24 a Rostow 10 miliaribus distat. Juxta hanc est lacus quidam, ex quo sal copiose decoquitur.

SUSDALIENSIS DUCATUS

Ducatus Susdali, cum ejusdem nominis castro et civitate, in qua sedes Episcopalis est, Rostoviae et Wolodimeriae adjacet, inter praecipuos olim Russiae Principatus numerabatur, ac reliquarum Russiae partium metropolis erat.

Hunc Ducatum secundo geniti Ducum Moscoviae jure haereditario possidebant, quorum tandem posteri per Joannem Basilii avum moderni Ducis Moscoviae, eo expulsi et spoliati sunt.

ЯРОСЛАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Обширный деревянный город с кремлем Ярославль стоит на реке Волге в сорока шести милях от Московии. Область эта очень плодородна, особенно та часть, которая обращена к Волге.

Некогда она назначалась вторым по рождению сыновьям великих князей Московии, которых монарх Московии Иоанн Васильевич лишил власти и обратил в рабство; из их потомства до сих пор остаются те, которые называются ярославские *knesi* (то есть, князья), но имеют малую долю доходов в области. Ведь сам князь Московии присваивает себе и титул, и княжество.

РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Это княжество после Новгорода Великого считалось одним из значительных и древнейших государств России и назначалось вторым сыновьям великих князей России, потомки которых были изгнаны отсюда Иоанном Васильевичем, дедом нынешнего князя Иоанна Васильевича.

В этом княжестве есть город с деревянным кремлем, называемый Ростовом, столица области, в которой пребывает архиепископ. Город этот находится в тридцати четырех милях от Московии. Стоит он на озере из которого вытекает река Которосль, впадающая в Волгу, минуя Ярославль ⁴⁰.

Титулом этого княжества пользуется князь Московии. Последнего владельца этой области из числа потомков князей России князь Московии Иоанн Васильевич злодейски убил в 1565 году и до основания уничтожил все его потомство.

Город Углич с крепостью, основанный на реке Волге, отстоит от Московии на двадцать четыре мили, от Ярославля — на тридцать.

Холопий город отстоит на две мили от Углича; в нем часто происходят весьма многолюдные ярмарки, на которые съезжаются шведы, ливонцы, русские, литовцы, татары и другие многочисленные народы, но все они занимаются только товарообменом.

Город и крепость Переяславль расположен на озере ⁴¹, вытянувшись с севера на восток; от Московии он отстоит на двадцать четыре, а от Ростова на десять миль. Неподалеку от него есть озеро, из которого добывают соль в большом количестве.

СУЗДАЛЬСКОЕ КНЯЖЕСТВО

Княжество Суздаль с крепостью и городом того же названия, в котором находится епископ, прилегает к Ростову и Владимиру; причислялось некогда к значительным государствам России ⁴².

Этим княжеством владели по наследному праву вторые сыновья князей Московии, потомки которых, в конце концов, были изгнаны и ограблены Иоанном Васильевичем, дедом нынешнего князя Московии.

Castromowgorod civitas cum castro, in confluxu Costromae et Wolgae fluviorum sita est, 20 miliaribus a Jaroslavia Orientem aestivalem versus distat.

Galicz Provincia cum civitate et castro ejusdem nominis ex Moscovia in Orientem, per Castromowgorod euntibus occurrit. In ea propter crebras paludes, fluvios et sylvas densissimas ratio vera itinerum observari non potest.

VJATKA REGIO

Haec regio ab ejusdem nominis fluvio denominata est, in cujus littore hae civitates sitae sunt: Chiliniva, Orlo, Cotelnicz, et Slobhoda. Orlo 4 miliar. infra Chilinivam sita est, Deinde 6 miliar. Occidentem versus procedendo. Sloboda et Cotelcicz civitates, ad Reczicza fluvium sitae, qui ex Oriente fluens in Vjatkam influit, occurrunt.

Haec regio in Orientem aestivalem porrecta, 150 miliar. a Moscovia distat. Tota fere palustris et sterilis est, melle, feris piscibus, aspreolisque abundans, in ea Ceremissae populi passim vagantes latrocinantur.

Haec olim sub Tartarorum imperio erat, sed monarcha Moscoviae Basilius, Tartaris expulsis eam sibi subjugavit, tituloque ejus (ducem se Vjatkae appellans) utitur.

Attamen Tartari ultra citraque, Vjatkam fluvium, adhuc in campestribus habitant, maxime vero in ostiis Vjatke, ubi in Camam fluvim ingentem exoneratur.

PERMIA REGIO

Permia magna et ampla regio, a Moscovia 250 mil. distat. In ea est civitas ejusdem nominis ad Vischoram fluvium sita, qui 19 mil. inde emensis in Camam fluvium exoneratur.

Incolae hujus regionis pane rarissime utuntur, et cervina plerunque carne, aliarumque ferarum victitant. Idioma proprium, literas quoque a Rutenicis differentes habent, quas Stephanus Episcopus (qui eos ad fidem Christi rebelles convertit) adinvenit qui postea apud Ruthenos catalogo Sanctorum adscriptus est. Quendam vero Episcopum, Stephani hujus antecessorem, Permiani, cum eos ad fidem Christi convertere nitebatur, excoriaverunt. Supersunt adhuc plurimi ex iis idolatrae, passim in sylvis degentes. Hyeme per nives traheis itinera faciunt, quas vel canes vel cervi albi (quos in hunc usum pro jumentis habent) trahere solent. Pedites autem in Nartis (quemadmodum in plurimis Rossiae locis mos est) celeriter per nivem iter conficiunt. Hae autem nartae sunt lignae quaedam, et oblongae duorum triumve cubituum longitudine, quibus in pedes inductis baculo cum cuspidi suffulti, celerrime feruntur, adeo ut nullo modo equi, quamvis agilissimi cursu insequi possint, nam equo currenti asperitas nivis, montes, caeteraque viae obstacula impedimento sunt, in nartarum autem instrumentis currentes, colles, truncos foveasque, facillime

Кострома — город с крепостью, который расположен при слиянии рек Костромы и Волги и отстоит на двадцать миль к юго-востоку от Ярославля.

Провинция Галич с городом и крепостью того же названия встречается идущему от Московии через Кострому на восток. В ней вследствие частых болот, рек и густых лесов не может быть сохранено верное направление пути.

ОБЛАСТЬ ВЯТКА

Эта область названа от реки того же имени, на берегах которой расположены следующие города: Хлынов, Орлов, Котельнич и Слобода. Орлов находится в четырех милях ниже Хлынова. В шести милях отсюда к западу находятся города Слобода и Котельнич на реке Речица, которая течет с востока и впадает в Вятку⁴³.

Эта область, вытянутая на юго-восток, отстоит от Московии на сто пятьдесят миль. Почти вся она болотиста и бесплодна, но изобилует медом, рыбой, дикими зверями и белками. Бродящие по ней повсюду черемисы занимаются разбоем.

Когда-то она была под властью татар, но монарх Московии Василий, разбив татар, подчинил ее себе и включил в свой титул (называя себя князем Вятским).

Однако татары, рассеянные там и сям по реке Вятке, до сих пор живут в пустынных местах, больше же всего в устьях Вятки, где она впадает в огромную реку Каму.

ОБЛАСТЬ ПЕРМИЯ

Пермия — чрезвычайно обширная область, отстоит от Московии на двести пятьдесят миль. В ней есть город того же названия, расположенный на реке Вишере, которая в десяти милях отсюда впадает в реку Каму.

Жители этой области очень редко едят хлеб, а питаются большей частью мясом оленей и других диких животных. Язык они имеют свой собственный и буквы, отличающиеся от русских; их изобрел епископ Стефан (обративший этот народ в Христову веру), который впоследствии у русских был причислен к лику святых⁴⁴. Предшественника же этого Стефана, одного епископа, старавшегося обратить их в Христову веру, пермяки убили, содрав с него кожу. И до сих пор очень многие из них остаются идолопоклонниками и повсюду живут в лесах. Зимой они ездят по снегу на санях⁴⁵, которые обычно тащат или собаки или белые олени (которых они в данном случае употребляют как упряжных лошадей). Пешие же быстро передвигаются по снегу на лыжах (что в обычае в очень многих местностях России). Лыжи эти — деревянные, продолговатые, длиною в два или три локтя; надев их на ноги и опираясь на заостренную палку, они очень быстро несутся, так что лошади никак не могут их догнать, хотя бы и скакали во весь опор: ведь для лошади являются помехой рыхлый снег, горы и другие препятствия дороги; бегущие же на лыжах очень легко преодолевают

transiliunt, hocque modo feras omnis generis apprehendere et capere telis transfigendo solent.

Huic regioni Tumen Regnum, cujus Princeps Tartarus, conterminum est.

SIBIOR PROVINCIA

Haec provincia ad Camam fluvium inter Permiam et Vjatkam regiones sita est, quae castris et civitatibus vacua prorsus est. In ea Jaiczka fluvius ingens oritur, qui Tartarorum campestribus praeterlapsis, in Caspium mare influit. Incolae ejus proprio idiomate utuntur, panis usum nesciunt, sed ferina carne vicitant. Mercimonia ex aspreolorum pellibus (qui apud eos praestantissimi reperiuntur) exercent, pro tributoque easdem magno Moscoviae Duci pendunt.

Regio ipsa tota fere palustris et silvestris est, et propter Tartarorum vicinitatem magna ex parte deserta dicitur.

JUGRA REGIO

Jugra sive Juhra regio, cujus incolae Juhri vel Jugrici appellantur, ad Oceanum Septentrionalem sita est, ex ea Hungaros sterilitate regionis causata olim prodiisse, et Pannoniam occupasse ferunt, adjunctque eos patriis locis egressos, primo ad paludes Meotidis consedis. Deinde ad Danubium fluvium Pannoniam versus concessisse, a sui que denominatione Pannoniam Juhariam, deinde Ungariam nominasse, et Duce Atila multas provincias Asiae et Europae debellasse. Hinc ergo Moscovitae plurimum gloriantur, dicentes subditos suos quondam Germaniae, Italiae, Graeciaeque fines vastasse, totoque mundo terribiles esse. Indigenae hujus regionis vectigal magno Moscorum Principi solvunt, eodemque idiomate eum Ungaris utuntur.

PETCZORA REGIO

Peczora magni Ducis Moscorum ditio, longo tractu in Septentrionalem et orientalem plagam fines suos juxta mare glaciale extendit. Denominata est a fluvio ejusdem nominis Peczora dicto, qui a meridie fluens in Oceanum glaciale juxta oppidum et castrum Pusteosiero dictum, sex amplis ostiis exoneratur. Circa hunc fluvium sunt montes, rupesque in altum prominentes, Ziemnoi Pojas Ruthenis, id est, cingulus terrae dicti, quorum vertices ob continuos ventorum flatus nudi absque gramine sunt, nivibus frequenter rigentes. Crescunt autem illic arbores Cedri, circa quas nigerrimi zebelli reperiuntur, aves etiam rapaces varii generis in his montibus nidificant, praecipue vero Falcones albi ad venandas aves promptissimi, qui inde in Moscoviam afferuntur, eisque magnus Dux in venatione uti solet.

Atque in Principis Moscoviae imperio hi montes, quos veteres Riphaeos sive Hyperboreos (variis in locis situm eorum ponentes vocabant, existunt. Hi autem montes perpetuis nivibus gelu concretis alben, difficilem que transitum iter carpentibus praebent. Tanta enim altitudinis dicuntur, ut quidam a Moscorum Principe ad id destinati, decem septem dies in

холмы и ямы. Таким образом они обычно ловят различных диких зверей, пронзая их стрелами.

С этой областью граничит царство Тюмень, подвластное татарскому князю.

ПРОВИНЦИЯ СИБИРЬ

Эта провинция расположена на реке Каме между областями Пермией и Вяткой⁴⁶ и совершенно лишена крепостей и городов. В ней начинается огромная река Яик, которая, пересекая татарские степи, впадает в Каспийское море. Ее жители говорят на своем собственном языке, хлеба не употребляют, а питаются мясом диких зверей. Они выделывают на продажу беличьи шкурки (которые у них отличаются очень высоким качеством) и ими же выплачивают подать великому князю Московии.

Область эта почти вся покрыта болотами и лесами и по причине близкого соседства с татарами, говорят, в значительной части пустынна.

ОБЛАСТЬ ЮГРА

Область Югра или Юхра, жители которой называются юхрами или югричами, расположена у Северного океана; из нее, говорят, вышли некогда венгры, по причине бесплодия страны, и заняли Паннонию. Рассказывают также, что, покинув родные места, они осели сначала у Меотидских болот. Затем, повернув к реке Данубию, якобы, заселили Паннонию, назвав ее по-своему Юхарией, а потом Унгарией; под предводительством Аттилы они завоевали, говорят, многие области Азии и Европы. Поэтому московиты весьма гордятся, утверждая, что их подданные опустошили некогда земли Германии и Греции и были страшны для всего мира. Уроженцы этой области платят дань государю Московии; пользуются они тем же языком, что и венгры⁴⁷.

ОБЛАСТЬ ПЕЧОРА⁴⁸

Печора — владение великого князя московского — далеко вытянулась на северо-восток вдоль ледовитого моря. Названа она по имени реки Печоры, которая течет с юга и шестью широкими устьями впадает в Ледовитый океан возле города и крепости Пустозерска. Около этой реки — горы и вздымающиеся ввысь скалы, названные русскими *Ziem-poi rojas*⁴⁹, то есть Земной пояс, вершины которых из-за постоянно дующих ветров лишены всякой растительности и часто покрыты снегом. Растут там и деревья — кедры, среди которых водятся совершенно черные соболи, а в горах гнездятся хищные птицы разных пород, особенно же белые соколы — весьма проворные охотники; их привозят оттуда в Московию, и великий князь обычно охотится с ними.

В державе государя московского находятся те горы, которые древние называли Рифеями или Гипербореями (полагая их местонахождение в разных местах). Горы же эти белеют от постоянно лежащего на них снега, скованного холодом, и подъем на них чрезвычайно труден. Высота их так велика, говорят, что когда государь Московии послал кого-то на

ascendendo quodam monte transigerint, attamen nequaquam verticem montis attingere potuerunt.

Qui autem ex Moscovia ad Petczoram proficisci volunt, per Ustjugam et Dwinam provincias transeuntes, recta in Permiam regionem, quae a Moscovia ducentis quinquaginta miliaribus distat, perveniunt, indeque usitato magis itinere Petczoram attingunt.

Incolae hujus regionis simplicissimi sunt, idioma proprium habent, panis apud eos nullus usus habetur. Anno Domini supra millesimum quingentesimum decimo octavo, Ruthenico ritu sacro baptismi fonte abluti sunt. Pelles ferarum varias magno Moscorum Duci pro tributo pendunt.

In ostiis Petczorae fluvii est castrum et oppidum Pustezioro dictum, ultra quod in littore Oceani Septentrionalis variae gentes sunt, quae communiter Ruthenis Samoyedz (id est, se ipsos comedentes) appellantur. Hae gentes in Moscoviam non veniunt, aliorum enim hominum coctum, vitaeque societatem maxime refugiunt.

Avium diversarumque ferarum copia supra modum abundant, ut pote zebelibus, castoribus, hermelis, aspreolis, ursibus albis, lupis, leporibus et id genus aliis animalibus. Praeterea in Oceano eis adjacenti pisces diversi generis et equi marini crescunt, in eodem Oceano varia magnaque animalia dicuntur esse, inter alia autem belua quaedam magnitudine bovis, quam Moscoviae Mors appellant. Haec belua in mari, aliquando vero in terra degit, boatus terrificos edit. Breves instar castoris pedes habet, pectore prominenti latoque dentibus superioribus in longum prominentibus. Dumque Oceano relicto in terram praedae capiendae gratia exire cupit, tum dentibus (quos longos habet) per promontoria mari impendentia affixa vertices montium ascendit. Tandem posterioribus pedibus, dentibus admotis summa cum celeritate in terram delabitur, omniaque obvia aliquando per decem vel amplius miliaria, devorans, mactansque grassatur, et tandem in Oceanum revertitur, multoties autem ab incolis superiora montium occupantibus, telis et lapidibus priusquam montes ascendat prohibetur, hocque modo frequenter opprimitur.

Ex harum autem beluarum dentibus, Moscoviae, Turcae, Tartarique, manubria pugionem, cultellorumque, praestantiores etiam framearum subtiliter conficiunt, solum autem propter dentes capiuntur, magno enim pretio apud Turcas et Tartaros veneunt.

Ad eundem Petczoram fluvium est castrum et oppidum Papinowgorod dictum, hujus accolae Papini dicuntur, diversumque a Ruthenico idioma habent, et Duci Moscorum tributa solvunt.

OBODORIA REGIO

Obdoria a fluvio praeterlabente Obbi dicto denominationem accepit, qui ex lacu quodam amplissimo Kitaisko nominato emergit, ab Orienteque in Septentrionem fluens, sex ostiis in Oceanum Septentrionalem exoneratur, ad oppidum autem Obbi dictum est tam vastae amplitudinis ut sedecim miliarium Polonicorum, octuaginta autem werst Mocsovitarum in latitudinem pateat, vixque duobus diebus navigio quamvis ventis vela impellentibus tranatur, sicque abundat piscibus, ut navigantium remigiis premantur.

вершину, то они потратили семнадцать дней на восхождение, но никак не смогли достичь вершины горы.

Те, которые хотя и из Московии добраться до Печоры, проходят через провинции Устюг и Двину и уже оттуда более обычным путем достигают Печоры.

Жители этой области очень примитивны, говорят на своем собственном языке, хлеба не употребляют. Около 1518 года они были крещены по русскому обряду в священном источнике. Великому князю Московии они платят подати различными мехами диких зверей.

В устьях реки Печоры есть крепость и город под названием Пустозерск, а за ним на берегу Северного океана живут различные племена, которые в общем называются у русских самоедами (то есть поедающими самих себя). Эти племена не приходят в Московию, ибо они совершенно избегают встреч с другими людьми и какого бы то ни было общения.

В этих местах безмерное множество всякой птицы и разных пушных зверей, а именно: соболей, бобров, горностаев, белок, белых медведей, волков, зайцев и всяких прочих животных. Кроме того, в океане, омывающем эти земли, водятся рыбы различных пород и морские лошади; в нем же, говорят, есть разные огромные животные, среди них некое чудовище размерами с быка, которое в Московии называют моржом. Это чудовище живет то в море, то на суше и издает ужасающие крики. Ноги у него короткие, как у бобра, грудь выдающаяся и широкая и очень длинные верхние клыки. Когда, покинув океан, морж хочет выйти на сушу для ловли добычи, то своими длинными клыками он цепляется за выступающий в море мыс и поднимается на вершины гор. Затем, подобрав к клыкам задние ноги, он с большой быстротой соскальзывает на землю и продвигается иногда более чем на десять миль, пожирая и убивая все на своем пути; затем возвращается в океан. Жители, заняв вершины гор, пытаются помешать ему добраться до гор, осыпая его стрелами и камнями, и часто им удается его задержать.

Из клыков этих чудовищ московиты, турки и татары изящно выделывают рукоятки мечей и ножей и даже превосходные наконечники копий. Ловят их исключительно из-за клыков, которые за большую цену продают туркам и татарам.

На этой же реке Печоре есть город и крепость Папинов-город, жители которого называются папины, говорят на отличном от русского языке и платят подати московскому князю.

ОБЛАСТЬ ОБДОРИЯ

Обдорья получила название от протекающей здесь реки Оби, которая вытекает из очень большого озера, называемого Китайским⁵⁰. Она течет с востока на север и шестью устьями впадает в Северный океан у города Оби. Ее ширина достигает здесь шестнадцати польских миль, то есть восемьдесят московских верст, и, чтобы пересечь ее под парусами, даже при попутном ветре, надо плыть два дня. Она до такой степени кишит рыбой, что весла плывущих ее делят.

Huic quoque fluvio Vogulici et Hugritzchi populi accolunt, multa ibi variique generis animalia capiuntur, quibus regionis incolae, (Panis enim usum nesciunt) victitant, pellibusque Moscorum Principi tributa persolvunt.

DE IDOLO AUREAE ANUS

In hac Obdoriae regione ad ostia Obbi fluvii, est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moscovitis Zolota baba, id est, aurea anus dicitur. Est autem similitudo mulieris vetulae infantem in gremio tenentis, et alterum juxta se infantem habentis, quem nepotem illius esse incolae dicunt.

Hoc idolum ab Obdorianis, Juhriscis, et Vohuliscis, aliisque conterminis gentibus cultu laetiae veneratur, praestantissimasque et maximi pretii pelles zebellinas idolo offerunt, una cum reliquarum ferarum pretiosis pellibus, cervos quoque selectiores ad sacrificium peragendum maetant, quorum sanguine os, oculos et reliqua simulacri membra perungunt. Intestina autem cruda sacrificii devorant, et inter sacrificandum sacerdos idolum consulit, quid ipsis faciendum, quoque migrandum sit.

Ipsum autem (dictu mirum) certa consulentibus responsa dare, certosque rerum eventus praedicere solet. Dicuntur etiam in montibus vicinis huic idolo sonitus boatusque quidam audire, qui perpetuo sonitum in modum clangoris tubarum edunt. Hoc autem nihil aliud esse dicerem, nisi instrumenta quaedam illic antiquitus posita, vel canales subterraneos, sic natura ipsa effectos, qui ventorum perpetuo flatu sonum, boatumque et clangorem continuo efficiunt.

Ab Obbi fluvio a parte sinistra ascendendo, Calami populi dicti in campestribus degentes occurrunt, Moscorum Ducis tributarii.

Infra Obbi fluvii ostia et auream anum sunt complures ingentes fluvii, Irtischae, Beresva, Sosa, Tachnim, Danadim et caeteri multi ex montibus cingulus terrae dictis emergentes.

Horum fluviorum accolae ad auream anum usque et Oceanum Septentrionalem habitantes, magno Moscorum Duci tributa persolvere dicuntur.

CONDORA REGIO

Haec regio ad Oceanum Septentrionalem sita, Obdoraie regioni vicina est, tota fere sylvis fluminibusque obsita, ejus indigenae proprio idiomate utuntur, et aureae anus idolum cum Obdorianis colunt, ferarum carnibus, quibus omnis generis copiose affluunt, pro cibo utuntur, pelles vero varias Moscorum Principi pro tributo pendunt. Regio civitatibus, castris, pagisque prorsus vacua est.

Hujus titulo Moscorum Dux (Ducem se appellans Condoriae) utitur.

LUCOMORIA REGIO

Lucomoria regio longo tractu juxta mare Septentrionale extenditur, ab incolisque sine ullis aedibus in sylvis et campis habitantur. Huic regioni

Живут на этой реке народы вогуличи и хугричи, охотятся там на разных животных, мясо которых употребляют в пищу (хлеба они не знают), мехами же платят подати государю московскому.

ОБ ИДОЛЕ ЗОЛОТОЙ СТАРУХИ

В этой Обдорской земле в устьях реки Оби есть некий древнейший идол, высеченный из камня, который москвиты называют *Zolota baba*, то есть золотая старуха. Это — подобие старой женщины, державшей ребенка на лоне и имеющей возле себя второго ребенка, которого жители называют ее внуком.

Этому идолу обдорцы, юхричи, вогуличи и другие соседние племена поклоняются как языческому божеству, приносят ему самые лучшие и дорогие шкурки соболей вместе с другими ценными мехами, закалывают также в качестве жертвы отборных оленей и смачивают их кровью рот, глаза и остальные члены статуи. Сырые же внутренности жертвы они поедают. Во время жертвоприношения жрец вопрошает идола, что им надлежит делать и куда кочевать.

Сам же идол (удивительно!) обычно дает определенные ответы вопрошающим и предсказывает определенный исход дел. Говорят также, что в горах по соседству с этим идолом слышны какие-то крики и звуки, похожие на звук трубы. Я сказал бы, что это не что иное, как какие-то инструменты, положенные там в давние времена, или подземные каналы, созданные самой природой, которые из-за постоянного дуновения ветра издают звон, крик и шум⁵¹.

По левую сторону от реки Оби встречаются кочующие по тундре народы, называемые каламы; они платят дань московскому князю.

Ниже устьев реки Оби и золотой старухи имеется много больших рек: Иртыш, Бересва, Сосва, Тахним, Данадим и многие другие, берущие начало в горах, называемых земным поясом⁵².

Живущие в бассейнах этих рек, возле золотой старухи и на побережье Северного океана платят, как говорят, подати великому князю Московскому.

ОБЛАСТЬ КОНДОРА⁵³

Эта область расположена у Северного океана по соседству с Обдорской областью. Почти вся она покрыта лесами и реками. Жители ее говорят на своем языке и поклоняются идолу золотой старухи вместе с обдорцами. Питаются они мясом диких зверей, которые водятся здесь в изобилии. Платят подати государю московскому различными мехами. В этой области нет ни городов, ни крепостей, ни сел.

Титулом ее пользуется московский князь (называя себя князем Кондории).

ОБЛАСТЬ ЛУКОМОРЬЕ

Область Лукоморье вытянулась длинной полосой по берегу Северного моря; обитатели ее живут в лесах и тундре без всяких

confines sunt Grustintzi, et Serponowtzi populi a castro Grustina ad lacum Kitajsko sito dicti, ubi Obbi fluvius supradictus fontes suos habet.

Ab hoc lacu homines nigri, communis sermonis expertes, ad Grustinam arcem venire solent, secum adferentes varias merces, praecipue autem uniones, gemmas, lapidesque pretiosos, quas Grustintzi et Serponowtzi, rerum transmutatione facta ab eis mercantur.

Hae autem gentes Lucomoriae, item Grustintzi, et Serponowtzi, et quaecunq̄ue infra Obbi fluvium et lacum Kitijsko dictum, juxtaque flumina Sosa, Beresva, Danadim, et Tachmin habitantes, ad Oceanum glacialems usque magno Moscorum Duci, vectigales dicuntur.

Porro de quibusdam populis in Lucomoria habitantibus, portentosum et dictu incredibile quiddam refertur, quasi illi quotannis 27 mensis Novembris die, velut hirundines et ranae, prae intenso frigore brumali moriantur. Postea redeunte vere 24 Aprilis die, eos denuo reviviscere ajunt.

Hi autem hoc modo commercia cum Grustintziis et Serponowtziis populis sibi vicinis habere dicuntur, cum jam futuram mortem sibi imminere sentiunt, tunc merces suas certis in locis deponunt, quas Grustintzi et Serponowtzi suis mercibus interim aequivalentibus eodem loco relictis, auferunt. Illi autem reviviscentes, illas merces, si aequa commutatione sibi placuerint, pro suis occipiunt: sin minus justae fuerint, a Grustintziis et Serponowtziis suas repetunt, unde lites et bella hac de causa inter eos saepissime oriri dicuntur.

Ex Lucomoriae montibus Cossin fluvius dictus, ingens oritur, qui Lucomoria praeterlapsa, in magnum fluvium Tachmin dictum exoneratur.

In Tachmin autem fluvio pisces quidam nasci dicuntur, qui capite, oculis, naso, ore, manibus, pedibusque hominem referunt, sed absque ullae vocis expressione.

Ajunt quoque ultra hanc fluvium prodigiosae formae homines habitare, quorum alii ferarum more pilis rigent, alii caninis cum capitibus in speluncis subterraneis victitant.

LOPPIA REGIO

A Lucumoria ulterius ad Oceanum glacialems procedendo Loppi populi, barbarie et feritate rigentes in campestribus et sylvis degentes occurrunt. Hi nusquam certas sedes habent, sed uno in loco feris piscibusque, quibus victitant (panis enim usum nesciunt) depastis alio commigrant. Tuguriola sua, in quibus habitant, corticibus arborum cespitibusque tegunt, vestibus ex diversis ferarum pellibus zebellinis, hermelinis, cervinis, et id genus aliis insimul consutis utuntur, eorumque hujusmodi vestitus interdum in Moscoviam a mercatoribus defertur, pileis etiam et caligis ex cervinis pellibus confectis utuntur.

Tributi autem loco pelles et pisces, quorum copia affluunt, magno Moscorum Duci pendunt.

домов. По соседству с этой областью живут грустинцы и серпоновцы, названные от крепости Грустина, расположенной у озера Китайского⁵⁴, из которого вытекает вышеназванная река Обь.

От этого озера к кремлю Грустине обычно приходят черные люди, не имеющие общего с ними языка, принося различные товары, особенно жемчуг и драгоценные камни; грустинцы и серпоновцы покупают это у них, производя обмен товаров.

Эти племена Лукоморья, а также грустинцы и серпоновцы и прочие народы, обитающие ниже реки Оби и озера Китайского и по берегам рек Сосва, Бересва, Данадим, Тахмин, вплоть до Ледовитого океана, платят, говорят, подати великому князю московскому.

Далее, о некоторых народах, обитающих в Лукоморье, рассказывают нечто чудесное и невероятное: будто они ежегодно, двадцать седьмого ноября умирают от длительного зимнего холода, как пиявки⁵⁵ и лягушки. А затем, с наступлением весны, двадцать четвертого апреля, они снова оживают, как говорят.

Так вот, торговля между ними и соседними народами, грустинцами и серпоновцами, происходит, говорят, таким образом: предчувствуя свою будущую смерть, они складывают свои товары в определенном месте, а грустинцы и серпоновцы, оставив на этом же месте равноценные свои товары, уносят приготовленные. Когда те оживают, то забирают себе эти товары, если обмен произведен, по их мнению, справедливый; если же считают себя обиженными, то требуют назад свое от грустинцев и серпоновцев, от чего возникают, как говорят, между ними распри и войны.

В горах Лукоморья берет начало огромная река Коссин⁵⁶, которая, протекая через Лукоморье, впадает в большую реку Тахмин.

В реке же Тахмин водятся, говорят, такие рыбы, которые похожи на человека головой, глазами, носом, ртом, руками и ногами, только не владеют речью.

Говорят также, что за этой рекой живут люди необыкновенного вида: одни из них покрыты шерстью, как дикие звери, другие имеют собачьи головы и живут в подземных пещерах.

ОБЛАСТЬ ЛОППИЯ

При продвижении от Лукоморья дальше к Ледовитому океану встречаются народы лоппи, закоснелые в варварстве и дикости и кочующие по тундрам и лесам. Они не имеют никакого места жительства, но, истребив на одной территории дикого зверя и рыбу, которыми питаются (ведь хлеба они не едят), переходят на другую. Свои шалаши, в которых они живут, они покрывают древесной корой и дерном. Носят одежду из мехов различных зверей: соболей, горностаев, оленей, сшивая вместе разные сорта. Иногда такую их одежду привозят в Московию купцы. Шапки и сапоги они носят из выделанных оленьих шкур.

Подати великому князю московскому они платят мехами и рыбой, которые добывают в изобилии.

Idioma suum proprium habent, quod ab aliis non intelligitur, ideo apud externos propemodum muti esse videntur.

Sagittarii autem omnes sunt peritissimi, adeo ut si quas in venatione praestantiores feras nanciscantur, eas (ut pelles eorum integrae et intactae sint) missa sagitta in nasum oculosve inficiunt. Hi etiam feras in nartiss hyeme per nives insequuntur, insecutasque sagittis conficiunt, mercatores ad se ex variis regionibus quaestus gratia venientes, libenter excipiunt, quos in tuguriolis suis cum uxoribus relinquunt, ipsi vero interim venatum abeunt, reversi, si uxores hospitem concubitu consuetudineque laetiores et hilariores invenerint, munere aliquo hospitem donant, sin minus, turpiter convitiis lacessitum expellunt.

Monetae pecuniariae nullae apud eos usus, sed cum mercatoribus adventitiis rerum permutatione utuntur, et pro panno crasso vilosoque, item pro securibus, acubus, coclearibus, cultris, poculis, speculis, et id genus aliis rebus pelles ferarum varii generis mercatoribus dant.

Regio quam inhabitant, frigidissima est, solem ibi aestivalis solstitii tempore, quadraginta diebus perpetuo splendere (tribus noctis horis exceptis) perhibent, quibus sol velut quadam caligine obducitur, ut radii illius non appareant. Nihilominus tamen labirantes ab opere suo excluduntur.

In his quoque partibus montes in altum eminentissimi dicuntur esse, qui ad Aethnae (montis in Sicilia) similitudinem, flammas semper eructant, in quibus Salamandrae animalia quaedam, lacertarum similitudine, quae in igne non secus ac pisces in aquis vivunt, crescere perhibentur.

Ultra Oceanum etiam glaciale regionem quandam Engroneland dictam, quasi incognitam ajunt esse. Haec tum ob altos montes, qui perpetuis semper nivibus rigent, tum etiam ob perpetuam glaciem mari innatantem (quae periculosam navigationem facit) a commercio, conversationeque caeterarum gentium aliena sejunctaque est, ideo incognita dicitur.

Moscovitae se plurimum jactant, quod Princeps eorum ex hac quoque remotissima, et fere ultima orbis regione tributa exigat. Hoc quamvis verisimile non sit, tolerari tamen aliquo modo potest, cum alios vicinos Principes, qui ab ipsis tributa exigent, non habeant.

Atque hic finis regionum Septentrionalium, glacialique mari adjacentium (quae Moscorum principis sunt tributariae) esto. Nunc ad caeteras regiones describendas, Meridiem Orientemque versus sitas, Moscovitis confines revertar.

CEREMISSI POPULI

Ceremissi, Mordovotes, et Vachines, inter Vjatkam et Vologdam provincias, quarum supra mentionem fecimus, longe lateque in vastis sylvis, sine ullis aedibus habitant. Proprium idioma habent, Mahometisque sectam amplectuntur, quidam etiam gentiliter (nullam Dei notitiam

Язык у них собственный, которого другие народы не понимают, так что среди иноземцев они слынут немymi.

Они все замечательные стрелки, так что, добывая на охоте ценных зверей, убивают их, поражая стрелой в нос или глаз (чтобы не повредить шкурки). Зимой они выслеживают зверей на лыжах и, выследив, убивают стрелами. Купцов, прибывших к ним из разных земель ради прибыли, они встречают радушно, оставляя их в шалашах с женами, а сами между тем уходят на охоту. Если, вернувшись, они находят жен веселыми и довольными от сношения с гостями, то награждают гостя каким-нибудь подарком, если же нет, то с позором выгоняют его, осыпав бранью.

Никакой монеты у них нет, а с пришлыми купцами они производят товарообмен и отдают им меха различных зверей за грубошерстное сукно, а также топоры, иглы, ложки, ножи, сосуды, зеркала и тому подобные предметы.

Область, которую они населяют, очень холодна; говорят, что солнце там во время летнего солнцестояния светит непрерывно сорок дней (за исключением трех ночных часов), в течение которых солнце как бы закрывается неким туманом, так что его лучи не видны. Однако, деятельность людей не прекращается.

В этих местах, по слухам, есть очень высокие горы, которые, наподобие Этны (горы в Сицилии), постоянно изрыгают пламя. В пламени же, говорят, водятся саламандры — животные, похожие на ящериц, которые живут в огне, как рыба в воде.

За Ледовитым океаном есть, говорят, некая страна, называемая Энгронеланд, как бы неизвестная. Из-за высоких гор, покрытых вечными снегами, а также из-за вечного льда, плавающего в море (который делает опасным судоходство), она изолирована от торговли и общения с другими народами и от этого называется неизвестной.

Московиты более всего гордятся, что их государь также из этой отдаленной, почти на краю света расположенной страны получает дань. Хотя это и неправдоподобно, но однако, каким-то образом можно допустить, так как они не имеют других соседних государей, которые выискали бы с них дань.

Здесь и закончим описание северных земель на побережье Ледовитого океана (которые являются данниками московского государя). Теперь я обращусь к описанию прочих областей, расположенных по соседству с московитами на юг и на восток.

НАРОДЫ ЧЕРЕМИСЫ

Черемисы, мордовоты и вахины живут без всяких домов в обширных лесах между провинциями Вяткой и Вологдой, о которых мы упомянули выше. Они имеют собственный язык и исповедуют магометанскую религию, а некоторые являются язычниками (не зная никакого Бога). Все занимаются воровством и грабежом и чрезвычайно

habentes) vivunt. Omnes autem furtis et latrociniiis intenti, et carminibus magicis exorcismisque maxime dediti sunt. Adversus sagittarum telorumque jactus intrepidi. Ferina carne et melle (cujus alveariis abundant) magna ex parte victitant. Pane enim raro utuntur.

Omnes tam viri quam feminae cursu velocissimi sunt, sagittariisque peritissimi, arcum nunquam de manibus deponunt, quo adeo oblectantur, ut etiam filiis cibum obstinatissime prohibeant, nisi prius signum praesignatum ex arcu sagitta ferirent.

Artificium laborque eorum feras venari, et sagittis figere, quorum carne vescuntur, pellibusque vestiuntur, ac easdem pro tributo magno Duci Moscorum pendunt.

Inter venandum autem, nartarum instrumento pedibus inducto (cujus in Permae descriptione supra memoravimus), utuntur: in quo agilissime velocissimeque feras insequendo feruntur. Quia vero harum nartarum instrumento velocissimi cursus, omnes fere septentrionales gentes, et ipsi Moscovitae, Ruthenique communiter utuntur, imaginem usus earum subjiciemus. Sunt autem longae quaedam lignae soleae longitudinem trium cubituum adaequantes, in anteriori parte in modum traharum erectae, quidam vero hoc instrumentum ad suae proportionis staturam in longitudinem conficiunt, quo in utrumque pedem inducto velocissime feruntur.

MORDWA POPULI

A Novogrodia inferiore, quam superius descripsimus, Orientem et Meridiem versus, vastae ingentesque occurrunt sylvae, quas Mordwa populi sic dicti, magno juxta Wolgam fluvium insignem tractu inhabitant.

Idioma proprium habent, in pagis passim degunt, agriculturamque exercent. Melle, diversisque animalium pellibus pretiosis abundant.

Homines sunt duri et bellicosi, Tartarosque latrocinantes (quos in vicinio habent) a finibus suis fortiter propulsant omnes fere pedites incedunt, arcubus oblongis utuntur, sagitandique peritia pollent, feras praestantiores, ut pellibus eorum integris et intactis potirentur, in nasum sagitta missa interficiunt.

Eorum quidam Machometi sectam amplectuntur, quidam vero in idololatria perseverant.

Vectigal annum magno Moscorum Principi pellibus diversarum ferarum solvunt.

Mulieres eorum decoris causa ungues nigro colore artificialiter inficiunt, apertoque capite et crinibus passis semper incedunt.

His aliae gentes Ceremissi intermixtae sunt, qui ad differentiam Ceremissorum Septentrionalium, de quibus supra superiores Ceremissi, sive montani, a collibus quos inhabitant, appellantur.

Hic de vicinis conterminisque Moscovitico imperio, Tartaris Cazanensibus, caeterisque campestribus in ordas distributis nobis dicendum esset: sed ne ordo rei interrumperetur, de moribus, religione, et vitae consuetudine Moscovitarum pauca subjicienda nobis, non abs re videntur. His autem absolutis, Tartarorum fines gentisque mores breviter attingemus.

склонны к магическим заклинаниям. Совершенно не боятся стрел и копий. Питаются, главным образом, мясом диких зверей и медом (у них очень много ульев), хлеб же едят редко.

Все они, как мужчины, так и женщины, очень быстро бегают, все очень искусные стрелки и никогда не выпускают из рук лука; они до такой степени этим увлекаются, что даже отказывают сыновьям в пище, пока те не поразят заранее намеченную цель стрелой.

Все их ремесло и труд — охотиться с луком на диких зверей, мясом которых они питаются, а в шкуры одеваются и ими же платят дань великому князю московскому.

Во время охоты они пользуются лыжами, надетыми на ноги (о чем мы упомянули при описании Перми): они быстро и ловко преследуют зверей, догоняя их на лыжах. Но так как пользуются лыжами для быстрого передвижения почти все северные народы, а также москвиты и вообще русские, то мы прибавим их описание. Это как бы длинные деревянные подошвы, приподнятые спереди наподобие волокуши, длиной в три локтя, а некоторые делают их пропорционально своему росту; привязав их к каждой ноге, они несутся с огромной быстротой.

НАРОДЫ МОРДВА

Двигаясь на юго-восток от Нижнего Новгорода, который мы описали выше, встречаем огромные дикие леса, которые населены на большом протяжении вдоль знаменитой реки Волги народами под названием мордва.

Они говорят на собственном языке, живут в деревнях, разбросанных повсюду, и занимаются земледелием. В изобилии у них мед и разнообразная ценная пушнина.

Люди эти суровые и воинственные, они храбро отгоняют от своих земель разбойничающих татар (которые обитают по соседству), сражаются почти всегда пешими, вооружены длинными луками, чрезвычайно искусны в стрельбе: зверей бьют стрелой, пущенной в нос, чтобы сохранить мех неиспорченным и нетронутым.

Некоторые из них исповедуют магометанскую религию, некоторые упорно остаются язычниками.

Они платят великому государю московскому ежегодную дань мехами различных зверей.

Их женщины искусно чернят ногти и всегда ходят с непокрытой головой и распущенными волосами.

С ними смешаны другие народы — черемисы, которые для отличия от северных черемисов (о которых сказано выше) называются верхними черемисами или горными, от холмов, на которых обитают.

Здесь нам надо было бы рассказать о соседних и пограничных с московской державой татарах казанских и прочих степных, разделенных на орды, но чтобы не прерывать начатой темы, нам кажется бесполезным в немногих словах обрисовать нравы, религию и обычаи москвитов. После же окончания этого описания мы кратко коснемся территории татар и обычаев этого народа.

DE RELIGIONE MOSCOVITARUM, omniumque Ruthenorum

CAPUT II

Rutheni omnes postquam semel fidem Christianam Graecorum ritu, anno restitutae per Christum salutis 942. susceperunt, sub Olga Ducissa et Wolodimiro filio ejus Monarcha Russiae in ea ad hunc usque diem unanimiter fortiterque perseverant.

Quamvis quidam proceres Russiae Polono Regi subjectae, doctrinam Lutheranam et Zvinglianam sequantur, sed vulgus omne, majorque pars magnatum et nobilium, fidem antiquitus Graecorum ritu susceptam, firmiter retinent.

Sic quoque omnes regiones Russiae, quae alba dicitur, Moscorum Principi subjectae, Christianae fidei, quam a Graecis susceperunt, vestigiis firmiter unanimiterque insistent.

Unus autem totius Russiae metropolitanus olim erat tam Moscorum, Lithuanorumque Ducibus, Regique Polonorum tributarius, qui sedem suam primo in Kijovia Russiae Lithuanorum Metropoli civitate retinebat, tandem in Wolodimiriam, postremo in Moscoviam translata est.

Cum autem Metropolitanus Moscoviae septimo uno quoque anno Russiam Lithuanis subjacentem, causa exigendarum pecuniarum inviseret, ablataque magna pecuniarum summa discederet. Vitoldus magnus Lithuaniae Dux re considerata, provinciis suis, ne thesauris exhaurirentur, consulere volens, Episcopis, Abbatibusque Russiae convocatis, iudicio eorum Metropolitam in sua Russia elegit, qui sedem suam Vilnae (quae est Lituaniae metropolis) habet, in basilica Divae virginis, quae Ruthenis Preczista, id est, castissima dicitur.

Hic autem metropolita raro Vilnae commoratur. Est vero Episcopus Vilmensis praecipuus, secundum ordinem Ecclesiae Romanae, ipsa enim Vilna Romanum ritum sequitur: sed media pars Ruthenorum eam incolit, pluresque Ecclesiae in ea Ruthenicae, quam Romanae conspiciuntur.

Porro omnes Metropolitae Ruthenorum a patriarcha Constantinopolitano auctoritatem suam habent, et primo omnium Episcoporum, Abbatum, et totius ordinis spiritualis iudicio, et consensu Metropolita eligebatur, sed nunc hanc auctoritatem magnus Dux Moscovitarum sibi asscivit, suoque iudicio Metropolitam in Moscovia constituit.

A sancto Andrea Apostolo Rutheni se fidem Christianam suscepisse jactant, adhuc ante Olgam et Wolodimirum, quem ex Graecia per pontum Euxinum ad ostia Boristenis fluvii, gentiliter Dnepr dicti, appulisse annales

О РЕЛИГИИ МОСКОВИТОВ и всех русских

Г Л А В А I I

Все русские, после того как они однажды приняли христианскую веру по греческому обряду в 942 году по Воскресении Христовом при княгине Ольге и сыне ее Владимире, монархе Руссии, так и соблюдают ее до сего дня единодушно и бесстрашно⁵⁷.

Хотя некоторые вельможи тех частей Руссии, которые подчинены польскому королю, приняли лютеранское и цвинглианское учение, но весь народ и большая часть дворян и бояр твердо соблюдают принятую в древности веру по греческому обряду.

Точно так же все области Руссии, которая называется белой и подчинена московскому государю, твердо и единодушно исповедуют христианскую веру, воспринятую от греков.

Также был некогда один во всей Руссии митрополит, данник князей московских и литовских и короля польского, имевший свое местопребывание сначала в Киеве, митрополичьей столице Руссии литовской, затем во Владимире и, наконец, в Московии.

Но так как митрополит московский каждые семь лет посещал Руссию, подчиненную литовцам, чтобы взysкать деньги, и уходил с большой суммой денег, то великий князь Литвы Витольд, обдумав это, чтобы не ускользали сокровища из его провинций, созвал на совет епископов и аббатов русских и по их решению выбрал на своей Руссии митрополита, который имеет свое местопребывание в Вильне (она является митрополией Литвы) в церкви Пресвятой Девы, которую русские называют Preczista, то есть Пречистая⁵⁸.

Но этот митрополит редко задерживается в Вильне. Есть особый виленский епископ по обряду римской церкви, ведь сама Вильна следует римскому ритуалу; но ее населяет порядочное количество русских, и замечается в ней больше церковей русских, чем римских.

Далее, все русские митрополиты получают свое назначение от константинопольского патриарха, и вначале митрополит избирался по решению и с согласия всех епископов, аббатов и всего духовного сословия, но теперь это назначение великий князь московский присвоил себе и по своему усмотрению назначает митрополита в Московии.

Русские хвалятся, что они восприняли христианскую веру от святого апостола Андрея: еще раньше Ольги и Владимира, как говорят их летописи, он приплыл из Греции по Эвксинскому Понту к устью реки

eorum testantur, et inde ad Kijoviam, tunc temporis metropolim Russiae, adverso fluvio pervenisse, atque ibi omnem terram Russiae benedixisse et baptisasse, signumque crucis cum illic constituisse. Ex Kijovia tandem ajunt, cum ad fontes Boristenis Dneprisko dictos, pervenisse. Indeque in Novogrodiam magnam, deinde per mare Germanicum Romam usque navigasse. Postremo in Peloponeso Graeciae, sub Ago hujus nominis Rege, propter Christum crucifixum fuisse.

Archiepiscopi in toto imperio Moscorum duo sunt, unus in Novogardia magna, qui habet praerogativam, infulam albam bicornem nostrorum Episcoporum mores gestandi. Secundus in Rostovia.

Episcopi sunt multi, videlicet Permae, Susdaliae, Twerensis, Columniae, Cernigoviae, Rhesanensis, Smolentensis, Pleskoviensis, etc. Vestes eorum sunt sicut aliorum Monachorum nigrae, nisi quod aliquando sericeas ferunt, et praesertim pallium nigrum, quod habet a pectore tres fimbrias albas, ad similitudinem rivuli fluentis influxas, quod significat ex cordibus eorum rivulos doctrinae, fidei, et bonorum exemplorum scatere.

Metropolita autem, Archiepiscopi, et Episcopi, Abbates, Monachi, carnis perpetuo abstinent.

Proventus necessarios ex praediis, et aliis extraordinariis accidentibus, et beneficiis habent. Arces vero vel civitates, et omnes administrationes seculares, eis ademptae sunt. Sed metropolita Russiae Polono Regi subjectae, et alii Episcopi villas civitatesque possident.

Abbates qui Igonomei, priores qui Archimendritae dicuntur, et omnes Monachi durissimas, molestissimasque leges, et regulas praescriptas habent, nullo solatii genere recreari eis conceditur. Omnes non solum Principis, sed caeterorum nobilium mandatis parent: plures eorum ex monasteriis in heremum se conferunt, ibique in arctis tuguriolis, aut soli, sut cum sociis manent, victum de radicibus arborum et variis terrae herbis acquirunt.

In sacerdotii gradus hi tantum promoventur, qui diu apud Ecclesias servierunt.

In Diaconum autem nemo consecratur, nisi uxorem habuerit, unde interdum et matrimonio copulantur, et in diaconatum consectantur. Praeterea qui virgini stuprum aliquando obtulerit, aut uxorem suam primo concubitu viciatam animadverterit, in diaconatum non ordinatur.

Mortua uxore sacerdos a sacris prorsus suspenditur, nisi monasterium ingressus juxta regulam vivat, officiis etiam divinis peragendis, si caste viduus vixerit, velut minister cum caeteris Ecclesiae ministris choro interesse potest.

Si autem viduus sacerdos aliam uxorem (quod eis liberum est) duxerit, is munere sacerdotali privatur, nihilque commune cum clero habet.

Nullus sacerdotum monachorumve horas canonicas dicit, nisi habeat imaginem alicujus Divi praesentem, quam etiam nemo nisi cum magna veneratione attingit. Qui autem eam in publicam profert, manu eam in altum extollit, quam omnes praetereuntes cruce se signantes inclinando plurimum venerantur.

Борисфена, по-местному называемого Днепром, и оттуда против течения реки дошел до Киева, в то время — столицы России, и там всю землю русскую благословил и крестил и установил там крест. Из Киева, как говорят, он дошел до истоков Борисфена, называемых Днеперском. Оттуда он двинулся на Новгород Великий, а затем через Германское море поплыл в Рим. Наконец, на Пелопоннесе в Греции, при царе по имени Аг он был за Христа распят на кресте⁵⁹.

Архиепископов во всей державе московской имеется два: один в Новгороде Великом, он имеет привилегию носить двурогую белую митру наподобие наших епископов. Второй в Ростове.

Епископов — много, именно, в Перми, Суздале, Твери, Коломне, Чернигове, Рязани, Смоленске, Пскове и т. д. Одежда у них, как и у других монахов, черная, разве только иногда носят шелковую, но неизменно черную рясу, по которой от груди ниспадают три белые ленты, изогнутые наподобие стекающего ручейка, что символизирует источаемые их сердцами потоки учености, веры и благих примеров.

Митрополит, архиепископы, епископы, аббаты, монахи постоянно воздерживаются от мяса.

Необходимые доходы они получают от имений, иных экстраординарных случаев и пожертвований. Крепостей же или городов и всякой светской власти они лишены. Однако, митрополит России, подчиненный польскому королю, и другие епископы владеют хуторами и городами.

Аббаты и приоры, которые называются игуменами и архимандритами, и все монахи подчиняются суровейшим и тяжелейшим законам и предписаниям, и всякое утешение или облегчение им запрещены. Все они покоряются указаниям не только государя, но и всех знатных людей. Многие из них удаляются из монастырей в пустыни и там ютятся в тесных хижинах в одиночку или с товарищами и питаются древесными кореньями и различными травами.

В сан священника посвящают тех, кто долго находится на церковной службе.

В диаконы же не посвящают неженатых, и поэтому иногда одновременно и женятся, и посвящаются в диаконы. Кроме того, кто совращал когда-нибудь девицу или уличил свою жену в прежнем порочном сожителстве, в диаконы не допускается.

После смерти жены священник совершенно отстраняется от службы, если только не живет по уставу, вступив в монастырь; также при совершении богослужения, если живет непорочно, став вдовцом, то может находиться в алтаре как служка вместе с другими церковнослужителями.

Если же вдовый священник женится вторично (что им разрешается), то он отстраняется от богослужения и исключается из церковного сословия.

Никто из священников или монахов не читает канонические часы, если не имеет в наличии образа какого-нибудь святого, к которому никто не прикасается без глубокого благоговения. А кто выносит образ к народу, тот высоко поднимает его рукой, и все проходящие осеняют себя крестом и кланяются с величайшим благоговением.

Libros Evangelii maxima veneratione prosequuntur, neque eos manibus tangunt, nisi prius caput multoties inclinando, cruce se munierint.

Omnes sacerdotes ex contributione quadam certa sustentantur. Assignantur etiam eis domunculæ cum agris et pratis, unde victum suis vel famulorum manibus, more agricolarum acquirunt.

Sacerdotes Romanos confundunt, qui coelibem vitam ducere sese juramento obstringunt, cum sancta Synodus, quæ fuit in Gangra, scribat in quarto canone: qui spernit sacerdotem secundum legem uxorem habentem, dicens quod non liceat de manibus ejus sacramentum sumere, anathema sit. Id eadem Synodus dicit, omnis sacerdos et diaconus propriam uxorem dimittens, sacerdotio privetur.

Habitu haud dissimili a secularibus vestiuntur, solummodo pileolum nigrum rotundum, quo rasuram tegunt, gestant. Comam ad brachia protensam nutriunt, omnes baculos Posoch dictos, quibus innituntur, cum manubriis incurvatis gestant.

Rutheni secundum Calendarium suum plurima festa divorum, non his diebus, quibus Romani celebrant. Trinitatis festum celebrant feria secunda Pentecostes, in octava autem Pentecostes festum omnium sanctorum obeunt. Festum vero corporis Christi more Romanæ Ecclesiæ non veneratur.

Viri præstantiores peractis sacris, ebrietate, et commensationibus festos dies consumunt. Cives artificesque divinis peragendis interesse solent, quibus peractis laboribus domesticis, caeterisque negotiis incumbunt, dicentes feriari et a labore abstinere, dominorum esse.

Nicolaum sanctum inter caeteros divos præcipue venerantur, eumque divino fere cultu prosequuntur, templaque præcipua nomini ejus dicata erigunt, de cujus plurimis miraculis frequenter prædicant.

Habent etiam in Catalogo sanctorum Romanos quosdam Pontifices, quos inter sanctos venerantur. Caeteros vero, qui post eorum schisma fuerunt (quando a Romanis disjuncti sunt) execrantur, et pro hæreticis gravissimis eos habent, eosque schismaticos appellunt.

In septimo enim generali concilio, quod sub Adriano Papa celebratum est, conclusum esse dicunt, ut ea, quæ in præcedentibus Synodis constituta conclusaque fuerint, in posterum quoque solida, rata, acceptaque et perpetua teneantur, nec post hac cuiquam sub gravi anathematis poena aliud concilium celebrare, aut accedere licere. In his autem septem conciliis hos Pontifices Romanos fuisse constat, quos Rutheni inter sanctos venerantur, dignosque cathedra St. Petri dicunt, ideo quod secum sentirent, in prima Synodo, Papam Sylvestrum, in secunda Damasum, in tertia Celestinum, in quarta Leonem, in quinta Vigilium, in sexta Orphanium, in septima Adrianum, omniaque Concilia et Synodos, post hos septem prædictos Synodos celebrata, maledicta, perversa, et hæresi turpiter depravata esse, dicunt.

Они чрезвычайно почитают книги Евангелия и не прежде берут их в руки, чем совершают многократные поклоны и крестные знамения.

Все священники получают некоторую определенную плату. Им назначаются также небольшие дома с полями и лугами, где они добывают себе пропитание собственноручно или с помощью слуг, как земледельцы.

Они осуждают римских священников, которые клятвенно обязуются вести безбрачную жизнь, хотя священный собор, бывший в Гангре⁶⁰, пишет в четвертом каноне: кто презирает священника, имеющего жену, согласно закону, утверждая, что нельзя принять из его рук святые тайны, да будет предан анафеме. Этот же собор говорит так: всякий священник и диакон, отпустивший свое жену, да будет отлучен от сана.

Они не отличаются одеждой от светских, только носят черную круглую шапочку, прикрывающую темя. Волосы они отращивают до плеч; все носят палки с изогнутыми рукоятками, называемые посохами, на которые опираются.

Русские по своему календарю отмечают очень много религиозных праздников, но не в те дни, в которые римляне. Праздник Троицы они отмечают во второй день Пятидесятницы, а в восьмой — отправляют праздник Всех Святых. Праздника же тела Христова по обычаю римской церкви они не чтут.

Знатные люди по окончании богослужения проводят праздничные дни в попойках и пирушках. Горожане и ремесленники обычно принимают участие в отправлении религиозных обрядов, а закончив их, занимаются домашней работой и прочими делами, говоря, что праздновать и предаваться безделью — привилегия господ.

Среди прочих святых они больше всего чтут Николая угодника и воздают ему почти божеские почести: строят особые храмы, названные его именем, и рассказывают о его многочисленных чудесах.

В их святцах находятся также некоторые римские папы, которых они почитают святыми. Прочих же, бывших после их раскола (когда они отделились от римлян), они проклинают, считают закоренелыми еретиками и называют отступниками. Ведь на седьмом Вселенском Соборе, который был при папе Адриане⁶¹, говорят, было решено, чтобы то, что было постановлено на предыдущих синодах, на будущее оставалось истинным, решенным, принятым и постоянным, и чтобы никто после этого не мог под страхом предания анафеме ни устраивать другого собора, ни примыкать к таковому.

Известно, что на этих семи соборах были следующие римские папы, которых русские почитают как святых и считают достойными престола святого Петра, так как с ними одинаково мыслили: на первом синоде папу Сильвестра, на втором Дамаса, на третьем Целестина, на четвертом Льва, на пятом Вигилия, на шестом Орфания, на седьмом Адриана; и говорят, что все соборы и синоды после семи названных — ославлены, прокляты, извращены и постыдно преданы ереси.

Erat quidam Metropolitanus Russiae Isidorus nomine, qui sedem suam in Kijovia retinebat, is ad concilium Florentinum, quod celebratum est sub Eugenio Papa, venerat, ubi Ecclesias Ruthenicis abjectis Graecorum ritibus, cum Romana universali et orthodoxa Ecclesia univertat; tandem in Russiam reversus, cum propositum suum et rem jam conclusam Ruthenicis proponeret, illosque ex verbo Dei ad unitatem et concordiam fidei instrueret; omnibusque bonis spoliatus in carceres coniectus est.

Doctores, quorum dogmata Rutheni sequuntur, sunt hi, Basilius Magnus, Gregorius Nazianzenus, et Joannes Chrysostomus, quem illi Zlotousti, id est, aurem os habentem, appellant. Gregorii etiam Pontificis Romani libros de moralibus scriptos habent.

Sacrum, sive Missa Sclavonica lingua apud illos peragitur, intermixtis etiam aliquando cationibus Graecis, Epistola et Evangelium, quo magis a populo percipiuntur, extra chorum in medio Ecclesiae astanti populo, clara voce recitantur. Concionatoribus carent, satis enim esse putant sacris interfuisse, ac Evangelii Epistolarumque verba, quae vernacula lingua recitat sacrificulus audivisse. Concionarique in suis Ecclesiis obstinatissime prohibent, dicunt enim, se hoc modo varias haereses et diversas de fide opiniones effugere, quae ex concionibus et subtilibus argumentis sophisticisque quaestionibus oriuntur.

Panem ad sacrificandum hoc modo sacrificant, unus eorum praeparatum panem ad sacrificandum in patena super capite, per minorem portam de sacrario egressus portat, alter vero coopertum calicem vino repletum, caeteris diaconis vel sacerdotibus imagines sanctorum, Petri, Pauli, Nicolai, vel Michaelis archangeli, magna populi circumstantis acclamatione et veneratione praeferunt, quidam ex circumstantibus acclamant vulgari oratione, Domine miserere, alii fronte terram gentili more percutiunt, quidam se signo crucis frequentius caput inclinando muniunt, varia denique veneratione ac cultu circumlata signa venerantur. Postea finito circuitu per mediam chori portam sacerdotes in sacrarium ingrediuntur, sacrumque peragunt.

Quoties se signo crucis muniunt, id manu dextra sic faciunt, ut frontem primum, deinde pectus, mox dextram, ac demum sinistram pectoris partem punctis in formam crucis tangant. Quod si quis aliter se signo crucis munierit, hunc velut haeticum objurgant.

Gloriantur Rutheni, se solos cum Graecis veros Christianos esse, Romanos vero et alios Christianos damnant et execrantur, tanquam primitivae Ecclesiae desertores, et septem sanctarum Synodorum praevaricatores.

Baptismi sacramento Rutheni hoc modo utuntur: nato infante, sacerdos statim accersitur, qui ante fores puerperae habitationis certas orationes dicere solent, infantique nomine imposito domum revertitur. Postae puer in templum defertur, hocque modo baptisatur: ter in aquam immersus, chrismate quod in hebdomada magna feria sexta pascham praecedente,

Был один митрополит в Руссии, по имени Исидор, который имел свое местопребывание в Киеве; он явился на флорентийский собор, созданный при папе Евгении⁶², где объединил русскую церковь, отказавшись от греческих обрядов, с церковью римской; наконец, вернувшись в Руссию, он объявил русским о своем предложении и об уже решенном деле и склонял их по слову Божию к единству и согласию в вере; за это он был лишен всего состояния и брошен в тюрьму.

Богословы, догматам которых следуют русские, суть следующие: Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Христом, которого они называют Zlotousti, то есть имеющий золотые уста. Они также пользуются книгами о нравственности, написанными Григорием, папой римским⁶³.

Служба, или месса, совершается у них на славянском языке, перемежаясь иногда с греческими песнопениями; Послания и Евангелие, чтобы лучше воспринимались народом, стоящим вне алтаря посреди церкви, читаются громким голосом. У них нет проповедников, ибо они считают, что достаточно участвовать в богослужении и слушать слова Евангелия и Посланий, которые на местном языке читает священник. Они строжайше запрещают проповедовать в своих церквях, так как они говорят, что таким образом они избегают различных ересей и противоположных мнений о вере, которые рождаются из проповедей, тонких аргументов и софистических вопросов.

Хлеб для освящения они освящают таким образом: один из них несет хлеб, приготовленный для освящения, на блюде над головой, выйдя через меньшую дверь святилища, другой же несет закрытую чашу, наполненную вином; остальные диаконы или священники приносят иконы святых — Петра, Павла, Николая или Михаила-архангела — при восторге и благоговении стоящего вокруг народа. Некоторые из стоящих кругом восклицают на туземном языке «Господи, помилуй!», иные, по местному обычаю, ударяются лбом о землю, некоторые осеняют себя крестным знамением, часто наклоняют голову, то есть молятся, различными знаками выражают свое благоговение и почтение. Потом, закончив обход, священники вступают в святилище через средние врата алтаря и совершают службу.

Крестятся они таким образом: правой рукой дотрагиваются сперва до лба, потом до груди, затем до правой и, наконец, до левой стороны груди, образуя прикосновениями форму креста. Если же кто-либо осеняет себя крестным знамением иначе, того бранят еретиком.

Русские хвалятся, что только они вместе с греками являются истинными христианами, римлян же и других христиан осуждают и проклинают как отступников от первоначальной церкви и изменников семи святым соборам.

Таинство крещения русские совершают так: после рождения ребенка тотчас приглашают священника, который перед дверью в комнату роженицы обычно читает определенные молитвы и, нарекиши ребенка имя, возвращается домой. Позже ребенка несут в храм и там крестят таким образом: трижды погрузив в воду, его помазуют елеем, освященным

consecratum est, ungitur, deinde myrrha. Postea capillos infanti sacerdos abscindit, eosque cerae intricatos in ecclesia certo loco deponit. Sal autem et salivam Romano more cum pulvere mixtam inter baptisandum non adhibent, aquam vero baptismatis pro singulis infantibus consecrant, et continuo post baptismum in foveam ad id praeparatam, eam effundunt. Fidejussores vero vel susceptores infantis, quoties circa baptismum sacerdoti interroganti, an diabolo infans renunciaret, correspondent, toties in terram expuunt.

Confirmationis, seu inunctionis sacramentum maxime abhorrent, hoc que argumento vanam et damnabilem confirmationem esse approbant, quod in Synodis omnibus fere dietum sit, praecipue vero in Nicaena, confiteor unum baptisma in remissionem peccatorum, cum autem unum sit baptisma, unum etiam esse chrisma, et virtutem eandem sacerdotis et Episcopi circa sacramenta distribuenda dicunt esse.

Purgatorium Graeci et Rutheni negant, sed dicunt unum quemque secundum opera sua post mortem locum designatum habere, ubi diem iudicii extremi expectaret, pios quidem cum Angelis placidis, in lucidis et amoenissimis Aelysii viridiferis campis recumbere, impiis autem in obscuris, caecis, nigrisque caligine obductis voraginibus, cum angelis terribilibus destinatum esse mansionem, ad expectandam iudicii diem, unde illae animae, quae in locis amoenissimis et splendidis, cum angelis placidis benignisque collocatae sunt, gratiam Dei sibi futuram cognoscunt, assidueque iudicium extremum fieri petunt. Aliae contra condemnationem sibi imminere, et poenas terribiles in caliginosis voraginibus sitae praesagiunt, idque eo maxime allegant, quod animae post mortem in coelum statim non ascendunt, neque in infernum. Quibus enim illud verbum a Christo in novissimo die diceretur. Venite benedicti patris mei, possidete regnum coelorum etc. cum jam omnes antea in coelo sint, et contra, ite maledicti in ignem aeternum, cum jam olim in inferno condemnati fuerint. Neque etiam animam a corpore separatam poenis obnoxiam esse credunt. Nam cum anima se vitiiis cum corpore simul contaminaverit, cum corpore etiam expiandam putant, quod ego Theologis discutiendum relinquo.

Funebre autem sacrum pro defunctis ideo faciunt, quod iis suffragiis tolerabiliorem animabus locum impetrari sperant, ubi facilius extremum diem iudicii expectare possint. Imo etiam, cum aliquis magnae auctoritatis vir moritur, tunc Metropolitanus sive Episcopus epistolam ad St. Petrum scribit, sigillo suo et manus subscriptione munitam, quam super pectus defuncti ponit, dans testimonium de bonis piisque operibus ejus. Utque in coelum facilius post diem iudicii admitteretur, et Christianae religionis catholicae agnoscat, subscribunt.

Praeterea agreste vulgus circa mortuorum sepulturam variis caeremoniis et superstitiosis plerumque utitur.

Sepulturae eorum in sylvis et agris, ubi tumulos aggestis lapidibus

в Великую пятницу на Страстной неделе, а затем миром. После этого священник отстригает ребенку волосы и, скрепив воском, кладет в определенное место в церкви. Соль же и слюну, смешанные с пылью, по римскому обычаю, они не употребляют; воду для крещения они освящают для каждого ребенка и тотчас после обряда выливают в приготовленную для этого яму. Поручители же, или восприемники ребенка, сколько раз ни отвечают на вопрос священника во время крещения, избегал ли ребенок дьявола, столько же раз сплевывают на землю.

Таинство конфирмации, или помазания, они совершенно отвергают и следующим аргументом доказывают, что конфирмация – обряд пустой и достойный осуждения. Ведь почти на всех соборах было сказано, особенно на Никейском: «исповедую едино крещение, во оставление грехов». А если крещение едино, то они утверждают, что также помазание едино, и одна и та же сила священника и епископа при разделении таинств.

Чистилище греки и русские отрицают, но говорят, что каждый по делам своим после смерти займет предназначенное место, где будет ожидать до дня последнего суда: благочестивые с кроткими ангелами будут отдыхать в светлых и приятных зеленеющих Елисейских полях, а нечестивым уготовано пребывание со страшными ангелами в темных, глухих и черных, покрытых мраком безднах для ожидания дня суда. Поэтому те души, которые с кроткими и благосклонными ангелами находятся в местах приятных и светлых, знают, что милость Божия будет с ними, и постоянно молят, чтобы свершился последний суд. Другие же, находящиеся в мрачных безднах, напротив, предчувствуют, что им угрожает осуждение и страшные кары. И более всего они доказывают это тем, что души после смерти не отправляются тотчас ни на небо, ни в преисподнюю. Ведь им такое слово было сказано Христом в последний день: «Приидите, благословенные отца моего, владейте царством небесным» и т. д., когда все уже были на небе, и, наоборот, «Идите, проклятые, в вечный огонь», когда уже давно были обречены на пребывание в преисподней. И они не верят, что подлежит наказанию душа, отделенная от тела, ибо считают, что раз душа предавалась порокам вместе с телом, то вместе с телом и должна быть наказана. Но это я оставляю для споров теологам.

Заупокойную же службу по умершим они потому совершают, что надеются этим молением добиться для души более сносного места, где они смогли бы легче дожидаться дня последнего суда. Мало того, когда умирает какой-нибудь значительный муж, то митрополит или епископ пишет письмо святому Петру, скрепленное своей печатью и собственноручной подписью, и кладет его на грудь усопшему, давая свидетельство о добрых и благочестивых его деяниях. И пишут они это, чтобы он легче был допущен на небо после судного дня, и, по-видимому, это признается всей христианской религией.

Кроме того, простой народ совершает перед погребением мертвых различные церемонии, продиктованные суеверием.

Хоронят они в лесах и полях, где укрепляют могильные холмы

muniunt, signumque crucis super imponunt. Loca pro sepeliendis defunctis non consecrant, ajunt enim corporibus baptisatis sacramentisque Christi dicatis, et consecratis terram ipsam et non corpora terra consecrari.

Spiritum quoque sanctum a patre tantum, et non a filio procedere confitentur, ac Romanos dicentes, credo in Spiritum sanctum, qui a patre et filio procedit, confundunt, eosque conformes haeresi Machedoniae et Arianae dicunt; hac de causa quod duo principia duasque voluntates de Spiritu sancto et duas virtutes adducerent, et honori Spiritus sancti detraherent. Hic autem Rutheni non intelligunt unam esse Divinitatis voluntatem, potestatem, gloriam et honorem. Sicque secundum Concilium Nicaenum, contra Arium et Constantinopolitanum, contra Macedonium celebratum dicunt: Credo in Deum Patrem et Filium et Spiritum sanctum Dominum verum et vivificantem, qui cum Patre et filio simul adoratur et conglorificatur.

JEJUNANDI MOS APUD RUTHENOS

Rutheni in Jejunio, prout in caeteris caeremoniis, a Romanis discrepant, quatuorque jejunia magna, quibus carnis abstinere habent. Primum in quadragesima septem integris hebdomadis ab esu carnis abstinere. In prima autem hebdomada quam nos ultimam Bacchanalium dicimus, illi lactariis et butiraceis cibis utuntur, eamque Maslna, quasi butiraceam appellant, reliquis vero septem integris septimanis ad Pascha usque etiam piscibus abstinere, oleribus, cauliculis, raphano, fungisque contenti. Quidam etiam devotiores Dominicis tantum et Sabbativis diebus (quibus jejunare peccatum putant) cibum sumant, reliquis diebus nisi frustulo panis in meridie confortati ab omni cibo abstinere, Alii die Dominico, feria tertia, quinta et septima, cibus coctis vescuntur, reliquis frustulo panis, cum aqua fermentata, sumpto, totis diebus inaediam tolerant.

Secundo jejunant post octavam Pentecostes usque ad ferias Petri et Pauli Apostolorum, appellantque hoc jejunium Divi Petri.

Tertio a prima Augusti usque ad assumptionem Beatissimae virginis Mariae jejunio se macerant.

Quarto sex seprimanis in adventu Domini carnem et butirum abhorrent, vocaturque hoc jejunium Phillippi, inchoatur enim sub festum Philippi secundum Ruthenicum Calendarium.

Omnibus vero diebus sabbativis (excèptis temporibus jejunii) carne vescuntur. Sed feria quarta et feria sexta grande peccatum carnis uti credunt, ita ut si Petri et Pauli, Assumptionisque Mariae festum feria quarta vel sexta contigerit, tum ea quoque die carnis non vesci peccatum putant, Romanosque hac de causa maxime redarguunt, argumento Clementis Pontificis Romani id comprobantes, qui dicit in Statutis Apostolorum Canone 64. Si Ecclesiasticus die Sabbato vel dominico jejunans inventus fuerit, exceptis jejunii Sabbatis ab Ecclesia praescriptis, Sacerdotio

принесенными камнями, а сверху ставят крест. Места для погребения они не освящают: они говорят, что телами крещенными и освященными Христовым таинством освящается земля, а не тела землей.

Они признают также, что Святой Дух произошел только от Отца, но не от Сына, и осуждают римлян, говорящих: «Верую... в Духа святого, ... Иже от Отца и Сына исходящего», и считают их приверженцами македонской и арианской ереси, на том основании, что они производят от Духа Святого два начала, две воли и две добродетели и отвлекают от почитания Духа Святого. Здесь русские не понимают, что есть одна божественная воля, одно могущество, слава и честь. И таким образом они говорят, согласно Никейскому собору, прославленному вопреки Арианскому, Константинопольскому и Македонскому: «Верую в единого Бога Отца и Сына Божия... и в Духа Святого, Господа, животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима...»⁶⁴.

ОБЫЧАЙ ПОСТА У РУССКИХ

Русские в соблюдении поста, как и в прочих церемониях, отличаются от римлян; у них есть четыре больших поста, во время которых они воздерживаются от мяса. Во-первых, в четырехдесятницу они воздерживаются от употребления мяса целых семь недель. В первую же неделю, которую мы называем последней неделей Вакханалий, они едят пищу молочную и масляную и называют ее масленица, как бы «масленная»; в остальные же семь недель до самой Пасхи они воздерживаются даже от рыбы, довольствуясь овощами, стеблями растений, редькой и грибами. Некоторые же, особенно благочестивые, принимают пищу только в воскресенье и субботу (они считают, что грешно поститься в эти дни), а в остальные дни, подкрепившись только кусочком хлеба в полдень, воздерживаются от всякой пищи. Иные едят вареную пищу в воскресенье, вторник, четверг и субботу, а в остальные дни лишь кусочек хлеба с заквашенной водой, и по целым дням голодают.

Второй раз они постятся с восьмого дня по Пятидесятнице до праздника апостолов Петра и Павла и называют это постом св. Петра.

В третий раз они изнуряют себя постом от первого августа до Успения блаженнейшей Девы Марии.

В четвертый раз в течение шести недель до Рождества Христова они воздерживаются от мяса и масла, и этот пост называется Филипповым, так как он начинается под праздник Филиппа по русскому календарю.

Во все субботние дни (за исключением времени поста) они питаются мясом. В среду же и в пятницу считают величайшим грехом употреблять мясо; так что, если праздник Петра и Павла или Успения Марии придется на среду или пятницу, то в этот день также они воздерживаются от мяса. В субботу же они считают грехом не есть мяса, и более всего за это порицают римлян, доказывая это аргументом папы римского Климента, который говорит в 64-м правиле апостольских статутов: «Если обнаружат, что церковнослужитель постится в субботу или воскресенье, за исключением субботних постов, предписанных церковью,

degradetur, si autem saecularis homo fuerit, excommunicetur, et ab Ecclesia sejungatur.

Nullius sancti vigiliam jejunio venerantur, praeter sancti Joannis Baptistae, quam vigesima nona Augusti die (ex praescripto Calendarii sui) celebrant.

Monachi gravioribus jejuniis prae caeteris onerantur, qui aqua fermentata cum frustulo panis semel in die sumpta, contenti esse coguntur.

CONFITENDI MOS

Circa Paschatis festum Rutheni praecipue confiteri solent, hoc modo: Confessor una cum confitente, in medio templi stat magna cordis cum divotione, contritioneque ad imaginem alicujus divi vultu reverenter converso postea confitenti secundum peccati gravitatem injuncta poenitentia, ante ipsam imaginem confessor et confitens magna cum divotione reverenter sese inclinant, signoque crucis frequentius frontem pectusque et brachia munientes, alto cum gemitu consuetam orationem proferunt. Jesu Christe Fili Dei vivi miserere nostri.

Quosdam etiam qui gravius aliquid deliquerint, aqua sacrata abluunt, quam in Epiphania Domini toto fluvio vel stagno (secundum morem) consecrato hauriunt, et pro abstergendis noxialibus delictis, per integrum annum in templo reservant.

Quibusdam vero pro poenitentia jejunia et breves facilesque orationes, injunguntur. Dominicam enim orationem perpauca ex vulgo sciunt, dicuntque orationem Dominicam scire, Dominorum et Sacerdotum qui nullis laboribus occupantur opus esse, Confessionem etiam quamvis ex praescripto habeant, eam tamen ad dominos pertinere agrestes dicunt, sibi autem in Deum et filium ejus Jesum Christum et Spiritum sanctum simpliciter credere satis esse. Hacque oratione omnes Rutheni promiscue, et peculiariter utuntur, Jesu Christe fili Dei vivi miserere nobis.

SACROSANCTAE EUCHARISTIAE USUS

Sacramento Eucharistiae Rutheni sub utraque specie utuntur, aliud autem pro infirmis, et aliud pro communicantibus secundum consuetudinem habent. Pro infirmis sacramentum, in hebdomada magna ante Pascha, die Jovis consecratum, in vase mundo per integrum annum servatur. Dum autem id Sacerdos pro infirmo daturus est, tum parum vini et aquae tepidae addit, portiunculamque bene humectatam aegroto cocleari de calice porrigit. Si autem puer infirmus fuerit, adeo ut non possit de pane sumere, tunc infunditur ei gutta vini consecrati in os de calice. Pro communicantibus vero secundum consuetudinem, Sacramentum dum Sacrum sive Lyurgia peragitur consecratur, quod sacerdos cocleari ex calice in portiunculas minutas redactum, et vino commixtum communicantibus distribuit. Praescriptum communicandi tempus ante festum paschae (vel

то да будет он лишен священнического сана; если же это будет мирянин, то да будет он лишен причастия и отлучен от церкви»⁶⁵.

Они не чествуют постом кануна ни одного святого, кроме святого Иоанна Крестителя, день которого отмечается двадцать девятого августа (по предписанию их календаря)⁶⁶.

Монахи обременены постами более строгими, чем прочие: они принуждены довольствоваться заквашенной водой с ломтиком хлеба за целый день.

ОБЫЧАЙ ИСПОВЕДИ

Незадолго до Пасхи русские обычно исповедуются следующим образом: исповедник вместе с исповедующимся стоит в середине храма, с глубоким благочестием в сердце и сокрушением обратившись лицом к иконе какого-нибудь святого; после этого, когда на исповедующегося наложено покаяние, в соответствии с тяжестью прегрешения, исповедник и исповедующийся перед самой иконой кладут почтительные и благочестивые поклоны, многократно осеняя крестным знаменем лоб, грудь и плечи, и с громким стенанием произносят обычную молитву: «Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, помилуй нас».

Некоторых же, которые повинны в более тяжком прегрешении, омывают освященной водой, которую черпают в Богоявление из реки или пруда, освященных (по обычаю) целиком, и хранят целый год в храме для отпущения грехов.

На иных налагают в качестве покаяния посты и краткие и легкие молитвы. Ведь молитву Господню знают очень немногие из народа: они говорят, что знать Господню молитву — обязанность господ и священников, которые не заняты никакими трудами. Хотя у них, по уставу, имеется исповедь, однако, простые люди предоставляют ее господам, а для себя считают достаточным верить в Бога, в Сына Его Иисуса Христа и в Духа Святого. Все русские, преимущественно, употребляют следующую молитву: «Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, помилуй нас».

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ СВЯЩЕННОЙ ЕВХАРИСТИИ

Таинство Евхаристии русские совершают двумя способами, по-разному для больных и для причащающихся по обычаю. Для больных дары, освященные в четверг на Великой неделе перед Пасхой, хранятся в чистом сосуде целый год. Когда же священник намеревается дать их больному, он добавляет немного вина и теплой воды и хорошо увлажненный кусочек подает больному в ложке из чаши. Если же это будет большой ребенок, так что он не сможет проглотить хлеб, тогда ему вливают каплю освященного вина в рот из ложки. Для причащающихся по обычаю дары освящаются во время службы или литургии; священник раздает их причащающимся ложкой из чаши, разделив на маленькие порции и смешав с вином. Время для причащения установлено перед Пасхой (или столько раз, сколько кто

quotiescunque aliquis volverit modo confessus sit) habent. Pueros qui septem annos transegerint, ad Sacramentum admittunt, dicuntque hominem septennio transacto contra Deum peccare incipere.

Porro omnes Rutheni pane fermentato et non azymo (prout Romanae Ecclesiae mos est) utuntur, idque hac ratione approbant, quia Judaei in memoriam liberationis suae ex Aegypto, secundum mandatum Divinum azymis utuntur, se vero semel Christianos factos nunquam in labore Aegyptiorum fuisse, ideo de hujusmodi Judaeorum azymis, Sabbato et circumcissione observandis, se liberos esse dicunt, si enim aliquis sequatur unum ex illis (Paulo attestante) totam legem adimplere tenetur.

Eundemque Apostolum dicentem, fratres: ego enim accepi a Domino, quod et tradidi vobis, quia Dominus in qua nocte tradebatur accepit panem, benedixit, etc. de pane fermentato, et non azymo dixisse intelligunt; eo enim tempore nec azyma nec Pascha esse, cum Dominus coenaret, dicunt. Idque hoc argumento maxime approbant, quia Judaeorum Pascha stando fit, et comeditur secundum legis praescriptum, hoc autem Coena Christi non erat (ut Evangelista dicit) recumbentibus eis duodecim, etc. Item et discipulus recubuit super pectus ipsius in coena, etc. Quod etiam Christus dicit ibidem: desiderio desideravi hoc Pascha manducare vobiscum, non de Judaeorum Pascha, eum dixisse sentiunt, quod antea semper comedebat cum Apostolis. Neque azyma Christum Apostolis dedisse, sed panem fermentatum credunt, cum dicit, Ecce panis quem ego do vobis. Similiter ad Judam, cui ego dabo panem intinetum ipse traditurus est me.

Romanos autem in azymis communicantes confundunt, dicentes eos Judaicos ritus observare, in haeresique Juliani Apolinaris Laodicensis, et Pauli Syrii Samosatensis, Machometi, Aeuthichii, et Diasterii ambualre, qui erant in sexta Synodo depravatissimi haeretici, et spiritu Diabolico repleti.

Mulieres autem apud Ruthenos panem ad sacrificandum Proskura dictum conficere solent. Seliguntur autem ad id mulieres provectae aetatis, quae mensibus patiendis amplius non sunt obnoxiae, praecipue vero viduae sacerdotum relictae, id muneris obire solent.

DE MATRIMONIO

Ita Rutheni Matrimonium contrahunt, ut quartum consanguinitatis gradum non attingant. Tertiam ducere uxorem viro vix concedunt, et non admodum legitimum matrimonium esse putant. Quartam vero nec concedunt, neque etiam Christianum esse judicant. Pro adulterio non computant, si vir habens uxorum cum soluta concubuerit, expta uxore alterius.

Divortia inter se frequenter celebrant Episcopis permittentibus, lite-
rasque repudii dantibus.

Quidam etiam agrestium, quibus ad Episcopos propter longam itineris distantiam aditus difficilis est, divortium tali modo (more gentili antiquitus

захочет, при условии предварительной исповеди). Детей, которым исполнилось семь лет, они приводят к причастию и говорят, что с семилетнего возраста человек начинает грешить против Бога.

Далее, русские употребляют квасной хлеб, а не опресноки (как римская церковь) и объясняют это таким образом: так как иудеи в память освобождения своего из Египта употребляют, по предписанию Божьему, опресноки, то они, русские, говорят, что став однажды христианами, никогда не были в египетском рабстве и тем самым свободны от этих иудейских опресноков и соблюдения субботы и обрезания; ведь если кто-нибудь исполнит что-либо одно из этого (по свидетельству Павла), то будет вынужден соблюдать весь закон.

Тот же апостол говорит: «Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил» и т. д.⁶⁷, они верят, что он сказал о квасном хлебе, а не о пресном; они говорят, что ведь в то время, когда Господь вкушал, не было ни опресноков, ни пасхи. И это доказывают, главным образом, таким доводом: так как иудейская пасха совершается стоя и вкушается согласно предписанию закона, то это не было Христовой вечерей (как говорит евангелист): «когда двенадцать возлежали» и т. д. «Также и ученик возлег на грудь его во время вечери» и т. д. Это также Христос говорит там же: «С желанием пожелал я вкушать с вами сию пасху», они думают, что он сказал не об иудейской пасхе, которую и прежде всегда вкушал с апостолами. И они говорят, что Христос дал апостолам не пресный хлеб, а квасной, говоря: «Вот хлеб, который я даю вам». Подобным образом обратился он к Иуде: «Кому я дам хлеб, обмакнув его, тот предаст меня»⁶⁸.

Римлян же, причащающихся пресным хлебом, русские порицают, говоря, что те соблюдают иудейские обряды и пребывают в ереси Юлиана, Аполлинария, Павла Сирина Самосатского, Магомета, Евтихия и Диастерия, которые на Шестом соборе были неправеднейшими еретиками и исполненными дьявольского духа⁶⁹.

Хлеб для причащения, называемый просфорой, у русских обычно пекут женщины. Отбираются для этого женщины пожилого возраста, уже более не подверженные месячным, в особенности же отправляют эту обязанность вдовы священников.

О БРАКЕ

Русские заключают браки таким образом, чтобы не женились люди ближе четвертой степени родства. Брать третью жену они разрешают с трудом и считают этот брак не очень законным. Жениться в четвертый раз они не разрешают, считая это не христианским поступком. Они считают прелюбодеянием, если муж, имеющий жену, сойдется с чужой женой, но связь с разведенной не осуждают.

Расторжение брака допускается часто, с согласия епископов, дающих бумагу о разводе.

Некоторые же из сельских жителей, которым трудно добраться до епископов из-за дальнего расстояния, разводятся таким образом (это

observato) peragunt, cum sibi vir et uxor utrinque displicent, tunc extra pagum in trivium ambo prodire solent, mantili accepto quod inter se manibus utrinque tenendo per medium discindunt, hocque inter se diviso matrimonium etiam inter se divisum esse putant, et uxori repudiatæ vir dicere solet, vade tu hac, ego illac pergam. Sed hic perversus Divortii modus nunc prorsus abolitus est.

Hoc autem ritu Matrimonium inter sponsam et sponsum contrahitur. Inprimis mensa in medio templi adornatur, ingredientibusque templum sacerdos præcedens certas recitat orationes, deinde pro Patriarcha, Metropolitanò, Episcopis, et toto clero, pro monarchaque suo, et omni ordine equestri, et plebejo, qui ritus suæ fidei sequuntur, sigillatim sacerdos cum Diacono clara voce orant. His peractis sponsus et sponsa mensam præparatam accedunt, in linteoque secundum morem pedibus substrato uterque stat. Postea sacerdos ex præscripto, an alicui olim non sponderent, interrogat, stolaque manus utriusque annulos commutans colligat. Deinde coronas ligneas vel ex tiliæ libro pictas ad id muneris in Ecclesia reservatas capiti utriusque imponit, dicens: Posuisti Domine coronam super caput ejus de lapide pretioso, etc. Evangeliumque de nuptiis in Chana Galileæ celebratis recitat. Deinde panem et cervisiam consecratam desponsatis ad prægustandum porrigit, postea stolam (qua sacerdotes collo appensa uti videmus) sponsus et sponsa ab una parte, et sacerdos ab altera tenent, sacerdotemque præeuntem sequuntur, hæc verba dicentem. Circuite populi Sion et date gloriam nomini Dei altissimi, terque mensam circumeuntes loca sua occupant, et Sacerdos Psalmum Miserere nostri Domine secundum magnam misericordiam tuam, etc. recitat, Suffragiisque pro omnibus, tam spiritualibus quam sæcularibus Deo persolutis de templo regrediuntur.

древний местный способ): если муж и жена не нравятся друг другу, то они обычно выходят за деревню на перекресток, взяв с собой полотенец, тут они тянут его за концы, пока не разорвут пополам: они считают, что, разорвав его, разрывают также и брак; муж обычно говорит отвергнутой жене: ты иди туда, а я пойду сюда. Но этот нелепый способ развода теперь совершенно отменен⁷⁰.

Брак между женихом и невестой заключается по следующему ритуалу. Прежде всего, посреди храма накрывается аналой, впереди входящих во храм шествует священник и читает определенные молитвы; затем священник вместе с дьяконом попеременно громким голосом молятся за патриарха, митрополита, епископов и все священство, за своего монарха, за все военное сословие и за народ, который соблюдает обряды своей веры. После совершения этого жених и невеста подходят к приготовленному аналою и каждый становится, по обычаю, на подстеленный коврик. После этого священник, по уставу, спрашивает, не обещались ли они раньше кому-нибудь, и соединяет их руки столой, обменивая кольца. Затем он возлагает на головы обоим венцы деревянные или из разрисованного липового лыка, хранящиеся в церкви для этого обряда, говоря: «Возложил ты, Господи, на голову его венец из драгоценного камня» и т. д. А также читает Евангелие о браке в Кане Галилейской. Затем он предлагает обвенчанным отведать хлеба и освященного пива; после этого столу (мы видим, как священник пользуется ею, повесив на шею) держат с одной стороны жених и невеста, а с другой — священник, и они следуют за идущим впереди священником, говорящим такие слова: «Обойдите, люди, Сион и воздайте славу имени Господа всевышнего». Они трижды обходят аналой и занимают свои места. Священник поет псалом: «Помилуй нас, Господи, по великому милосердию твоему» и т. д. После того как воздано благодарение Богу за всех, как духовных, так и мирских, расходятся из храма.

DE EXPEDITIONE BELLICA

CAPUT III

Magnus Moschorum Dux ingentem exercitum longo tempore sustentare potest, neque enim militibus suis stipendia largitur, sed agros illis exiguo pretio elocat, quo beneficio operam militum demeretur. Conscripti autem milites coram magno Duce singuli comparent, et nummum unum quem patrio nomine Denga vocant, aestimatione unius grosi Polonici Principi dant, reversique ex bello eundem nummum repetunt, occisorum vero nummismata Princeps retinere solet, atque ita occisorum numerum cognoscit.

Nobiles autem omnes, Magnates et Consiliarii adeo dura servitute premuntur, ut quemcunque apud se in aula esse velit, vel in bellum ire, aut legationem aliquam obire jusserit, id sumptibus suis facere cogitur. Quando autem aliquem magni nominis virum ad bellum proficiscere jubet, literas suas ad illum mandatorias mittit, si autem vel prandens, vel coenans, dormiensne praeventus fuerit a tabellatore magni Ducis, litterasque quibus ad bellum proficiscere jubetur acceperit, continuo a prandio lectove surgens, equum tabellatore inspiciente armatus ascendit, mandatumque Principis se executurum praebet, atque sic omnes qui per facultates rei familiaris possunt sumptibus propriis militant.

Per singulas quoque Provincias magnus Dux filios nobilium tenuioris fortunae conscribere solet, ut numerum illorum, et quot quisque equos ac servitores habeat cognoscere possit, is singulis exiguum stipendium annuum concedit, et in bellum proficiscere jubet.

Omnibus autem nobilibus propriis sumptibus militantibus raro quies datur, nam frequenter bella aut cum Lithuanis, Livonibus, Suetensibus, vel Tartaris Praecopensis, Turcis, aliisque finitimis gentibus gerit, in arcibus quoque campestribus Tartaris finitimis qui Crimsci, Praecopsci, Nohayscique dicuntur viginti millia hominum vel plus singulis annis locare solet. Omnes denique et singuli tam stipendiarii quam Principis gratiam expectantes in bellum propriis sumptibus ire coguntur.

Non hujusmodi autem sumptibus prout apud nos Moscovitae in bellum expediuntur, nam quicumque nobilium habet sex equos et totidem servos, unum equum qui vitae necessaria fert ex iis habet, inprimis vero milium sive pultras contritas in sacculo habet deinde suillae carnis aliquot frustra, et sal in sacculo si vero ditior fuerit, sal commixtum pipere solet habere, hos autem sacculos cum leguminibus super equum ad id delectum

О ВОЕННОМ ПОХОДЕ

ГЛАВА III

Великий князь московский может в течение долгого времени содержать огромное войско, так как он не платит жалованья своим солдатам, а дает им в аренду землю за небольшую плату и этим благодеянием оплачивает усердие солдат. Набранные же солдаты являются поодиночке к великому князю и вручают ему по одной монете, которую на своем языке называют денгой (по стоимости она равна польскому грошу); вернувшись с войны, они берут эту монету обратно, монеты же убитых государь обычно удерживает и таким образом узнает число убитых.

Все дворяне, бояре и чиновники находятся в строгой зависимости от князя: если он хочет, чтобы кто-нибудь был у него при дворе или шел на войну, или прикажет отправиться куда-нибудь с посольством, то они вынуждены делать это за свой счет. Когда же великий князь повелевает какому-либо знатному мужу отправиться на войну, он посылает ему свой указ. Как бы ни застал его посыльный великого князя: за завтраком, обедом или спящим, он, получив предписание отправиться на войну, тотчас же встает из-за стола или с постели и на глазах у посыльного садится в полном вооружении на коня, показывая, что готов выполнить распоряжение государя. Все, кому позволяет имущественное положение, воюют за свой счет.

В отдельных провинциях великий князь велит переписывать сыновей небогатых дворян, чтобы узнать их количество и сколько кто имеет коней и слуг; он назначает им небольшое ежегодное жалованье и велит отправляться на войну.

Все дворяне, несущие военную службу за собственный счет, редко имеют покой, так как князь ведет частые войны с литовцами, ливонцами, шведами или с перекопскими татарами, турками и другими соседними народами. В крепостях же татар, соседних со степными, которые называются крымскими, перекопскими и ногайскими, ежегодно бывает размещено до двадцати тысяч человек и более. Наконец, все, как состоящие на жалованье, так и ожидающие государевой милости, вынуждены идти на войну за собственный счет.

Содержание у москвитов, идущих на войну, не похоже на наше: каждый дворянин имеет шесть лошадей и столько же слуг; на одну из этих лошадей навьючивают мешки с пшеном или измельченной полбой, с несколькими кусками свиного мяса, мешочек с солью (кто побогаче, смешивает обычно соль с перцем), к той же лошади привязывают мешки с горохом; кроме того, каждый берет с собой тазы, медные горшки, ларчики, притороченные к седлу; когда надо, они разводят

circumligat, praeterea unusquisque secum fert lebetes, ollas cupreas sive aereas, cistellasque ephippio alligatas, cumque necesse est ignem accendunt ollamque magnam aqua replent, in quam milii tantum unum coclear, vel pultium imponunt, saleque conditum coquunt. Aliquando autem cum lautius aliquis eorum epulari vult, tum frustulum parvum carnis suillae injicit, hocque cibo dominus interdum cum sex servis contentus vivit, quod si dominus famelicus nimium fuerit, totum consumit, servi autem aliquando ad totum biduum triduumve jejulant. Farinam etiam de avena subtiliter commolitam habere solent, cujus aliquot coclearia pransuri in cistellam imponunt, modicoque aquae distillatam comedunt. Cum autem habent allium aut cepas, tum facile caeteris leguminibus carere possunt. Duces vero exercitus et caeteri militiae praefecti lautius aepulantur, tenuiorisque fortunae nobiles ad prandium invitare solent.

Moscovitae tormentis bellicis, et bombardis peditatuque nunquam olim ante annos 40 utebantur nunc autem frequentissime et peritissime bombardis et tormentis utuntur, a profugis quibusdam Italis, Germanis, Lithuanisque instructi, arcesque egregie (dictu mirum) propugnant. Campestri vero certamine cum Polonis et Lithuanis raro confligunt, semper enim ab eis funduntur, solaque agilitate et industria externi Moscovitas vincere solent, nam omnes fere dimicare armisque artificialiter decertare imperiti sunt, exceptis quibusdam magnatibus, iisque perpaucis. Cavendum autem est cum Mosco congreganti, ut armis scite utatur, ne in manus ejus incidat, brachiis enim, lacertis, et toto corpore robustissimi sunt, sed arte dimicandi plurimum vincuntur. Tam autem robusti sunt, ut cum ursis indomitis et efferis absque ullo genere armorum, solis viribus confisi saepius congregi audeant, ursumque per aures arreptum tamdiu fatigant, donec prorsus debilitatum prosternant.

Haec praecipua arma sunt quibus Moscovitae in bello utuntur, pharetra sagittis referta, arcus, securis, framea, caestus, cultelli oblongi, quibus frequenter pro pugionibus utuntur. Multi quoque lanceis praecipue pedites, equites autem aliqui hastilibus brevioribus utuntur, ab Ungaricis et Polonicis dissimilibus. Armantur autem lorice oblongis, aliquando duplicibus, armillis, toracibus, galeisque. Equos parvos castratos soleis carentes habent, frena levissima, ephippiis quoque in eum usum accommodatis utuntur, ut se in omnes partes absque impedimento vertere, arcumque intendere facile possint. Pedibus curte attractis equis insidere solent, adeo ut nullum hastae, lanceaeve impetum sustinere queant. Flagello plerique et communiter, calcaribus vero paucissimi utuntur. Communiter vestibus oblongis ad talos usque protractis, bombice lanave suffertis utuntur.

Collocandis castris amplissimum locum eligunt, ubi forte locus natura sit munitus, ea non curribus, sed vepribus, sentibus arbustisque circumtextunt, in muri similitudinem praestantiores in medio tentoria sua erigunt, reliquae vero multitudinis vulgus ex arbustis casas conficiunt, quidam etiam arbusculas sive arborum frondes, in modum arcus incurvant,

огонь, наполняют большой горшок водой, в которую кладут ложку пшена или полбы и, посолив, варят. Иногда, когда кто-нибудь хочет поесть посытнее, он кладет туда маленький кусочек свиного мяса. Этой пищей господин, иногда вместе с шестью слугами, и довольствуется; если же господин очень голоден, он съедает все, а слуги, порою, постятся по два-три дня. Они обычно имеют также тонко размолотую овсяную муку, несколько ложечек которой кладут в миску и, смешав с небольшим количеством чистой воды, едят. Когда же у них есть чеснок или лук, то они легко обходятся без всякого гороха. Вожди войска и прочие военачальники питаются лучше и обыкновенно приглашают к столу более бедных дворян⁷¹.

Московиты еще лет сорок назад не знали ни метательных орудий, ни пушек, ни пехоты, теперь же они часто и умело пользуются и пушками и метательными орудиями, научившись от перебежчиков из Италии, Германии и Литвы, и великолепно (странно сказать) штурмуют крепости. На поле же боя они редко сталкиваются с поляками и литовцами, так как те их всегда рассеивают; и иностранцы обычно побеждают московитов одной лишь быстротой и рвением, ибо почти все они не умеют биться врукопашную и неискусно владеют оружием, за исключением некоторых, очень немногочисленных вельмож. Сражающемуся с московитом нужно иметь в виду, что следует искусно владеть оружием, чтобы не попадаться к нему в руки, так как у них очень сильные руки, плечи и все тело; но в искусстве сражения они по большей части уступают. Ведь они настолько сильны, что осмеливаются схватываться безо всякого оружия с неукротимыми, свирепыми медведями, полагаясь только на свои силы; схватив медведя за уши, они утомляют его до тех пор, пока, совершенно ослабевшего, не свалят на землю.

Московиты употребляют на войне, преимущественно, такое оружие: колчан со стрелами, лук, топор, копье, кистень, длинные ножи, которыми они пользуются вместо кинжалов. Многие, особенно пешие, пользуются пиками, некоторые же конные — более короткими дротиками, не похожими на венгерские и польские. Вооружены они также длинными кольчугами, иногда двойными, запястьями, панцирями, шлемами. Лошади у них небольшие, холощенные, без подков, узда очень легкая, а седла устроены так, что всадники безо всякого затруднения могут поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. На лошадях они сидят, подогнув ноги, так что не могут выдержать удара копьём или пикой. Плетью пользуются почти все, шпорами же весьма немногие. Одежду носят обычно длинную, до пят, подбитую шелком или шерстью.

Для лагеря они выбирают место попросторнее, которое было бы, по возможности, защищено природой, и окружают его не телегами, а кустами и деревьями наподобие стены. Лица привилегированные раскидывают свои палатки в середине, прочая же масса солдат устраивает шалаши из деревьев, а некоторые даже сгибают молодые деревья или ветви

desuperque pennulis tegunt, equos ad pascua pellunt, quorum causa tam late disjuncta castra collocant.

Tempore conflictus tubicines multos habent, ii dum gentili more omnes insimul dissonante melodia tubas inflant, mirus ac inusitatus quidam clangor auditur, commissuri cum hostibus certamen plus spei in multitudine quam robore militum ponunt, semperque eminus hostes a tergo adorire et circumvenire student, sed campestre certamen rarissime eis prosperatur, plurimis enim et diversis armis se verius onerant, quam armant, externi vero consilio magis, quam armis recti parvis copiis cum eis congregiuntur. Arces et omnes munitiones strenue et obstinacissime propugnant.

наподобие лука и сверху накрывают епанчами. Лошадей гоняют на пастбища, для чего и разбивают лагерь на широком пространстве.

Во время сражения множество трубачей все вместе, по местному обычаю, издают нестройную мелодию, и звук слышится удивительный и необыкновенный. На бой с врагами они идут, надеясь больше на множество, чем на силу солдат, и всегда стараются обойти врагов издалека и окружить их с тыла. Однако, бой на поле очень редко бывает для них удачен, а многочисленным и разнообразным оружием они скорее тяготеют, чем вооружаются. Иностранцы же воюют больше искусством, чем оружием, и выходят против них с малочисленным войском. Крепости и всякие укрепления они защищают энергично и очень упорно.

DE CONSUETUDINE MORIBUSQUE Moscovitarum

CAPUT IV

Haec omnis gens Moscovitica sive Rutena, magis servitute quam libertate gaudet, cujus egregium executorem Principem proprium habent. Omnes enim passim cujuscunque conditionis sint (nullo respectu personarum habito) gravissima servitute premuntur, prout inferius in gestis Moderni Principis dicitur.

Nobiles, Magnates, Praefecti, Primoresque et Consiliarii omnes Chlopos se, id est abjectissimos et vilissimos servos magni Ducis fatentur, et bona sua omnia mobilia et immobilia, quae proprie possident, non sui sed magni Ducis esse dicunt.

Ut autem equester ordo a magno Duce, sic etiam plebejus civilisque a Nobilibus et Magnatibus gravissime premitur, colonorum, enim bona et civium, militum et Nobilium praedae exposita sunt, et per contemptum nigri homines, sive Christiani communiter appellantur.

Sex dies coloni in septimana dominis suis labroant, septimo vero dies privato labori conceditur, neque hi strenue laborant nisi bene verberati. Habent autem a dominis suis certos attributos agros et prata, ex quibus vivunt, tributaque annua solvunt.

Artifices secundum praescriptum parvo laborem suum vendunt. Cumque annonae caritas in precium concedit, tunc artifices exiliori tenujorque in pretio sunt, adeo ut vix panem ipsum pro labore unius diei (quamvis strenuo) acquirere possint.

Cives quoque et mercatores gravissimis et intolerabilibus tributis, et exactionibus adinventitiis onerantur, quas hic recensere longum esset: Quod si magnus Dux aliquem mercatorum argenti aurive paulo ditiozem a delatoribus (quorum plena curia est) resciverit, tunc eum sibi praesentari jubet, et crimine falso commentito dicit, delatum est ad nos tuum sceleste facinus, ideo ut criminosus punieris, si autem accusatus obtestaretur se innocenter accusatum, tum Magnus Dux respondere solet: anima testium, qui te accusaverunt sciat, mea vero nihil refert. Confestim ergo jussu Principis arripitur, et tamdiu verberatur, donec praescriptam summam monetae argenteae magno Duci numeret.

Est autem hic mos apud Moscovitas receptus, quo omnes debitores, qui alienum aes conflaverunt, non habentes unde creditoribus suis redderent, ex legis praescripto in locum certum et publicum, ad id ordinatum

ОБ ОБЫЧАЯХ И ПРАВАХ МОСКОВИТОВ

Г Л А В А I V

Все московиты или русские довольствуются более состоянием рабским, чем свободным, выдающимся блюстителем которого они считают собственного государя. Ведь все они без различия, к какому бы сословию ни принадлежали, находятся в тяжелейшей зависимости (при этом личное достоинство ни во что не ставится), о чем будет сказано ниже, при описании деяний нынешнего государя.

Дворяне, бояре, военачальники, духовенство и чиновники — все считают себя холопами, то есть презреннейшими и ничтожнейшими слугами великого князя, и признают, что все их движимое и недвижимое имущество, которым они лично владеют, принадлежит не им, а великому князю.

Как военное сословие жестоко подавляется великим князем, так простонародье и горожане — дворянами и боярами. Имущество поселян и горожан, которые пренебрежительно называются черными людьми или крестьянами, становится добычей военных и дворян.

Шесть дней в неделю поселяне работают на своих хозяев, лишь седьмой остается для личного труда, и работают они плохо, если их не секут как следует. От хозяев они получают определенный земельный надел и пастбища, благодаря которым могут существовать, и платят ежегодные подати.

Труд ремесленников обычно оплачивается дешево. Когда же возрастает стоимость хлеба, ремесленники зарабатывают так мало, что труд целого дня (даже при самой старательной работе) не может окупить достаточного количества хлеба.

Горожане и купцы обременены невыносимо тяжелыми податями и выдуманными взысканиями, перечислять которые здесь было бы долго. Если великий князь узнает от доносчиков (которыми полон княжеский дворец), что кто-нибудь из купцов побогаче золотом или серебром, то приказывает ему явиться к себе и, используя ложный донос, заявляет, что, мол, узнали мы о твоём злом умысле, поэтому ты будешь наказан как человек неблагонамеренный; если же оклеветанный клялся, что он оклеветан безвинно, то великий князь обычно отвечал: про то пусть ведают свидетели, которые тебя обвинили, я же ничего не знаю. И вот его тотчас хватают по приказу государя и до тех пор истязают, пока он не отсчитает князю назначенную сумму серебряной монетой.

Принят у московитов такой обычай: всех, кто обременен долгами, но заплатить кредиторам не может, по предписанию закона приводят в определенное общественное место, назначенное для этого; и там

ducuntur, ibique a servis Praetorianis flagris baculisque per suras et erura pedum, graviter absque ulla misericordia ceduntur, tam diu donec undecunque accipiendum sit, creditoribus sua reddere cogantur, quod si solvendo non sufficerent, tunc verberibus multoties exagitati creditoribus secundum valorem debiti servire coguntur.

In hunc quoque locum omnes coram magno Duce, per contumeliam accusati ducuntur, et si ditiores fuerint, cujuscunque conditionis, tamdiu verberantur, donec imperatam pecuniam (quamvis unquam debitam) magno Duci solvant.

Omnes communiter servos emptos aut captivos habere solent, quos morituri frequenter manumittunt. Illi tamen continuo servituti assueti, aliis dominis pecunia accepta in servitutem se vendunt.

Liberi etiam servi qui dominis suis pro pretio serviunt, non possunt quando velint a Dominis se abdicare, si enim absque domini voluntate aliquis abierit, ab alio domino in famulatum non assumitur, nisi fuerit a domino cui primo servit, vel ab amicis se pro fidelitate ejus obstringentibus commendatus.

Pater etiam habet potestatem filium quater vendendi, ita ut semel venditum quocunque tandem modo liberatum, vel manumissum, rursus atque iterum jure paterno eum vendere possit. Post quartam autem venditionem nihil juris amplius in filium habet.

Servitores in dominos suos plerumque conqueruntur, quod ab eis probe non essent verberati, credunt enim se dominis displicere, signumque indignationis esse, si non frequentius verberentur, objurgarenturque.

Prout autem viri a magno Principe servitute aggravantur, sic etiam apud viros suos mulierum conditio miserrima est, nulla enim honesta et pudica creditur, nisi domi conclusa vivat, adeo ut nusquam exeat, domi autem manentes telam fabricant, et fila nent, nihil prorsus juris auctoritatis in aedibus habent, omnes enim labores domesticos servi absolvunt, non verberatae a maritis plerumque conqueruntur et odio se prosecutas dicunt, verberaque signum amoris putant. Basilicas raro, rarius etiam ad amicorum colloquia, commessionesque nisi omni suspicione carerent, ut pote effetae admittuntur.

Certis tamen et festivis aestate diebus, hanc praerogativam exhilarandi animi gratia habent: Omnes communiter cum filiabus in campis viridiferis deambulant, ibique super quadam trabe duabus fines trabis occupantibus, alternatim sursum ac deorsum moventur, aut frequentius funem in medii circuli modum duobus stipitibus appendunt, desuperque insidentes hinc et inde impulsae feruntur. Postea quibusdam certis cantilenis manibus pedibusque complodentes, capitibusque frequentius moventes sese oblectant, vel manibus se invicem tenentes et simili modo canentes choreas in gyrum ducunt. Haec autem consuetudo praecipue circa festum Petri et Pauli Apostolorum aliquot hebdomadis, ab omnibus Ruthenis promiscue observatur.

Aedes fere omnes apud Moscovitas, tam in pagis, quam in civitatibus insubaedificatis promptuariis cellariisque superne locantur, ad quas per gradus ascenditur. Quamvis autem vestibula aedium satis ampla et alta

судейские служители бьют их безо всякой пощады бичами и батогами по коленям и икрам до тех пор, пока не заставят заплатить своим кредиторам. Если же последние не удовлетворяются платежом, то, многократно избитые розгами, они вынуждены служить кредиторам за долги.

В это же место перед лицом великого князя приводят с бранью всех оклеветанных, какого бы сословия они ни были, и если они мало-мальски богаты, то их истязают до тех пор, пока они не заплатят великому князю требуемую сумму (хотя бы они совершенно не были должны).

Обычно рабов все имеют купленных или плененных и часто отпускают их на волю перед смертью. Те, однако, привыкнув к долговременному рабству, вновь продают себя в рабство за деньги другим хозяевам.

Свободные и рабы, которые служат своим хозяевам за деньги, не могут уйти от них, когда захотят: ведь если кто-нибудь уйдет без согласия хозяина, другой его не примет в услужение, если не будет рекомендации прежнего хозяина или друзей, ручающихся за его верность.

Отец также имеет право четырехкратной продажи сына, так что если сын продан один раз и каким-нибудь образом освобожден или отпущен, то отец может продать его снова и снова, по своему отцовскому праву. После четвертой продажи всякие права на сына он теряет.

Слуги большей частью обижаются на своих хозяев, если те их не наказывают как следует, ибо полагают, что не нравятся хозяевам, и считают признаком недовольства отсутствие побоев и брани.

Подобно тому, как мужчины находятся в тяжелой зависимости от великого государя, так и жены у мужей пребывают в весьма жалком положении: ведь никто не поверит, что жена честна и целомудренна, если она не живет взаперти, совершенно не выходя из дому. Жены сидят дома, ткут и прядут, не имея никаких прав и никакого влияния в хозяйстве; все же домашние работы выполняют рабы. Если мужья жен не бьют, то жены обижаются и говорят, что мужья их ненавидят, а побои считают признаком любви. В церкви их отпускают редко, на дружеские беседы еще реже, а на пирушки только таких, которые вне всякого подозрения, то есть уже рожавших.

Однако, летом, в некоторые праздничные дни им позволяют немного повеселиться: все вместе, с дочерьми, они прогуливаются по зеленым лужайкам и там, усевшись по обоим концам какой-нибудь доски, поочередно раскачиваются вверх и вниз, или, чаще, вешают канат между двух столбов и, сидя на нем, носятся туда и сюда. Потом под некоторые известные песни похлопывая руками, притопывая ногами и покачивая головой, они веселятся, или, взявшись за руки и распевая подобным же образом песни, они водят хороводы. Обычай этот соблюдается у всех русских, преимущественно, близко ко времени праздника апостолов Петра и Павла в течение нескольких недель.

Почти все дома у московитов и в деревнях, и в городах стоят над построенными внизу погребями и кладовыми, и к ним поднимаются по ступеням. Хотя сени в домах обширны и высоки, двери делают очень

habeant, fores tamen habitationum humillimas faciunt. Ita ut ingressurus quispiam inclinare et demittere se cogatur. In singulis habitationibus imagines Divorum in tabulis pictas loco honorificentiore sitas habent, praecipue autem divi Nicolai, passionis Christi, Mariae virginis, et sancti Petri: hasque maximo honore prosequuntur, et pro Penatibus venerantur, cum autem unus alium accedit, ingressus habitaculum non statim Dominum domus salutatur, sed continuo caput aperiens, ubi imago sit diligenter circumspicit, qua visa cum magna reverentia, ter se crucis signe caput inclinando munit, dicens: Jesu Christe Fili Dei vivi miserere nostri, Postea porrectis sibi manibus alterutrum sese invicem salutantes deosculantur, capitaque more patrio frequentius inclinant, id autem tam viris quam mulieribus peculiare est, in congressu de omni consanguinitatis familia alterutrum percontari, an recte pater, mater, uxor, filii, fratres, etc. valeant, post unam quamque interrogationem, et responsionem caput multoties inclinantes, maximeque mutuo se insipientes observant, uter magis se inclinaret, et ita frequentius caput alternatim inclinando de honore concertant, hospes tandem discessurus ter se signat cruce priora verba reverenter proferens, salute alterutrum data abit.

In honore captando venandoque mirabilibus et superstitiosis ceremoniis utuntur. Tenujoris etiam fortunae hominibus, intra portam alicujus praestantioris viri equitare non licet. Insigniores domini et consilarii, vulgares etiam nobiles intra privatos parietes quotidie delitescunt, et in publicum rarius prodeunt, eo quo majorem auctoritatem sui que observantiam, apud populum captarent, nullusque nobilium ad quartam vel quintam domum pedes progreditur (quod et Lithuani quidam assuescere coeperunt), nisi equus subsequatur, idque non propter usum, sed ostentationis causa faciunt. Nobilis quamvis egenus et pauper fuerit, tamen ignominiosum sibi putat, si manu laboraret.

Praefectorum pauci auctoritatem habent, ultimo supplicio reos plectendi, omnes enim causae et controversiae in Moscoviam ad magnum Ducem consilariosque suos deferuntur. Ex subditis nemo aliquem torquere audent, cujusvis enim conditionis malefactores magnus Dux vel Consilarii principales morti adjudicare solent. Pauperibus non semper patet ad magnum Ducem aditus, sed ad Consilarios, isque difficillimus, unde omnis justitia magna ex parte tenujoribus venalis fit.

Consul sive Praetor, qui personam judicis obtinet, a magno Principe in unaquaque principali civitate ordinatur, gentiliter Ocolnik dictus.

Vestibus omnes oblongis absque plicis ad talos demissis utuntur, praecipue vero lazurini vel albi coloris. Pileos albos apicatos crustatosque ex lana coacta gestant, ocreis omnes fere rubeis, iisque brevioribus, quae genua non attingunt utuntur, quarum soleas in digitis pantulum erectas claviculis ferreis muniunt, indusia variis coloribus sericeis circa collum exornata apud praecipuos, auro intertexta gestant, eaque monilibus, gemmis, unionibus seu globulis argenteis aut cupreis deauratis exornant. Cruces argenteas vel aureas lapidibus pretiosis exornatas praestantiores, vulgus vera ferreas, vel cupreas, pro sacramento quodam collo appensas gestant.

низкими, так что, входя, надо нагнуться. В каждом доме у них на почетном месте — нарисованные на досках изображения святых, преимущественно, святого Николая, страстей Христовых, девы Марии и апостола Петра: их они чрезвычайно почитают и поклоняются как пенатам. Когда один к другому приходит в гости, то, войдя в дом, хозяина приветствует не сразу, а сначала с непокрытой головой озирается — где находится икона, а когда увидит ее, то, с благоговением склонив голову, трижды осеняет себя крестным знаменем и произносит: «Иисусе Христе, Сыне Бога живаго, помилуй нас!» После этого, протянув друг другу руки и обменявшись приветствиями, целуются; по обычаю предков, они часто наклоняют голову, что делают как мужчины, так и женщины. При встрече они расспрашивают друг друга обо всех родственниках: хорошо ли себя чувствует отец, мать, жена, сыновья, братья и т. д.; после каждого вопроса и ответа они многократно кивают головой и внимательно следят друг за другом, кто из них больше кланяется. И так, попеременно кивая, соревнуются в уважении. Наконец, гость, собираясь уходить, трижды осеняет себя крестом, благоговейно произнося те же слова, что и вначале, и уходит, обменявшись приветствиями с хозяином.

В стремлении к почету они прибегают к удивительным церемониям. Людям небогатым нельзя въезжать на коне в ворота более богатого человека. Мало-мальски известные домовладельцы и чиновники, как простые, так и знатные, целыми днями сидят в своих четырех стенах и очень редко появляются в общественных местах: этим они надеются снискать у народа больший авторитет и уважение. Ни один из знатных не идет пешком до четвертого или пятого дома, если за ним не следует лошадь — не для пользования, а ради хвастовства (к чему привыкли также и литовцы). Знатный, даже если он беден и нуждается, считает для себя позорным делать что-либо своими руками.

Немногие из правителей имеют право казнить преступников, ибо все дела и споры в Московии решаются великим князем и его чиновниками. Никто из подданных никого не имеет права истязать, так как злоумышленников из любого сословия обычно присуждают к смерти великий князь или главные чиновники. Беднякам не всегда открыт доступ к великому князю, да и к чиновникам он очень затруднителен, поэтому люди незнатные могут добиться справедливости большей частью лишь взятками.

Консул или претор, играющий роль судьи, в каждом крупном городе назначается великим государем и называется по-русски окольник.

Одежду все носят очень длинную, она ниспадает складками до самых пят, преимущественно, голубая или белая. Носят они белые войлочные шапки из валяной шерсти, почти у всех — невысокие красные сапоги ниже колен; подошвы их слегка приподняты в носках и подбиты железными гвоздиками. Надевают рубахи, вышитые у шеи разноцветными шелками, а у знатных затканые золотом; украшают их ожерельями, драгоценными камнями, жемчужинами или серебряными либо золочеными медными шариками. В знак некоего таинства они носят на шее кресты; у них они серебряные или золотые, украшенные драгоценными камнями, у престолюдинов же — медные или железные.

Omnes autem et singuli suae conditioni vestibus convenientibus ex praescripto mandatoque magni Ducis utuntur, nam tenuioris fortunae, vulgarisque familiae hominibus vestes pretiosiores elegantioresque, sub gravi poena prohibentur. Si autem aliquem humilioris familiae virum elegantius vestitum conspiciunt, proditorem perfidumque eum appellant, et suspicionis notam ei inurunt, dicentes: perfide unde tibi talis vestitus more dominorum (Polonos enim et Lithuanos dominos appellant) vestiris, et ad eos deficere perfidiose moliris? tu enim pro hujus vestis pretio non sufficis. Statim ergo accusatus gravissime ut suspiciosus punitur. Alius itaque tenuioribus nobilibus, alius consiliaribus et magnatibus, alius civibus et colonis habitus est praescriptus, secundum uniuscujusque dignitatem, conditionem et rei familiaris opulentiam.

In thesauro etiam magni Ducis vestes plurimae elegantes, ad id sunt repositae et confectae, ut cum aliquando triumphus celebratur, vel cum legatus alicujus Principis excipitur, tunc omnibus et singulis aulicis suis magnus Dux illas vestes ad tempus accommodat. Caeteri quoque nobiles ad convivia amicorum nuptiasve celebrandas profecturi, vel si alicujus divi festum solenne occurrerit, tunc volentes solennius elegantiusque vestiri, de magni Ducis thesauro vestes sibi accommodant, certo precio secundum temporis spatium pro usura vestis attributo, et deinde easdem absque detrimento cum usura praescripta Thesaurario restituunt, quod si aliquantulum vestis commaculata fuerit, tunc usurpator secundum aestimationem pecuniam pro ea numerare cogitur, verberibusque ne id in posterum admitteret, corrigitur.

Ad Regem Poloniae etiam, vel ad alios externos Principes, Moscoviae Princeps Oratores missurus, omnibus aulicis et nobilibus cum legatis proficiscentibus, vestes solenniores, arma, et id genus ornamentorum ex thesauro suo ad usurpandum sub praetextu solvendae usurae accommodare solet, administratorque horum substituitur, qui omnia ornamenta unicuique secundum ordinem quotiens opus fuerit distribuit, rursusque ea ab eisdem recipit et reservat, ex legatione tandem reversi certam pecuniam pro usurpatione vestium et caeterorum ornamentorum secundum pactum magno Duci numerant, vestesque restituunt, quod si aliquis ornamentum accommodatum commaculaverit, tunc verberibus emendatus, illud solvere cogitur.

Hic mos apud omnes Ruthenos et Moscovitas, quotannis certis diebus observatur, adolescentes pueri plurimique viri uxorati, extra civitatum pagumve in locum amplum et eminentiorem confluunt, unde ab hominum congregatione videantur, ibique quibusdam sibilis et vociferationibus (secundum gentis morem) signo dato concurrunt, manusque absque ullo armorum genere conferunt, certamen, pugnis, pedibus, magno cum impetu faciem, pectus, ventrem, et genitalia utrinque quatientes, ineunt, saepeque inde semivivi plerumque etiam mortui exportantur. Hoc autem certaminis genus ideo institutum dicunt, ut adolescentes assuescant verbera pati, et quoscumque impetus perferre.

При этом одежда у всех находится в соответствии с общественным положением: по распоряжению великого князя, людям небогатым и простым, под угрозой тяжкого наказания, запрещается богатая и пышная одежда. Если же замечают какого-нибудь человека низкого происхождения, одетого слишком пышно, его называют предателем и вероотступником и берут под подозрение, говоря: «Неверный! откуда у тебя такая одежда господского фасона (господами они называют поляков и литовцев)? Уж не собираешься ли ты вероломно переметнуться к ним? Да ведь эта одежда — недостаточная плата для тебя». И тотчас его обвиняют и сурово наказывают как личность подозрительную. Итак, одно одеяние предписано людям победнее, но знатным, другое — чиновникам и боярам, третье — горожанам и поселянам: по достоинству, положению и имуществу каждого.

В кладовой великого князя хранится много пышных одежд, которые он дает на время всем и каждому из своих придворных на какое-нибудь торжество или для приемов иностранного посла. Да и другие знатные лица, собираясь на дружескую пирушку, или на свадьбу, или на ежегодный праздник какого-нибудь святого и желая одеться торжественнее и пышнее, берут себе одежду в кладовой великого князя и платят установленную цену за пользование ею. Потом взявший возвращает одежду кладовщику в неповрежденном виде, а если она окажется кое-где запачканной, то виновника заставят отсчитать деньги за нее, согласно оценке, и вразумляют розгами, чтобы не допускал этого в дальнейшем.

Когда государь московский собирается отправить послов с изустным поручением к королю польскому или к другим иноземным государям, он обычно дает придворным и знатным людям, сопровождающим послов, торжественные одежды, оружие и уборы из своей кладовой за определенную плату. Назначается распорядитель всеми этими вещами, который в установленном порядке выделяет, по мере необходимости, уборы каждому, принимает их обратно и хранит. Вернувшиеся с посольства платят великому князю, согласно договору, деньги за пользование одеждой и прочими уборами и возвращают вещи. Если же кто-нибудь их испортит, того, проучив розгами, заставляют за уборы платить.

Ежегодно по определенным дням соблюдается у всех русских и московитов такой обычай: юноши и многие женатые мужчины выходят из городов и деревень на широкое и красивое поле. Вокруг собирается масса людей, а они по данному сигналу, со свистом и криками, как то у них в обычае, сходятся врукопашную, безо всякого оружия, и устраивают сражение. Они со страшной силой колотят друг друга кулаками и ногами, попадая в лицо, грудь, живот и пах. Часто их выносят оттуда полуживыми, а нередко даже и мертвыми. Такого рода сражения устраиваются, говорят, для того, чтобы юноши привыкли терпеть розги и всевозможные побои.

DE MAGNI MOSCOVIAE DUCIS, Joannis Basiliadis tyrannide

C A P U T V

Absoluto breviter situ Regionum Russiae, magno Moscoviae Principi subjectarum, Religione, moribus denique et consuetudine gentis, de moderno Principe Moscoviae Joanne Basiliade ejusque Tyrranide quaedam dicenda nobis restant. Sed antequam rem ipsam aggrediemur, pauca de titulo illius quo utitur, lectori haud aspernanda praeponemus.

A tempore Ruricz primi Novogrodiae magnae Ducis, de quo superius dictum est, omnes fere Principes Russiae non alio titulo quam magnorum Ducatum, Wolodimiriae vel Novogrodiae magnae, vel Moscoviae utebantur, usque ad Basilium Joannis Magni, patrem moderni Principis Joannis Basiliadis, de quo hoc nostrum propositum est. Hic enim Basilius rebus suis feliciter procedentibus, et filius ejus post eum modernus Princeps titulum et nomen Regium plurimorumque magnorum Ducatum sibi vindicare coeperunt in hunc modum. Nos Magnus Dominus, Rex et magnus Dux totius Russiae, Joannes Basiliades, magnus Dux Wolodimiriae, Novogrodiae magnae, Moscoviae, Pskoviae, Smolensskiae, Tweriae, Jugariae, Permiae, Vjatkiae, Bulgariae, Rex Casaniae, Astrachaniae, dominus et magnus Dux Novogrodiae inferioris, Czernihoviae, Rezaniae, Wolochdiae, Rsoviae Biellojae, Rostoviae, Jaroslaviae, Polotzkiae, Biellozieriae, Udoriae, Obdoriae, Condimiae, Dominus Severiae, Livoniaeque, et magnarum Regionum Orientem, Meridiem, Septentrionem et Occidentem versus, Dominus legitimus haeres et successor.

Nunc autem multi eum Imperatoris titulo, praecipue vero Germani venerantur, qui deductionem verbi Czar Slavonicae linguae ignorantibus, pro Rege imperatorem ponunt. Quid igitur hoc nomen Czar in Slavonico sonaret, breviter exponemus.

Czar, hoc verbum in Ruthenico idiomate, Regem, Czarstvo vero, Regnum significat, et hoc nomine Moscovitae Principem suum, Regem totius Russiae appellant. Caeteri autem Slavones utpote Poloni, Bohemi, Lithuani, et caeteri, qui ab idiomate Ruthenico diversi sunt, alio nomine Regem appellant, scilicet Krol, alii Korol, et Kral, hoc vero nomine Czar solum Imperatorem appellari existimant, unde et Rutheni ipsi Moscovitaeque, audientes ab externis nationibus hoc nomine Imperatorem significari, et ipsi Principem suum Imperatorem Russiae appellare coeperunt, nomen Czar dignius esse quam Regis (licet idem sonet) putantes. Sed in omnibus

О ТИРАНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВИИ Иоанна Васильевича

Г Л А В А V

После краткого описания областей России, подчиненных великому государю Московии, религии, наконец, нравов и обычаев народа, нам остается сказать кое-что о нынешнем государе Московии Иоанне Васильевиче и о его тирании. Но прежде, чем мы приступим к самой теме, мы считаем нелишним представить читателю некоторые пояснения о титуле, которым он пользуется.

Со времени Рюрика, первого князя Новгорода Великого, о котором было сказано выше, почти все государи России употребляли титулы только великих княжеств Владимирского, или Новгородского, или Московского до сына Иоанна Великого Василия, отца теперешнего государя Иоанна Васильевича, о котором нам предстоит рассказать. Ведь этот Василий, вследствие удачно проведенных кампаний, и наследовавший ему его сын, нынешней государь, начали присваивать себе титул и имя областей и многочисленных великих княжеств следующим образом: Мы, великий государь, царь и великий князь всей России, Иоанн Васильевич, великий князь Владимирский, Великого Новгорода, Московский, Псковский, Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Булгарский, царь Казанский и Астраханский, государь и великий князь Нижегородский, Черниговский, Рязанский, Вологодский, Ржевский, Белевский, Ростовский, Ярославский, Полоцкий, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, государь Северский и Ливонский, и великих областей востока, юга, севера и запада государь и законный наследник.

Теперь же многие, в особенности германцы, удостоивают его титула «император»: не зная славянского языка, они полагают, что нужно переводить слово *czar* — «император», а не «царь» (*гех*). Что именно означает название *czar* по-славянски, мы коротко изложим.

Слово *czar* в русском языке означает «царь» (*гех*), а *czarstvo* — «царство» (*гегнум*), и этим наименованием москвиты называют своего государя: «царь всей России». Прочие же славяне, как например, поляки, божемцы, литовцы⁷² и другие, язык которых отличается от русского, называют царя другим именем, именно, «кроль» или «король», или «краль», а именем *czar*, как они считают, называется только император. Откуда и сами русские, и москвиты, слыша от иноземцев, что этим наименованием обозначается император, стали называть своего государя императором России, считая наименование *czar* почетнее, чем *гех* (хотя они означают одно и то же). Но во всех русских документах, как

Ruthenorum tam sacris quam prophanis literis, Czar Regis, Kesar vero Imperatoris nomen repraesentat. Sic quoque Rex Thauricae Tartarus, Praecopensis Czar, id est, Rex nuncupatur, et omnes Reges Tartarorum hoc nomine efferuntur, sed plurimi ignorantia hujus vocis decepti, omnes Reges hoc nomine Czar vocatos, Caesares, hoc est, Imperatores esse putant.

Alii quoque Principem Moscoviae album Caesarem, praecipue vero subditi sui appellant, id est, Regem vel Imperatorem Russiae albae. Russia etenim ut supra dictum est, Moscorum Duci subjecta, Alba dicitur, ea vero cui Polonorum Rex praees (quamvis et Albae partem possideat) nigra appellatur Russia. Vel etiam ideo dictum esse Regem Album Moscorum Principem existimo, quod incolae omnium Regionum ipsius imperio subjectarum, vestibibus albis et pileis plerumque utantur.

Porro Basilius moderni Principis parens, ad Romanum Pontificem et Imperatorem, ad Reges itidem Daniae et Suetiae, Magistrumque Livoniae, et ad Turcam scribens, Regis titulo utebatur. Ad Regem autem Poloniae nunquam Regis, nisi magni Ducis titulum praesumebat. Nunc vero praesens magnus Dux Moscoviae, et ad Regem Poloniae (quod pater suus non faciebat) Regis titulo utitur, sed a Polono nunquam nisi magni Ducis titulo honoratur.

Hic Princeps Moscoviae Joannes Basiliades imperio quod in suos exercet, omnes facile universi orbis Monarchas superat, nam auctoritate sua (vel potius tyrannide) tam in spirituales quam in seculares et cujusvis conditionis homines utitur, libere et ex voluntate sua de omnium et vita et bonis (nemine obstrepente) constituit, consiliariorum enim nullus est apud eum tantae auctoritatis, qui dissuadere aut sibi in re aliqua quamvis injustissima resistere audeat.

Omnes denique tam proceres quam consilarii, et totus equestris et spiritualis ordo, fatentur publice voluntatem sui Principis, voluntatem Dei esse, et quicquid Princeps quamvis perperam egerit, ex voluntate Dei agere. Ob id etiam clavigerum et cubicularium executoremque voluntatis Divinae eum credunt esse. Unde et Princeps ipse si quando preces consiliariorum interponuntur ad se pro re aliqua idonea, respondere solet, cum Deo placuerit, vel si Deus jusserit, faciam. Ita quoque si de re aliqua incerta et dubia Moscovitas interrogaveris, communiter secundum consuetudinem respondent, Deus novit et magnus Dux, vel Deus sic voluit et magnus Princeps.

Denique in computationibus unus ad alium praebibens, primo salutem magno Duci, in omniaque fausta et felicia nomine proprio eum appellantes, et titulos Regionum enumerantes exoptant, idem ante et post prandium omnes et singuli optare solent.

Etsi aliquid perverse pessimeque et cum Reipublicae dispendio Princeps fecerit, ab omnibus tanquam res felicissimas et utilissimas gesserit laudatur.

духовных, так и светских, наименование *сзаг* означает царя, а *кесарь* (*Kessar*) — императора. Точно так же татарский царь Таврики называется Перекопский *сзаг*, то есть «царь», и все татарские цари хвалятся этим наименованием, но очень немногие, по незнанию этого слова, считают всех царей, названных именем *сзаг*, цезарями (*Caesares*) то есть императорами.

Иные также называют государя Московии белым Цезарем (*Caesar*), в особенности его подданные, то есть царем или императором белой России. Ведь как было сказано выше, Россия, подчиненная московскому князю, называется белой, а та, которой правит король польский (хотя он владеет и частью белой), называется черной Руссией. Я полагаю, что государь московский потому называется белым царем, что жители всех областей, подчиненных его власти, большей частью носят белые одежды и шапки⁷³.

Далее, родитель нынешнего государя Василий пользуется титулом царя (*гех*) в посланиях к римскому папе и императору, к королям Дании и Швеции, к магистру Ливонскому и к турецкому паше. В посланиях же к королю польскому он всегда пользовался не титулом царя, но только великого князя. Нынешний же великий князь Московии, когда пишет королю польскому, то подписывается титулом царя (чего не делал его отец), но польский король никогда не титулует его иначе, чем великий князь.

Нынешний государь Московии Иоанн Васильевич властью, которой он обладает над своими подданными, далеко превосходит монархов всего мира, так как авторитету своему (или, точнее, тирании) подчинил как людей духовных, так и светских всех сословий; свободно и по своему произволу распоряжается жизнью и имуществом всех (без всякого их сопротивления). И ни один из советников не имеет перед ним такого авторитета, чтобы осмелился не согласиться с ним или воспротивиться в чем-нибудь, хотя бы и в явной несправедливости.

В конце концов, все — как вельможи, так и чиновники, как люди светского сословия, так и духовного, — официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он — ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли. Почему и сам государь, если когда-нибудь к нему доходят просьбы советников о чем-нибудь полезном, обычно отвечает: «Сделаю, если Богу будет угодно или Бог повелит». Также если о чем-нибудь неизвестном или сомнительном спросить московитов, то все они обычно отвечают: «Прото ведает Бог или великий князь», или: «Так угодно Богу и великому государю».

Наконец, на пирушках, осушая друг с другом кубки, прежде всего пьют за здоровье великого князя и, называя его по имени и исчисляя титулы его владений, желают всяческого благополучия и счастья; обыкновенно того же самого желают ему все вместе и каждый в отдельности и до трапезы и после нее.

И даже если государь поступает дурно или к ущербу для государства, все это восхваляют как деяние благое и весьма полезное.

Affinibus cognatisque suis nec arces ad legitime possidendum permittit, nec confidit, solummodo aliquos secundum arbitrium suum qui sibi placuerint arcibus et possessionibus certis proponit, et tandem illis qualibet de causa infensus, omnia ut sua adimit.

Ex plebejis equites, Palatinos et Consiliarios plerumque secundum voluntatem suam nullo repugnante facit, ex consiliariis deinde sive equestris ordinis hominibus plebejos, omnibus bonis illis ademptis et publicatis reddit.

Eodem modo Metropolitans, Episcopos, Abbates, Prioeresque Monasteriorum suo iudicio eligit et deponit, omnes iuxta durissima servitute premit, prout supra in expeditione bellica, consuetudineque gentis latius fliximus.

Sed eum haec tota gens Moscorum Duci subjecta magis servitute quam libertate gaudeat, incertum est an suis moribus conformem tantum Tyrannum exigunt, a quo insolentia eorum domaretur. Nam hoc plerumque in illis Regionibus observatur, quod servi apud Dominos et uxores apud viros gratiam, si ab eis frequentius verberentur habere, et amore se persecutos dicunt. Contra si in eos non animadvertitur, ullum signum amoris in se exhibitum conquiruntur, et non solum servi, sed et plerique nobiles, magni viri et consilarii, frequenter a magno Duce absque ulla dedecoris nota publice sive privatim baculis verberantur. Illi vero tunc temporis amoris signum Principem in se exhibuisse gloriantur, verberatique gratias Principi agunt, dicentes: Sanus tu sis et incolumis Domine, Rex et Dux magne, quod me servum rusticumque tuum verberibus emendare dignatus sis.

Qua ratione probatur, eos suis moribus conformem Dominum (velut quondam Ranae Regem Ciconiam) necessario exigere.

Sed his Moscorum Princeps Joannes Basiliades leges hujus Tyrannidis supra modum (justitia iudice) excedere videtur, qua non solum praedecessores suos (qui id secundum morem et consuetudinem gentis faciebant) superavit, sed illos omnes Tyrannos, qui ante et post Christum ad haec usque tempora fuerunt, utpote Neronem, Valerianum, Dionysium, Decium, Maximinum, Julianumque et caeteros omnes.

Hi etenim quamvis etiam saepius Tyrannidem nefandam exercuerint, attamen aliquando tollerabiliorem, sed in hoc Principe tantam Tyrannidem dictu miram, brevique temporis intervallo crudeliter perpetrata videre licebit, quam nos bona fide conscriptam Lectori benigno offerimus.

INITIUM TYRANNIDIS MOSCORUM PRINCIPIS Joannis Basiliadis

Anno partae humano generi per Christum salutis, supra Millesimum Quingentesimum Sexagesimo: Joannes Basiliades magnus Moschorum Dux, postquam Poloczko Arcem et civitatem celebrem Lituaniis ademisset, rei prospere gestae successu elatus, in quandam insolentiam prolapsus

Свойственникам и родичам своим он не дает крепостей для законного владения, не доверяя им, только некоторых, к которым бывает он особенно, по капризу своему, расположен, размещает по крепостям и владениям, но в конце концов может на них по какой-нибудь причине разгневаться и тогда отнимает все как свое.

Простолюдинов он делает, большей частью по собственной воле (в чем ему никто не прекословит), дворянами, воеводами и чиновниками, а чиновников или людей дворянского сословия делает простолюдинами, отняв и конфисковав у них все имущество.

Таким же образом он, по своему усмотрению, выбирает и низлагает митрополитов, епископов, священников, монастырских игуменов; и вообще всех угнетает тяжелой зависимостью, как было выше рассказано более подробно в главе о военных походах и о народных обычаях.

Но так как весь народ, подчиненный московскому князю, предпочитает подвластное положение свободе, то неизвестно, не требует ли он такого тирана, соответствующего его нравам, который смог бы укротить их необузданность. Ведь большей частью в этих областях наблюдается, что рабы питают благодарность к господам, а жены к мужьям, если чаще от них терпят побои, так как считают это проявлением любви. Напротив того, если на них не обращают внимания, то они вымаливают какой-нибудь знак любви, к ним обращенный. И не только слуги, но и многие знатные, видные люди и чиновники часто избиваются палками и публично, и приватно, по приказанию великого князя, и совершенно не считают это позором. Они даже хвастают, что государь этим самым выказывает им знак любви, а будучи наказаны, благодарят государя, говоря: «Буди здрав и невредим, господин, царь и князь великий, за то, что ты раба и селянина своего удостоил побоями поучить».

Таким образом, совершенно ясно, что властитель их вполне соответствует их нравам (подобно тому, как лягушки получили в цари аиста).

Но, кажется, этот государь московский, Иоанн Васильевич, в своей тирании преступает законы сверх меры (правосудие есть судья!), так что превзошел не только предшественников своих (которые творили это по нравам и обычаям народа), но и всех тех тиранов, которые были со времен до и после Рождества Христова вплоть до наших дней, как например, Нерона, Валериана, Деция, Максимиана, Юлиана и всех прочих⁷⁴.

И в самом деле, хотя они также очень часто осуществляли незаконную тиранию, однако, иногда более или менее сносную, а тирания этого государя — совершенно невыразима и проявляется жестоко и с короткими промежутками. Это мы и опишем добросовестно благосклонному читателю.

НАЧАЛО ТИРАНИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ

Иоанна Васильевича

В 1560 году от рождества Христова, после того, как великий князь Московский Иоанн Васильевич отнял у литовцев знаменитый город и крепость Полоцк, довольный успехом удачно проведенной кампании, он очень возгордился. Прежде всего он обратил внимание на продолжение

est. Imprimisque ad ea quae pater, avusque suus inceperant continuanda, et perficienda, animum apposuit: omnes nimirum Principes et alios quosvis Magnates castris, possessionibus et munitionibus euere. Postea omnes magnarum et antiquarum familiarum viros, quos suae tyrannidi contrarios carnebat trucidare, de medioque tollere coepit.

Hujus igitur caedis et tyrannidis a magno viro Owzciniño, Demetrio nomine (filio illius Owzcinae olim tutoris sui, qui in Starodub arce captus, Vilnae Lithuaniae Metropoli in vinculis mortuus est) exordium sumpsit, hoc modo.

Invitavit eum sub amicitiae praetextu ad coenandum secum, ibique inter compotandum ipse magnus Dux vas quoddam ingentis capedinis impletum mellis liquore, illi Owzciniño pro sanitate sua (prout gentis mos est) uno haustu jam temulento ebibendum obtulit, qui jam fere potu oppressus, ne medium quidem ebibere potuit, qua de causa magnus Dux perfidiam ei exprobat, dicens: Siccine mihi domino tuo cuncta bona exoptas? Siccine me Principem tuum clementem diligis? Sed quia hic praebibere pro salute mea noluisti: ad cellarium meum ubi varii potus reconduntur vade, illicque pro incolumitate mea praebibes. Ille miser jam ebrius, verbis placidis magni Ducis, quasi fidelibus deceptus, ad cellarium cum his qui ad eum occidendum erant subornati perrexit, a quibus ibidem crudeliter suffocatus est.

Postridie vero ad domum praedicti Owzciniñi magnus Dux (quasi rei ignarus) misit, mandans ut ad se veniret, uxor vero sua respondit, maritum hesternam die ad magnum Ducem coenatum profectum esse, et ab hoc tempore adhuc domum non rediisse, sic igitur res ubi fuerit, vel quo abierit praedictus Demetrius Owzciniñus in dubio stabat.

Haec autem praecipua causa necis ejus erat: Fovebat quendam juvenem magnus Dux Theodorum nomine, Bosmani cujusdam nobilis filium, cum quo Sodomiam contra opus naturae (dictum nefandam) explebat, cum isto praedictus Owzciniñus quadam die ad jurgia devenit, inter jurgandum autem (ut fit) hoc nefandum facinus ei exprobat, dicens: tu Sodomiam turpi Principi inservis, ego vero ex magna prosapia ortus, semper cum praedecessoribus magna cum laude et Reip. utilitate Principi servio.

Ille igitur juvenis tali ignominia affectus, ad magnum Ducem flens venit, Owzciniñumque talia sibi exprobrasse accusavit. Et ab hoc tempore magnus Dux insidias struere coepit, quo modo Owzciniñus de vita tolleretur, donec voti compos effectus est.

Porro hoc clanculario furtivoque mortis genere, plurimos magni nominis viros jugulare suffocareque procuravit, nemine contra talia ne quidem mussitare audente, donec Metropolitanus ipse re considerata, Episcopique et omnes equestres viri, ad eum convenerunt, expostulantes et interrogantes, quamobrem sic innocenter populum suum, insignesque viros, absque ulla criminis nota de medio tolleret, quorum conventu et persuasionibus per semestre anni spatium humanior et quasi mansuetior effectus erat. Interea tamen cogitare et moliri coepit, quo pacto suae Tyrannidi

и завершение того, что начал его дед и отец: всех князей и некоторых других вельмож он начал лишать их крепостей, владений и укреплений, а затем и всех мужчин из знатных и древних фамилий, которые, по его предположению, были враждебны его тирании, стали убивать и устранять.

Эти зверские убийства он начал со знатного человека Димитрия Овчинина (сына известного Овчины, своего опекуна, который, будучи взят в плен в крепости Стародуб, умер в тюрьме в Вильне — столице Литвы)⁷⁵.

Было это так: пригласил его великий князь под личиной дружбы с собой вместе отобедать и сам поднес этому Овчине большую чашу, полную меда, чтобы он за здравие великого князя осушил ее одним духом (по народному обычаю). Но тот уже охмелел и не смог выпить чашу даже до половины, и за это великий князь обвинил его в вероломстве, сказав: «Так-то желаешь ты мне, своему владыке, всякого добра? Так-то считаешь ты меня, своего снисходительного государя? Раз ты здесь не захотел выпить за мое здоровье, ступай в мою кладовую, где хранятся разные напитки, там ты и выпьешь за мое благополучие». И несчастный, обманутый ласковыми словами великого князя, как будто искренними, отправился, уже хмельной, в кладовую, и там люди, наученные убить его, зверски удушили.

На следующий же день великий князь послал в дом упомянутого Овчинина (как будто бы ни о чем не зная) с поручением призвать его к себе; жена его ответила, что муж вчера ушел к великому князю и с тех пор не возвращался, и она не знает, в чем дело и где находится упомянутый Димитрий Овчина.

Главная же причина его убийства была такова: великий князь покровительствовал некоему юноше по имени Федор, сыну знатного человека Басманова, с которым, противно природе (грех вымолвить), устраивал содом. Упомянутый же Овчинин однажды с ним побранился и среди брани (как это бывает) осудил греховные поступки, говоря: «Ты для государя устраиваешь позорные оргии, я же происхожу из знатного рода, и я, и предки мои служили и служим государю к вящей славе и пользе государства».

Так вот, этот юноша, не стерпев поношения, плача пришел к великому князю и обвинил Овчинина в клевете. И с тех пор великий князь стал измышлять, каким образом лишить жизни Овчинина, пока не добился желаемого.

Потом он так же в глубокой тайне постарался многих людей знатного рода зарезать и удушить, и никто против таких поступков не посмел возразить даже шепотом. Наконец, сам митрополит, обдумав все, епископы и все дворяне пришли к нему, настойчиво спрашивая, почему без всякой вины он уничтожает народ свой и выдающихся мужей. После их прихода и уговоров он в течение полугода был как будто более человечен и кроток. Между тем, однако, стал он измышлять и обдумывать, каким образом набрать и наwerbовать слуг и придворных, пригодных для своей тирании, помощью которых он мог бы пользоваться при осуществлении жестоких замыслов. Итак, он придумал, что уже

conformes servos et aulicos, quorum opera in explenda crudelitate uteretur conduceret et coscriberet. Finxit igitur se jam velle imperium abdicatum, et Monasticam vitam religiose in pace transacturum, filiosque imperio praepositurum. Conventu itaque generali celebrato, nobilibus et proceribus imperii dixit: Ecce habetis duos filios meos legitimos haeredes, qui universo imperio nostro praeerunt. Vos vero omnes obedientiam suam et operam illis in juvando Regimine, et defendendis finitibus imperii praestabitis, si autem aliquid gravius acciderit, ad me concilium deferite, cum non longe a vobis in Monasterio abfuerim.

Confestim ergo per amplam aream extra civitatem Moscoviam delegit, et curiam in ea amplissimam cum innumeris aedificiis muro cinctam erigere fecit. Qua extracta arces praestantiores cum opimis annuis redditibus, ex universo imperio delectu habito sibi specialiter (sub praetextu monasticae vitae ducendae) appropriavit.

Cum itaque in curia praedicta omnibus necessariis munita et provisa, quasi imperio abdicato filiisque concessa, seorsimve maneret ingentem facinorosorum manum qui suas partes sequerentur, satellitumque coegit, et ad pristinum propositum quod nuper statuerat de excidendis, de medio tollendis antiquarum familiarum principibus viris rediit, ad omnesque et singulas arces, quarum praefectus magni nominis viros occidere proposuit.

Sexaginta plusve aliquando ex suae factionis satellitibus, equites, quasi praesidiarios cum literis misit, qui in arce tamdiu suo praetextu praesidii manebant, donec ejus praefectum a Principe neci designatum inopinate opprimerent, et membratim dissecarent. Et cum jam aliquem ex iis Principibus viris occidit, tunc et omnes cognatos, affines, fratres, et omnem denique progeniem, occidere et funditus extirpare facit. Et hoc modo plurimas Principales familias, monasticam vitam ducens, exterminavit, et postea imperium ut et prius administrare coepit.

DE ROSTOVIENSIS DUCIS NECE

Ducatus Rostoviensis, cujus superius mentionem fecimus, secundo genitis magnorum Ducum Russiae attributus erat. Hunc etiam Basilium magnus Dux ut et caeteros sibi appropriavit, haeredibus subjugatis parva redituum portione concessa.

Ex his Ducibus ultimus erat relictus haeres Petrus nomine, Praefectus Novogrodiae inferioris, quem modernus magnus Moscorum Dux cum progenie sua de medio sustulit hoc modo. Quadraginta equites factionis suae in Novogrodiam inferiorem destinavit, quibus ut sibi caput praefecti praedicti Ducis Rostoviensis abscissum attulerint, mandavit. Illi igitur equites praedictum Ducem in Ecclesia orantem praevenerunt, sic allocuti sunt: Domine Rostowski mandato magni Ducis a nobis nunc capieris. Ille confestim mandato audito baculum quem manu gestabat in terram abiecit, inuens se officium cui praepositus erat jam abdicare, nam Princeps Moscoviae cum aliquem nobilium in officio praeponebat, tunc illi in manum baculum dare solet, qua significatur, ut ei in omnibus velut Principi

хочет отречься от власти и вести монашескую жизнь в тишине и молитвах, а у власти поставить сыновей. И вот, собрав на общий совет знать и вельмож, он сказал: «Вот перед вами два моих сына, два законных наследника, которые возглавят всю нашу державу. Вы же все принесете им покорность свою и старания для помощи в управлении и в защите границ державы, а если случится что-нибудь чрезвычайное, то обратитесь за помощью ко мне, ведь я буду недалеко от вас в монастыре».

И тотчас он выбрал недалеко от Москвы обширную территорию и приказал построить на ней просторный двор со множеством зданий, окруженный стеной⁷⁶. Когда это было построено, он присвоил превосходные крепости с обильными годовыми доходами, произведя отбор со всего государства специально для себя (под предлогом ведения монашеской жизни).

Таким образом, в упомянутом дворе, укрепленном и снабженном всем необходимым, как бы уступив сыновьям власть, он составил огромный отряд из злодеев, которые преследовали и свои цели. С помощью этой массы приспешников⁷⁷ он обратился к выполнению задуманного плана устранения и уничтожения выдающихся представителей древних фамилий во всех до единой крепостях, начальников которых — людей знатных — он решил перебить.

Он посылал к ним по шестидесяти и больше всадников из числа своих приспешников, как бы для охраны, с тайным предписанием оставаться в крепости до тех пор, пока, по распоряжению государя, ее начальника, обреченного на смерть, не схватывали неожиданно и не рассекали на части. И когда он убивал кого-либо из этих выдающихся мужей, то старался перебить и выкорчевать до основания всех его родичей, братьев и все потомство. И таким образом он уничтожил очень много знатных семей, ведя монашескую жизнь, а потом снова вернулся к управлению своей державой.

ОБ УБИЕНИИ РОСТОВСКОГО КНЯЗЯ

Княжество Ростовское, о котором мы упомянули выше, было отдано второрожденным детям великих князей Руси. Великий князь Василий присвоил его себе так же, как и прочие, и подчинил наследников, уделив им малую долю доходов.

Из этих князей последним оставался наследник по имени Петр, нижегородский воевода, которого нынешний великий князь московский уничтожил вместе с его потомством таким образом⁷⁸: он назначил в Нижний Новгород сорок всадников из своих подручных и приказал им доставить отрубленную голову упомянутого воеводы, князя Ростовского. И вот, эти всадники, застав упомянутого князя молящимся в церкви, сказали так: «Господин Ростовский! По приказу великого князя мы тебя арестуем». Услышав приказ, он тотчас бросил на землю жезл, который держал в руке; этим он показывал, что уже слагает с себя должность, на которую был назначен: ведь когда государь московский назначает кого-нибудь из бояр на должность, то обычно вручает ему жезл в знак того, что ему во всем должны повиноваться

obtemperaretur, tandem cum aliquis officio degradatur, tum baculum illum in manus Principis vel ejus vices gerentis reddere solet.

Cum itaque in Ecclesia praedictus Dux Rostoviensis caperetur, vestibus spoliatus est, ut nudus velut matris alvo egressus staret, postea in trahaeas vinctus positus et alligatus est. Cumque iam tribus miliaribus a Novogrodia aventus esset illi qui eum vehebant ad flumen Wolgam substiterunt, Dux vero vinctus quare starent causam percontabatur, qui se equis hanc aquam sed mihi (quasi mortis praescius) bibere, et nunquam ebibere respondit. Confestum ergo praefectus equitum ei jacenti caput securi amputavit, cadaver vero in flumen gelu concretum mersum est. Cum autem caput illius Principi allatum est, ipse Princeps manu et capite nutans dixit, ah caput caput multum sanguinis vivum existens effudisti, (bellicosissimus enim extitit), et nunc mortuum eundem effundes, his dictis fremens pede illud trusit, et in profluentem abjicere jussit, postea omnes amicos et totam progeniem quinquaginta hominum funditus eradicare excidereque (possessionibus omnibus eorum publicatis) fecit, servosque ejus praecipuos quaterdenos vinctos in carcerem intrusit

Haec tota gens Moscovitica id a natura ipsa inditum habet, ut sese alterutrum qualibet de causa per phas sive nephas accusarent, contumeliisque variis se invicem afficiunt, et res suas unus in alterius domum clanculum frequenter iniit sive importat, easdemque furto sibi ablatas dicit. Magnus vero Dux cum unus alium qualibet de re accusat, libenter audit, jam etenim occasionem occidendi illius qui accusatur habet. In curia autem illius quando conventum, vel aliquid tale celebrat, vel morti aliquem adjudicat destinatve, neque submissa neque clara voce aliquid cum socio mussites, nec rideas nec festivum hilaremque vultum praeseferas confestim enim interrogaberis, cur rides? cur hilaris es? etc. sentis tu aliquid cum immicis magni Principis? continuo igitur a delatoribus coram magno Duce accusatur, accusatus vero jussu Principis, nulla purgatione criminis objecti concessa a satellitibus arripitur, atque membratim dissecatur, aut in aquas capite avulso projicitur.

DE JOANNIS PIOTROVICZ,

palatini supremi Moscoviae falso accusati, crudeli nece

Anno virginei salutiferi partus supra Millesimum Quingentesimum Sexagesimo octavo. Cum Rex Poloniae Sigismundus Augustus Magnus Dux Lithaniae, ad campos Radoscovicenses cum universis Lithuaniae viribus in castris esset, fines Moscoviticos invasurus: Magnus Moscoviae Dux in Wielikije Luki civitate cum praesidiariis copiis tunc temporis excubabat postea cum Rex Poloniae ex castris re infecta et intentata discessisset, Magnus Dux in Moscoviam civitatem reversus est, et ibi progressum quandam nobilium suorum sibi contrarium offendit. Praecipue vero quidam magni nominis vir Joannes Piotrovicz. Palatinus principalis, et vices gerens Moscoviae apud eum, per delatores falso et contumeliose accusatus est,

как государю. Когда же он отстраняется от должности, то этот жезл возвращает государю или тому, кто представляет его особу.

Итак, когда упомянутый князь Ростовский был схвачен в церкви, с него содрали одежду, так что он остался нагим, в чем мать родила, а потом в оковах был брошен в сани и привязан. Когда они отъехали от Новгорода на три мили, то остановились у реки Волги. Скванный князь спросил о причине остановки, и ему ответили, что хотят напоить коней. Он, предчувствуя смерть свою, сказал: «Нет, не для коней та вода, а для меня, пить мне ее и не выпить никогда». И тотчас начальник всадников отрубил ему, лежащему, голову топором, а труп сбросили в замерзшую реку. Когда же его голову принесли государю, то он сам, помавая рукой и головой, сказал: «Ах, голова, голова, много ты крови пролила при жизни (ведь он был очень воинственный), а теперь, мертвая, прольешь ее». Произнеся эти слова, он оттолкнул ее ногой и приказал бросить в реку. После этого всех друзей и все потомство убитого в количестве пятидесяти человек он искоренил до основания и перебил (и все владения их конфисковал), а сорок лучших слуг его удушил в темнице.

Все московиты считают, что самой природой назначено обвинять друг друга право и неправо по любым поводам: они наносят друг другу разные бесчестия, один часто приходит в дом другого и тайно приносит свои вещи, а потом говорит, что они же унесены от него воровски. Великий же князь охотно слушает, когда один другого в чем-то обвиняет: ведь у него появляется повод убить того, кто обвинен. Когда же сходятся в его дворце, и он или объявляет что-нибудь, или приговаривает кого-либо к смерти, то здесь не поговоришь с товарищем ни тихим, ни громким голосом, не засмеешься, не выразишь веселого или довольного лица, ибо тотчас тебя будут допрашивать, чему ты смеешься, чем доволен, не сочувствуешь ли врагам великого государя. Тотчас такой человек обвиняется доносчиками перед великим князем, а обвиненного, не дав оправдаться от приписанного ему преступления, по приказу государя хватают его приспешники и рассекают на части или бросают в воду, отрубив голову.

О ЖЕСТОКОМ УБИЕНИИ

ложно обвиненного воеводы московского Ивана Петровича ⁷⁹

В 1568 году от девственного Рождества Спасителя король польский Сигизмунд-Август, великий князь литовский, стоял лагерем в Радожковичских полях и намеревался вторгнуться в пределы Московии. Великий князь Московии охранял в то время с гарнизоном город Великие Луки, а после этого, когда король польский снялся с лагеря, не добившись успеха, но с угрозами, великий князь вернулся в город Московию и там застал некое враждебное ему выступление знати. В особенности некий знатный человек Иван Петрович, главный воевода, несущий у него власть в Московии, ложно и бесчестно был обвинен доносчиками, будто бы он домогается великого княжения; великий князь тотчас, не

quasi ille magnum Ducatum ambiret, quem magnus Dux confestim nulla purgatione criminis objecti audita omnibus bonis, mobilibus et immobilibus spoliare fecit, ipsumque in bellum contra Tartaros proficiscere jussit. Ille miser omni suppellectili spoliatus ne equum quidem, in quo ad id praescriptum bellum proficisceretur relictum habuit, Monachus tamen quidam ejus miseriae condolens, equum ei accommodavit, in quo contra Tartaros mandatum Principes adimplens, solus tantum (qui nuper caterva servorum comitabatur) profectus est. Ex bello tandem reversus, ad Magnum Ducem citatur, omnesque nobiles et caeteri magnates ad tempus designatum in Moscoviam convocantur. Praedictus igitur Joannes Piotrovicz ad tribunal citatus, uxori, liberis, caeterisque affinibus, valedicens, necis futurae praescius, Magno Duci se praesentavit. Statim ergo ab ipso Principe ornamentis Ducalibus, Diademate, et Sceptro, solenniter insignitus in sede sive Majestate Regia ad id erecta collocatur, cumque iam sic insignitus et ornatus sederet, omni conventu nobilium et magnatum circumstante, ipse magnus Dux coram eo stans, capite adaperto, quasi honorem exhibens, caput et genua (secundum morem gentis) inclinabat, dicens, Ave magne Dux et Monarcha Russiae, en obtinuisti quod affectabas, en habes quod ambiebas, voluisti enim in locum meum magnum Monarchatum Russiae (sic enim falso accusatus erat) succedere, en ego ipse te jam magnum Ducem solenniter creavi, sed sicut habui potestatem, te magnum Ducem creandi, ita etiam potens sum te hac de sede et dignitate degradandi, his dictis cultellum oblongum sive pugionem ipse in cor ejus aliquoties infixit, omnisque turba nobilium circumstantium in eum sic crudeliter pugionibus et cultellis saeviebat, quoadusque omnia viscera et praecordia ex eo in terram profluerent. Cadaver tandem crudeliter vulneribus confectum, ex arce in forum extractum est. Deinde omnes servos ejus praecipuos laqueis jugulare, trucidare, et aquis obruere mandavit. Tandem in arcem Columna, quam praedicto Joanni cum omnibus provenitibus, olim concesserat, profectus, omnes quotquot in ea arce et civitate ad trecenta plusve hominum invenit, aquis immergere, trucidareque fecit, dicens: Occidite, jugulate, aquis obruite hos malefactores, sentiebant enim cum inimico meo perjuro et perfido. Postea per integrum fere anni spatium possessiones praedicti Joannis civitates, et villas, vastabundus igne et ferro peragrabat, ubi vero nobiles subditos hujus Joannis, sive Bojarones (erat enim magnus homo habens sub sua ditione alios nobiles) offendit, hos omnes in unam habitationem coactos et oclusos succendere jussit, pulveribus, tormentariis subpositis, omnesque vi accensi pulveris in aerem velut aves volantes ejiciebantur. Jumenta, insuper omnis generis ad canem et felem usque in frusta membratim dissecare, proterere et in nihilum convertere, villas et praedia, igne succendere cineribusque commiscere fecit, uxores vero horum nobilium, et virgines coram se turpiter constuprandas satellitibus exposuit, postea easdem in frusta dissecare mandavit. Colonorum autem et infimae conditionis conjuges vestibus spoliatas, in sylvam nudas perinde ut matris alvo egressas, vel ut brutum pecus agere jussit, in sylvis autem satellites latentes subordinati erant.

выслушав оправданий от приписанного тому преступления, лишил его всего движимого и недвижимого имущества, а самому приказал отправляться на войну с татарами. Этому несчастному, лишенному всего имущества, не оставили даже лошади, на которой он мог бы отправиться на предписанную ему войну. Однако какой-то монах пожалел его и дал ему лошадь, на которой тот отправился против татар, выполняя поручение государя, при чем совершенно один (тогда как еще недавно его окружала толпа слуг). По возвращении с войны его вызывают к великому князю, и к назначенному времени в Московию созывается вся знать и прочие вельможи. Итак, упомянутый Иван Петрович, вызванный в судилище, попрощался с женой, детьми и прочими родственниками, предчувствуя близкую смерть, и явился к великому князю. Тотчас он был самим государем отмечен знаками княжеского достоинства, диадемой и скипетром и усажен на трон. Когда он сидел, украшенный и наряженный таким образом, то сам великий князь в присутствии всех дворян и бояр, стоя против него с непокрытой головой, как бы воздавая почести, склонил голову, стал на колени (по народному обычаю) и сказал: «Здравствуй, великий князь и монарх России! Достиг ли того, к чему стремился, имеешь ли то, о чем просил? Ты ведь хотел занять мое место великого монарха российского (ведь так он был ложно обвинен), вот я и назначил тебя сам великим князем, но как я имею власть назначать тебя великим князем, так же властен я совлечь тебя с этого трона и почета». С этими словами он несколько раз вонзил в его сердце длинный нож или кинжал, и вся толпа стоящих вокруг дворян так свирепо набросилась на него с кинжалами и ножами, что все его внутренности вывалились на землю. Жестоко истерзанный труп был вытаскен из кремля на площадь. Затем всех его верных слуг государь приказал задушить, зарезать и утопить. Наконец, он отправился в крепость Коломну, когда-то подаренную вышеупомянутому Ивану со всеми доходами, и всех людей, сколько ни нашел в кремле и в городе, до трехсот и более, велел утопить и зарезать, говоря: «Убивайте. души, топите этих злодеев, ведь они были заодно с моим вероломным врагом». После этого в течение почти целого года он объезжал города и деревни во владениях упомянутого Ивана, предавая их огню и мечу. А когда нашел знатных подданных этого Ивана, или бояр (ведь этот значительный человек имел в своей власти других знатных), всех их приказал собрать и запереть в одном месте и поджечь, подложив порох; и все они от силы подожженного пороха взлетели в воздух, как птицы. Всю скотину, вплоть до собак и кошек, он велел изрубить на куски и превратить в ничто, деревни и имения — сжечь и смешать с землей, а жен и дочерей этих бояр собственноручно отдал на поругание своим приспешникам; после этого приказал изрубить их на куски. А с жен крестьян и людей незнатного сословия он приказал содрать платье и гнать их, в чем мать родила, в лес, как скотину; в лесу же скрывались его приспешники, которые внезапно накинулись на несчастных женщин,

Cumque illae miserrimae mulierculae sylvae appropinquarent satellites, cum impetu in eas irruerunt, caedentes et variis plagis afficientes: illae timidae per campos et sylvas pallantes, et identidem discurrentes omnia fletibus et ejulatu complebant. Sic itaque omnibus possessionibus praedicti Joannis Piotrovicz olim Palatini Moscoviae devastatis, et funditus extirpatis uxorem ejus in monasterium intrusit, progeniem autem ejus, totam denique familiam a parvo ad minimum eradicavit.

CANCELLARIO SUO QUID FECERIT

Eodem supradicto anno trucidato tam insigni viro cum tota familia sua, cancellarium suum Kozarin Dubrowski dictum, falso accusatum (quasi ille subditis nobilium sive Bojaronum largitionibus corruptus, tormenta bellica in suis curribus et equis ducere non juberet, prout mos est, et quod solummodo magni Ducis id munus obirent) crudeliter hoc modo trucidavit: Satellitibus suis mandavit, ut in domum praedicti cancellarii impetum facerent, ipsumque membratim (quamvis criminis non convictum) disseccarent, quod et dictu ociosum executum est. Nam satellites inopinata ipsum cancellarium cum filiis duobus membratim securibus ad mensam sedentem crudeliter disseccarunt, disseccatosque in puteum, qui in medio ejusdem curiae erat, projecerunt. Superfuit autem adhuc hujus cancellarii filium tertium, qui hoc die, quo pater suus occisus est, ad convivium quoddam invitatus profectus erat, cumque de patris tam crudeli fratrumque nece audiisset, in domum amplius redire non audebat, sed per integrum fere annum, identidem prae timore vagabundus circumambulabat. Cum vero nunciatum esset magno Duci, adhuc unum filium cancellarii Kozarini superesse, jussit eum per omnes regiones et civitates tam diu inquirere, donec inveniretur, quem captum, et in Moscoviam adductum, magnus Dux quatuor ingentibus rotis ad id excogitatis, in quatuor partes dirumpere fecit. Est autem hoc instrumentum quatuor rotarum ab hoc magno Duce moderno pro cruciandis hominibus adinventum, ad primam rotam una manus, ad secundam altera, eodem modo uterque pes ad caeteras duas rotas alligatur. Singulas vero rotas quindecim viri trahunt, tunc ibi, etsi ferreus vel adamantinus homo fuerit, a sexaginta viris transversim crudeliter tractus dirumpitur, et membratim dilaceratur. Ipse autem praesens ad hoc supplicii genus spectare solet, cumque iam aliquis eo inspiciente sic dirumpitur, gentili voce saltando hoyda, hoyda, proferens vociferare solet, quasi aliquod opus egregium perfecit. Omnis quoque nobilium et plebejum circumstans turba eadem voce Principi suo correspondere manibus complaudendo solent. Nam si aliquem lugubri tristisque vultu sub id temporis conspexerit, vel si aliquis illi hoyda hoyda vociferanti exhilarandi particula non responderet, statim satellitibus eum arripere et disseccare mandat, dicens: perfide et tu sentiebas cum hoc inimico meo? cur ei condoles? quare de nece ejus contristaris? etc.

при их приближении, нанося им увечья и удары. Перепуганные бабенки ринулись в поля и леса и, рассыпавшись повсюду, оглашали окрестности воплями и рыданиями. Итак, когда все владения упомянутого Ивана Петровича, некогда воеводы московского, были опустошены и до основания уничтожены, он заточил его жену в монастырь, а детей и всю его семью от мала до велика искоренил совершенно.

КАК ОН РАСПРАВИЛСЯ СО СВОИМ КАНЦЛЕРОМ

В том же, упомянутом выше, году, расправившись со столь знатным мужем и со всей его семьей, он жестоко расправился со своим канцлером по имени Казарин Дубровский. Его оклеветали, будто он, щедро подкупленный знатью и боярами, не отдал распоряжения везти военные орудия на телегах и лошадях, как было в обычае, так что это стало обязанностью возчиков великого князя. Великий князь поручил своим приспешникам произвести налет на дом упомянутого канцлера и самого его рассечь на куски (хотя преступление и не было доказано), что и было выполнено в мгновение ока. Княжеские приспешники неожиданно накинулись на сидевшего за столом с двумя сыновьями канцлера и беспощадно изрубили их топорами, а изрубив, бросили в колодец, бывший в его же дворе. Остался в живых третий сын этого канцлера, который в тот день, когда был убит его отец, был приглашен на какой-то пир. Услышав о зверском убийстве отца и братьев, он не осмелился вернуться домой, а почти целый год скитался в страхе. Когда же великому князю сообщили, что один сын канцлера Казарина остался в живых, он приказал искать его по всем областям и городам, пока не найдется. Когда его схватили и доставили в Московию, великий князь велел разорвать его на четыре части на четырех огромных колесах, придуманных для этой цели. Это орудие из четырех колес изобретено для пыток самым нынешним великим князем: к первому колесу привязывают одну руку, ко второму — другую, таким же образом — каждую ногу к остальным двум колесам. Каждое колесо поворачивают пятнадцать человек, и будь казнимый хоть железный, хоть стальной, но шестьюдесятью человеками, беспощадно тянущими в разные стороны, он разрывается на части. Сам же князь обычно созерцает самолично эту казнь, и когда человека разрывает, он громко кричит, ликуя, на своем языке: «Гойда, гойда!», как будто бы он совершил нечто выдающееся. Вся толпа знати и простонародья, стоящая кругом, обычно вторит своему государю теми же словами и рукоплещет. Ведь если он заметит когонибудь в это время с угрюмым и печальным лицом или услышит, что кто-нибудь не достаточно рьяно повторяет за ним «гойда, гойда», он тотчас приказывает своим приспешникам схватить и изрубить такого человека, приговаривая: «И ты, изменник, мыслишь заодно с моим врагом? Почему ты ему сочувствуешь? Почему скорбишь о смерти его?» и т. д.

SALES ET JOCI MAGNI DUCIS CIRCA MENSAM

Quicumque nobilium vel magnatum apud magnum Ducem inter prandendum turpius spurciusque jocatur, ille egregius peroptimusque et facundissimus aulicus censetur. Tales jocatores duo praecipui in aula ejus germani fratres Knesi Gwozdzowie dieti erant, qui semper sales nefandos circa mensem exercebant, unus erat Andreas nomine Marschalcus, sive palatii magister, qui peste infectus, vitam exhalavit. Alter vero minor natu cubicularii munus obibat, hic quadam die turpissime cum magno Duce inter prandendum jocabatur, adeo ut magnus Dux nefandis dictis exacerbatus, a mensa ei discedere jusserit, interdum vero eo discedente caulis calidissima peneque bulliens de coquina ad mensam allata est, vocans igitur praedictum cubicularium, jussit se ei inclinari, et caulem illam calidam inclinato a collo post tergum infusit, qui pene combustus dolore urgente vociferare coepit, dicens: Miserere, miserere celeberrime Imperator. Postea discedere volentem, magnus Dux arripuit, cultelioque quo ad mensam utebatur, cum crudeliter in collum transfixit, a quo vulnere continuo ni terram prolapsus extractus est in atrium. Postea ei condolens magnus Dux, Italum Doctorem medicinae ocus accersiri jubet, eique venienti assurgens dixit: Dilecte Arnolphe Doctor (hoc enim nomen habebat) vade, auxiliare aliquid huic cubiculario meo, quem in jocando laesi. Doctor egressus exanimatum offendit, reversusque dixit: Rex et Dux magne, utinam tu sanus sis, ille vero jam de vita ad mortem translatus est, Deus autem, et tu magne Domine potens animam ei eripere, ego autem eam restituere nequaquam possum. Ad haec magnus Dux manu connivens dixit, vacat ergo canis, cum vivere noluit.

QUALI MUNERE MAGNUS DUX SUOS HONORAVERIT

Quodam tempore Boris Titow magni nominis vir, Palatinus Stariciensis, ad magnum Ducem post prandium mensae cubito innixum assidentem venit, honoremque secundum morem caput inclinando exhibuit, cui magnus Dux quasi congratulans dixit: Salve charissime Tite, salve mi fidelissime serve, dignus es o Tite aliquo munere a nobis honorari, accede propius, accedentique caput inclinare jussit, et cultello evaginato auriculam ei manu propria abscidit. Ille vero auricula privatus minime contradixit, sed humiliter magno Duci gratias egit, dicens: Salvus tu sis celeberrime Rex, Dux et Domine magne, quod me servum tuum secundum placitum tuum castigare digneris. Cui magnus Dux, accipe nunc hoc exiguum munusculum libenter, donec tibi aliud melius offeretur.

SOMNIORUM EGREGIUS INTERPRES MAGNUS DUX

Quidam nobilis Moscoviae in carcere aliquot annis detinebatur, carcerisque durissimi pertaesus, somnium sibi falso finxit, quasi Regem Poloniae

ОСТРОТЫ И ШУТКИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЗА СТОЛОМ

Кто из бояр или дворян на пиру у великого князя шутит более грязно и безобразно, тот считается выдающимся, отличным и красноречивым придворным. Такими шутниками, в особенности, были при дворе его два родных брата князя Гвоздевы⁸⁰, которые всегда отпускали за столом непотребные остроты. Один, по имени Андрей, был маршалком или дворцовым управляющим, он умер, заразившись чумой. Второй же, младший, исполнял должность постельничего; как-то он безобразнейшим образом стал шутить с великим князем, так что тот, разгневанный непотребными словами, приказал ему уйти из-за стола. Но тут, когда он уходил, принесли из кухни горячую, почти кипящую похлебку; государь подозвал упомянутого постельничего и приказал склониться перед собой; он склонился, и государь вылил ему за шиворот эту горячую похлебку. Почти сожженный, тот начал кричать от мучительной боли, приговаривая: «Смилуйся, смилуйся, досточтимый император!». Когда он хотел после этого уйти, великий князь схватил его и безжалостно вонзил ему в шею столовый нож; он тотчас упал на землю от этой раны, и его вытащили в другую залу. Сжалившись над ним после этого, великий князь велел немедленно пригласить итальянца-медика; когда тот пришел, великий князь сказал ему, поднявшись: «Любезный доктор Арнольф (таково было его имя)! Ступай и помоги чем-нибудь моему постельничему, которого я ударил в шутку». Доктор, выйдя, застал его уже бездыханным и, вернувшись, сказал: «Царь и великий князь! Ты будь здоров, а тот перешел от жизни к смерти. Бог и ты, великий господин, в силах лишить его жизни, но я воскресить его не могу». На это великий князь, махнув рукой, сказал: «Ну и пес с ним, коли он жить не захотел!»

КАКУЮ МИЛОСТЬ ОКАЗЫВАЛ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВОИМ

Однажды Борис Титов, муж знатного имени, воевода Старицкий, пришел к великому князю, сидевшему после завтрака, опершись локтем на стол, и воздал ему почесть, склонив, по обычаю голову. Великий князь, как бы благодаря в ответ, сказал ему: «Здравствуй, милейший Тит, здравствуй, мой верный раб! Ты достоин, о Тит, какой-нибудь милости от нас. Подойди поближе». Когда он подошел, великий князь велел ему наклонить голову и, вытащив из ножен кинжал, собственноручно отрезал ему ухо. А тот, лишившись уха, не возразил ничего, но униженно поблагодарил великого князя, говоря: «Будь здоров, досточтимый царь, князь и господин великий, за то, что ты меня, раба твоего, по милости твоей наказать удостоил». Великий князь ответил: «Будь доволен этой ничтожной милостью, пока не достанется тебе чего-нибудь лучшего».

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВИДЕНИЙ

Какого-то московского боярина несколько лет держали в тюрьме; тяготясь суровым заключением, он выдумал сновидение: будто видел

captum vinctumque ad magnum Ducem adductum in somnis videret, hocque somnio se liberaturum fore (spe eum fallente) arbitrabatur. Supplicationem igitur ad consiliarios scriptam misit, dicens: Se rem quandam magno Duci necessariam et utilem gratamque scire. Quem consiliarii eductum magno Duci confestim praesentant: cui magnus Dux, dic ea nunc quae direnda nobis habuisti. Ille vero celeberrime Rex et Imperator, magne Dux et Domine, hac nocte in somniis vidi Regem Poloniae captivum misere compedibus vinctum, ad te a tuis militibus adductum. Ad haec magnus Dux respondit, rectissime narrasti, statim ego tibi hoc somnium, quid sibi velit, exponam. Carnificibus igitur eum confestim examinandum torquendumque tradidit, inquirendo ab eo, qua de causa hoc somnium sibi finxisset. Ille tormentis adactus fassus est, id causa liberandi ex duro carcere fecisse. Tunc magnus Dux eum in carcerem duriorum pristino intrudere iussit, dicens, expecta hic somnii tui veram efficaciam tam diu, donec adimplebitur. Ille miser postea acerbissimo carcere consumptus, miserrime e vita decessit.

**TURPIS MATRONARUM NOBILIIUM
apud magnum Ducem abusus**

Habet magnus Dux supplantatores, adulatores plurimos ad id subordinatos, qui identidem circumambulantes, quid mulieres civium matronaeque nobilium de se loquerentur, subaudiunt, raptaque verba dicto ocius ad eum deferunt, qui satellitibus suis ad domum illius matronae accusatae destinatis, eam de lectulo a marito proprio violenter abstrahere, et sibi praesentari jubet. Hanc si ibi complacuerit per aliquot hebdomadas pro explenda libidine detinet, sin minus, satellitibus eam turpiter stuprandam exponit, et tandem ad maritum suum eam ablegat. Si vero virum illius matronae occidere, e medioque tollere proposuerit, tunc eam non ablegando jugulare, vel aquis obruere jubet, prout hoc pluribus contigit. Praecipue vero cuidam magni nominis viro Miessojedowski dicto (de quo inferius dicetur) supremo notario suo uxorem cum pedissequa violenter abstractam, et per aliquot hebdomadas detentam, in porta domus mariti sui eam una cum pedisseque laqueo suspendere iussit, sicque in porta suspensae duabus hebdomadis pendebant, donec jussu Principis deponerentur. Maritus vero suus subterfuge uxorem suspensam per illam portam, quo opus fuerat, exire et intrare cogebatur. Hoc quoque vel atrociori modo cuidam notario suo fecit, cui uxorem abstractam et stupratam postea remisit, eamque in habitatione propria, ubi solitus erat, cibum capere, super mensam suspendere fecit, in illaque mensa desuper uxore strangulata pendente, tamdiu ille notarius cibum amarissimum capere cogebatur, donec Principis illud cadaver asportaretur. Cum autem aliquo magno Dux proficiscitur, et forte obviam sibi (ut fit) aliquam viderit matronam, quamvis magni viri uxor ea esset, sciscitare jubet, cujas sit, vel unde proficisceretur? Quod

он во сне короля польского, схваченного и приведенного в оковах к великому князю. Он считал, что за таковое сновидение его освободят (надежда его обманула). Он послал прошение к чиновникам с такими словами: он, мол, знает кое-что нужное, полезное и приятное для великого князя. Чиновники привели его тотчас к великому князю; тот к нему обратился: «Скажи-ка, что ты нашел нужным нам сообщить». Он отвечал: «Всемиловитейший царь и император, великий князь и господин! Этой ночью я видел во сне, что плененный король польский, жалким образом скованный, был приведен к тебе твоими воинами». На это великий князь ответил: «Очень правильно ты рассказал, я тотчас объясню тебе, что значит этот сон». И тут же передал его палачам для допроса и пыток, чтобы разузнали у него, по какой причине он выдумал это сновидение. Тот под пытками признался, что сделал это, чтобы освободиться из мрачной тюрьмы. Тогда великий князь приказал заточить его в темницу суровее прежней, говоря: «Подожди там исполнения твоего сновидения, пока оно не осуществится». И этот несчастный просидел в мрачной темнице до тех пор, пока не скончался самым жалким образом.

ПОЗОРНОЕ ОБРАЩЕНИЕ СО ЗНАТНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ у великого князя

У великого князя имеются многочисленные подставные лица и наушники, специально обученные, которые беспрестанно шныряют повсюду и подслушивают, что говорят о нем жены горожан и боярыни; подхваченные речи немедленно доносят ему; а он, отрядив своих приспешников в дом обвиненной женщины, приказывает насильно выхватить ее с ложа собственного мужа и доставить к себе. Если она ему понравится, он держит ее у себя несколько недель для удовлетворения своей похоти, если же нет, то отдает на позор своим приспешникам и, наконец, возвращает ее мужу. Если же он решит мужа этой женщины убить, то велит ее зарезать или утопить, что уже многих постигло. Так например, у некоего знатного мужа, его главного писца, по имени Мясоедовский (о котором ниже будет сказано)⁸¹, была насильно похищена жена вместе со служанкой и задержана на несколько недель. Потом он приказал повесить ее и служанку в дверях мужнина дома, где они и провисели две недели, пока не были сняты по приказу государя. И ее муж был вынужден выходить и входить через эти двери под трупом жены. Еще более ужасную вещь сделал он с другим своим писцом: он похитил и обесчестил его жену, а потом повесил ее в той комнате в доме писца, где тот обычно принимал пищу, прямо над столом; и писец был вынужден совершать свою горчайшую трапезу за столом, над которым висела задушенная жена, до тех пор, пока не унесли ее тело по приказу государя. Когда же великий князь отправляется куда-либо, и навстречу ему попадается какая-нибудь женщина (как это бывает), даже если это — жена знатного человека, он приказывает разузнать, чья она и откуда идет. Если же он узнавал, что она жена такого человека, на которого он гневается, то приказывал убрать

si eam illius viri, cui offensus est, uxorem esse intellexerit, tunc eam ex curru descendere et collotenus pudenda detegere jubet, et tam diu stare cogitur, donec omnes satellites, equites et aulici, ipseque magnus Dux praetereant.

DE INJURIA EXPOSTULANTIBUS, QUID ACCIDERIT

Anno a Christo nato millesimo quingentesimo sexagesimo sexto convenerunt ad magnum Ducem nobiles, magnates, et consiliarii, quasi trecenti viri expostulantes cum eo de injuriis, homicidiis, spoliationibus, et inaudita crudelitate, his verbis: Celeberrime Rex, magne Dux, et Domine noster, quae causa est, quod nos innocenter tantis detrimētis, tantisque malis et injuriis affligis, fratres nostros, consanguineos, insontes morti adjudicas, trucidas, aquis obruis, bonis spolias? Insuper satellites tuos in nostrum exitium convertisti, qui nos intolerabilibus oneribus injuste affligunt, et an tuo mandato nobis haec faciant, penitus ignoramus. Nos etenim tibi Domino nostro et Imperatori legitimo, prout fideles subditos decet, in fide sincera et veritate servimus, sanguinemque nostrum tui causa strenue profundimus. His dictis magnus Dux ira excandescens in carceres omnes et singulos vinctos intrusit, postea quinque diebus exactis de carceribus eductis, quibusdam linguas abscindere, aliis pedes et manus obtruncare, quinquaginta vero insigniores viros in foro publice virgis et baculis caedere jussit, reliquos liberos dimisit, quibus quamvis tunc temporis pepercerit, postea tamen in manus ejus crudeles et truculentas devenerunt, prout inferius dicitur.

QUALEM GRATIAM MAGNUS DUX SOCERO SUO EXHIBUERIT

Michael Temrucovicz cognomine, clarae familiae vir, magni Dicus socer, tali amore prosequitur, quae interdum per duas ampliusve hebdomadas magnus Dux gratiam amicitiamque ei exhibet. Postea cum eidem qualibet levi de causa infensus fuerit, tunc ad singulas portas januasque curiae illius, ursos indomitos horribilesque tres vel quatuor alligare mandat, qui omnes e curia exire volentes unguibus confestim dilacerarent. Interdum ergo Dominus socer in aedibus clausus sedit, et si quid habet, comedit, bibit, et hi ursi aliquando per duas, tresve hebdomadas a foribus curiae non abducuntur. Quando etiam eundem socerum suum supradictum magnus Dux pecuniis abundare intelligit, tunc eum jubet arripere crimine ei falso objecto, et in locum, ubi debitores secundum morem gentis baculis virgisque caeduntur, ducere, ibique tam diu jussu Principis virgis verberatur, donec omnem thesaurum indicare cogatur. Quando autem in eo magnus Dux nihil potest verberibus extorquere, tunc ei ipse ex thesauro suo certam summam pecuniae numerare solet. Hoc itaque modo magnus Dux socerum suum tractat, aliquando eum thesauro spoliatur, aliquando ditat. Interdum vero cum se huic socere suo benigniorem exhibet, tunc ipsi soli parcat, sed praecipuum ejus et intimum servum (qui vices Domini suppleret)

ее с дороги и бесстыдно обнажить до самой шеи; и она должна была стоять так до тех пор, пока не пройдут мимо нее сам великий князь, его приспешники, всадники и придворные.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЖАЛУЮЩИМИСЯ НА НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

В 1566 году по Рождестве Христовом пришли к великому князю бояре, дворяне и чиновники, около трехсот человек, жалуюсь ему на обиды, человекоубийства, ограбления и неслыханную жестокость⁸². Они говорили: «Всемиловитейший царь, великий князь и господин наш! По какой причине наносишь ты нам, без всякой нашей вины, такой ущерб, причиняешь такие бедствия и обиды, наших безвинных братьев и родичей осуждаешь на смерть, режешь, топишь, лишаешь имущества? Сверх того, ты обратил на нашу погибель твоих приспешников, которые неправо угнетают нас невыносимыми тяготами, и мы доподлинно не знаем, делают ли они это по твоему наущению. Мы же тебе, законный господин наш и император, как и полагается верным подданным, служим верой и правдой и с готовностью проливаем свою кровь за тебя». Разгневанный этими словами, великий князь всех их бросил в оковах в тюрьмы; через пять дней их вывели из тюрем, и он приказал, чтобы одним отрезали языки, другим отрубили руки и ноги, а пятьдесят более знатных мужей публично высекли на площади розгами и палками; остальных он отпустил на свободу, но хотя в то время он пощадил их, однако, впоследствии они попали в его суровые и жестокие руки, как будет рассказано ниже.

КАКУЮ МИЛОСТЬ ОКАЗАЛ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВОЕМУ ТЕСТЮ⁸³

Тесть великого князя, знатный муж Михаил Темрюкович пользуется такой его любовью, что великий князь оказывает ему милость и дружбу по две недели, или даже более. Впоследствии, как разгневается на него по какой-нибудь пустой причине, то приказывает к каждым дверям и входам в его дом привязать трех или четырех ужасных диких медведей, которые должны будут растерзать когтями всех, желающих выйти из дома. Между тем, господин тесть сидит запертый в здании, ест и пьет, что найдется, а этих медведей не уводят от дверей дома иногда по две три недели. Когда же великий князь узнает, что вышеназванный тесть его очень богат, он приказывает схватить его по ложному обвинению и отвести в то место, где должников, по местному обычаю, избивают палками и розгами; там государь приказывает пороть его розгами до тех пор, пока он не будет вынужден указать все свои сокровища. Когда же великий князь бывает не в силах что-либо вымучить у него, тогда он сам ему отсчитывает определенную сумму денег из своей казны. Так вот и обращается великий князь со своим тестем: то отнимает у него состояние, то обогащает. Иногда же, когда он выказывает себя более благосклонным к своему тестю, он щадит его самого, но приказывает схватить самого верного его слугу (который должен

arripere et tam diu verberare jubet, donec thesaurum Domini sui indicaret, aliquando etiam Dominus servo innocenter caeso condolens, tantum peciniae pro eo numerare solet, quantum magnus Dux imperaverit. Quadam etiam vice evenit, quod vector praedicti Michaelis cum vectore magni Ducis in via forte congressus, ibi ambo inter se litem excitaverunt, ac inter jurgia ad pugnam devenerunt. Vector igitur magni Ducis gravius percussus, ad Marschalcum, sive palatii Magistrum veniens, a vectore soceri magni Ducis se verberatum conquestus est. Magister palatii causam ad magnum Ducem detulit, qui continuo re audita, absque partis accusatae purgatione satellites suos in curiam praedicti soceri sui misit, eisque ut tres servos illius praecipuos in foribus laqueis suspenderent mandavit. Sic ergo illi servi suspensi in foribus pendebant, et omnes ex domo exire, et in domum intrare volentes, per illas fores subter suspensos ambulare duabus hebdomadis cogebuntur, donec jussu Principis deponerentur.

**DE CRUDELI MAGNI DUCIS MOSCORUM TYRANNIDE,
quam in Novogrodia magna, Pskovia Tweria, et Nerva
civitatis perperavit, anno Domini 1569**

Anno per Christum salutis partae supra millesimum quingentesimum sexagesimo nono, cum Princeps Moscoviae rescivit Novogrodenses, Pskovienses, et Twerenses ad Regis Poloniae magnique Ducis Lithuaniae partes aliquantulum propensiores esse, statim quomodo id ulcisceretur cogitare coepit, et ut inopinatos eos, et praeter spem securos opprimeret, hoc modo inprimis progressus est. Omnibus et singulis utriusque sexus hominibus, tam viris, quam feminis, senibus et pueris, sub poena capitali interdixit, ne quisquam ea via, quae ex Moscovia in magnam Novogrodiam ducit, ire proficiscive praesumeret. Deinde cum jam numero accinctus exercitu de curia Alexandrova Sloboda dicta, ad Novogrodenses ulciscendos, et funditus exterminandos egressus esset, praesidiariorum satellitum ante se septingentos praemisit, totidemque a tergo et in omnibus circumquaque locis praesidiarios subordinavit, qui omnes, quoscumque ea via interdicta euntes invenerunt, securibus membratim cum jumentis, curribus, et id genus aliis rebus dissecabant, ita ut nec ex Moscovia in Novogrodiam, nec ex Novogrodia in Moscoviam quisquam viventium transire potuerit, nemoque propositum Principis, quo contenderet excepto uno Secretario Ophanasio Wiazieski, scire potuit, nam haec omnia tam caute et callide peragebantur, ut inopinati et undequaque inclusi Novogrodenses citius opprimerentur, et nusquam evadere possint. Cumque jam a Novogrodia magna quasi per medium miliaris cum exercitu abesset, tum demum miseri Novogrodenses diem judicii sibi imminere cognoverunt, etenim satellites emissarii equitesque tractum Novogrodensem igne et ferro hostiliter vastabant, omnes homines cujuscunque conditionis fuerint, nobiles et plebejos caedebant, ingulabant, membratimque dissecabant. Insuper jumenta omnia, vicos et pagos flamma absumebant, satellites etiam praesidiarii, qui viarum transitus ubique custodiebant, neminem post Principem transire (quamvis servum ipsius proprium) sinebant, sed

заменить господина) и бичевать его до тех пор, пока не укажет сокровища своего господина; иногда же сам господин, пожалев невинно истязаемого слугу, отсчитывает за него столько денег, сколько прикажет великий князь. Случилось однажды, что возница упомянутого Михаила встретился на дороге с возницей великого князя; оба тут затеяли ссору и от брани перешли к драке. При этом возница великого князя пострадал больше и кинулся к маршалку, или дворцовому управляющему, жалуясь, что его избил кучер тестя великого князя. Дворцовый управляющий донес о случившемся великому князю, и тот, услышав об этом, тотчас послал своих приспешников в дом тестя для наказания виновных. Он велел им трех лучших его слуг повесить в дверях на веревках. Так и висели эти слуги, и все, кто хотел выйти из дома или войти в дом, должны были две недели проходить под трупами, пока их не убрали, по приказанию государя.

**О ЖЕСТОКОМ ТИРАНСТВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО,
которое он совершил в 1569 году по Рождестве Христовом в
Новгороде Великом, Пскове, Твери и Нарве⁸⁴**

В 1569 году по Рождестве Христовом государь Московии узнал, что новгородцы, псковичи и тверяки питают некоторое расположение к королю польскому и великому князю литовскому. Тотчас он стал раздумывать, как им отомстить, и для того, чтобы захватить их неожиданно и врасплох, он прежде всего поступил следующим образом. Всем людям обоего пола, как мужчинам, так и женщинам, как старикам, так и детям, он запретил под страхом смертной казни ходить и ездить по дороге, ведущей из Московии в Новгород Великий. Потом, снарядив многочисленное войско, он выступил из своего дворца в Александровой слободе⁸⁵, чтобы отомстить новгородцам и уничтожить их до основания. Семьсот дозорных приспешников он послал впереди, столько же сзади и со всех сторон: они выслеживали всех, шедших по запрещенной дороге, и кого находили, изрубали топорами вместе с лошадьми, повозками и всем прочим, так что ни из Новгорода в Московию, ни из Московии в Новгород никто не мог попасть живым, и никто не мог узнать намерения государя и куда он метит, кроме одного секретаря Афанасия Вяземского. Все это делалось так осторожно и хитро, чтобы застать новгородцев врасплох и чтобы они никуда не смогли ускользнуть. И только тогда, когда он со своим войском был в полумиле от Новгорода Великого, поняли несчастные новгородцы, что настал для них судный день: ведь царевы приспешники, эмиссары и всадники жестоко опустошали новгородский тракт огнем и мечем, всех людей, какого бы состояния они ни были, знать и простонародье, резали, вешали и рассекали на части. Сверх того, они истребляли весь вьючный скот, деревни и села они предавали огню; дозорные же приспешники, которые стерегли проезд по дорогам, никому не позволяли пройти после государя (даже собственному его слуге), но всех, кто ни попадался, изрубали. Ведь великий князь боялся заговора и козней против себя со стороны своих подданных, бояр и дворян. Наконец, в самый Новгород Великий

omnes quoscunque offenderint, membratim dissecant. Verebatur enim magnus Dux subditorem suorum, nobilium et magnatum quorundam erga se conspiracy et insidias. Tandem in ipsam Novogrodiam magnam, satellitorum, aliquot millia, cum equitibus Tartaris praemisit, ad spoliandos et depraedandos omnibus bonis cives, quos ipse statim cum toto exercitu secutus est, et omnes obvios trucidare, membratimque dissecare, equis proterere, lanceis induere jussit. Ipse quoque manu propria cum filio natu majore plurimos lancea transfigebat. Postea duas vastas areas septis ligneis circumdare, et trabibus obstruere, illicque omnes cives praestantiores vinctos cogere et implere fecit, quos ipse cum filio hastis tam diu crudeliter, equis calcaribus adactis, magno impetu transfigebat, et trucidabat, donec uterque anbelans defatigaretur. Tandem ad satellites circumstantes, fremebundus dixit: Irruite in hos perfidos, secate, dissecate, trucidate, neminemque vivum relinquite. Illi confestim dicto ocius in eam multitudinem civium victorum turmatim stantem, impetu facto, omnes ad unum membratim dissecarunt, et in aquas projecerunt. Deinde aliquot centena hominum in flumen gelu concretum, quod mediam civitatem interfuit, implere, glaciemque in circuitu eorum circumcidere jussit, qui omnes glacie circumcisa fundum petente, aquis immersi et obruti sunt.

Tantam igitur in Novogrodia magna civitate celebri, et totius Russiae primaria magnus Dux tyrannidem perpetravit, ut 2770 civium, excepto paupere vulgo, sexuque femineo trucidati, et aquis obruti fuerint. Monasteria quoque in toto Novogrodiensi tractu 175 spoliare, depraedare, quaedam hostiliter flammis comburere, monachosque trucidare, et aquis obruere fecit. Vestimenta sericea, et id genus ornamentorum civilium satellitibus in praedam concessit, auro et argento (cujus ineffabile pondus de Ecclesiis et mercatorum thesauris compilavit) sibi relicto, domos etiam civium spoliatas diripere, evertere, et destruere fecit. Tantaque damna mercatoribus, caeterisque civibus in hac celebri urbe edidit, ut nequaquam resarciri, et justa computatione aestimari possint. Cerae quoque innumerabiles massas ab annis viginti plusve apud mercatores repositas in flammis projicere, et in nihilum convertere jussit; cera enim Novogrodenis, pellesque ferarum, praecipuae merces erant. Cumque praedictam civitatem funditus jam devastasset, et totum fere tractum ejus crudeliter depopulasset, quingentos equites in Nerviam civitatem Livoniae finitimam, ubi Novogardenses merces suas deponere solebant, destinavit, et per totam civitatem proclamare jussit, ne aliquis merces Novogrodenis sub poena capitis et omnium bonorum privatione emere, aut sibi quolibet modo appropriare audeat. Omnes vero cives Nerviensis, qui a Novogrodenis aliquid mercium clancularie emerunt, membratim dissecati, et in lacum projecti, possessiones vero eorum una cum domi igne combustae sunt. Pauperes etiam omnes et mendicos, qui prae nimia fame (tunc temporis grassante) caesorum cadavera coquebant et manducabant, illi satellites jussu Principis trucidaverunt, trucidatosque in profluentem abjecerunt, et omnes merces Novogrodenis varii generis, quas illic repositas invenerunt, in unum locum congestas succenderunt.

он послал вперед несколько тысяч приспешников с татарской конницей для того, чтобы они грабили и отнимали у горожан все имущество, а сам пошел вперед со всем войском и приказал всех встречных убивать, рубить на части, топтать лошадьми, вешать. Сам он вместе со старшим сыном очень многих собственноручно пронзил копьем. Потом он приказал огородить деревянным забором с бревнами две обширные площади и заполнить их закованными именитыми гражданами. Там, вместе с сыном, он колол их и рубил, наскакивая на лошадях, подгоняемых шпорами, до тех пор, пока оба не изнемогли, запыхавшись. Наконец, он с негодованием сказал собравшимся вокруг приспешникам: «Наваливайтесь на этих вероломных, секите их, рассекайте, уничтожайте и никого не оставляйте в живых». Те тотчас, в мгновение ока бросились на эту толпу связанных горожан, всех до единого порубили и бросили в воду. Потом несколькими сотням человек он приказал выйти на замерзшую реку, которая протекает через город, и обрубить вокруг них лед. Обрубленный лед устремился на дно, и они все потонули в воде.

Такую вот расправу учинил великий князь в знаменитом Новгороде Великом, первом во всей России городе: две тысячи семьсот семьдесят горожан, не считая бедного люда и женского пола, было уничтожено и потоплено⁸⁶. Он приказал также разграбить сто семьдесят пять монастырей в Новгородской области, некоторые безжалостно предать огню, монахов перебить и утопить. Он отдал в качестве добычи своим приспешникам шелковые одежды горожан и прочие их уборы, а золото и серебро забрал себе (огромное его количество он добыл, разграбив церкви и сокровища купцов), кроме того, приказал дочиста разграбить дома горожан, изломать их и разрушить. Такие убытки он причинил купцам и прочим гражданам этого знаменитого города, что их невозможно возместить и правильно исчислить. Он также приказал бросить в огонь и превратить в ничто огромные массы воска, которые лежали у купцов лет по двадцати и более; а ведь воск и звериные шкуры были для новгородцев главным товаром. И когда он почти совершенно опустошил упомянутый город и разграбил почти всю его округу, он отправил пятьсот конников в пограничный с Ливонией город Нарву, где новгородцы обычно складывали свои товары. Он приказал объявить по всему городу, чтобы никто не смел под страхом смертной казни и конфискации всего имущества ни покупать, ни присваивать новгородские товары. Все же нарвские жители, которые тайно купили у новгородцев хоть какие-нибудь товары, были изрублены и брошены в озеро, а их владения вместе с домами были сожжены. Бедняков же и нищих, которые из-за страшного голода (усилившегося в то время) варили и ели трупы убитых, приспешники, по приказанию государя, убили и утопили убитых в реке, а все товары разного рода, принадлежавшие новгородцам, которые разыскали, снесли в одно место и сожгли.

ARCHIEPISCOPO NOVOGRODENSIS QUID CONTIGERIT

Ita cum crudeliter Moscorum Princeps Novogrodiam magnam vastaret, ab Archiepiscopo ejusdem civitatis (qui Ruthenico idiomate Wladika dicitur) ad cibum capiendum invitatus est. Ille nulla excusatione interjecta, hora prandendi statuta in aedes Archiepiscopi satellitum armata manu stipatus venit. Inter prandendum autem Ecclesiam S. Sophiae, auri et argenti ditissimam (ad quam omnes fere cives thesauros suos, quasi in locum tutissimum comportarant) spoliare et funditus depraedare jussit. Postea prandio peracto, Archiepiscopum (a quo ad cibum capiendum invitatus erat) omnibus ornamentis, vestibusque Archiepiscopalibus denudavit, dicens: minime tibi convenit Archiepiscopum esse, sed potius tibicinem et utricularium, ursorumque ad choreas peritorum, ductorem. Ideo melius tibi est uxorem ducere, quam ego tibi delegi. Caeteris autem abbatibus, et monasteriorum Prioribus, qui prandio intererant, dixit, vos omnes ad nuptias Archiepiscopi vestri celebrandas invito, sed ut etiam ad hujus convivii necessaria comparanda singuli symbola daretis oportet. Omnes igitur Abbates Prioeresque imperatam et praescriptam summam pecuniae magno Duci numerare coacti sint, ut ad minimum nummulum omnes penitus spoliati et excoriati fuerint, metu etenim tormentorum territi, omne argentum quantum quisque habebat Principis impulsu exhibuerunt. Cum igitur ab eis haec symbola exegisset, minisque et tormentis extorsisset, equam albam praegnantem adducere jussit, eamque Archiepiscopo digito indicans dixit: En uxorem habes suam, ascende super illam, et in Moscoviam proficiscere, illicque te in numerum sive contubernium tibinarum et citharaedorum, qui ursos saltatrices ducunt inscribere da. Ille miser invitatus super equam praegnantem viloso panno vestitus ascendere compulsus est, jamque desuper sedenti jussu Principis pedes sub ventrem equae alligati sunt, deinde ipse magnus Dux instrumenta musices, videlicet lyram, fistulam, tibiam, et citharam illi Archiepiscopo jam sic equae insidenti porrexit, dicens: En habes artificii tui instrumenta, plus enim tibi citharistae quam archiepiscopatus officium aridet. Iam igitur haec in stramenta musices exerce, et ad contubernium citharistarum in Moscoviam proficiscere, qui per totam civitatem in equa pedibus subtus alligatis sedens, utricularios inflare, stridentibusque et discrepantibus fistulis (nunquam licet in hoc genere musicis exercitatus) miserum perstrepere carmen compulsus est. Hoc igitur modo praedictus Antistes Novogrodensis archiepiscopatus dignitate spoliatus, exutus, omnibusque bonis privatus, et nefanda ignominia turpiter affectus extitit.

His peractis Monachos, Abbatesque, et priores monasteriorum, caeterosque ecclesiasticos omnibus bonis spoliatos, vario mortis genere trucidare, securibus dissecare, lanceisque induere, et aquis obruere fecit. Postea quendam magni nominis virum Theodorum Sirconii dictum captum, ad se in castra medio miliari a Novogrodia sita adducere jussit, eumque fune longo per medium alligare, et in fluvium Volchow dictum demergere fecit. Cumque jam aquis pene obrueretur, rursus extractus est, extractumque

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЕПИСКОПОМ НОВГОРОДСКИМ

Когда государь Московии столь жестоко расправился с Новгородом Великим, его пригласил откусать архиепископ этого города (по-русски его называют владыкой). В час, назначенный для трапезы, он весьма бесцеремонно пришел, окруженный отрядом вооруженных приспешников⁸⁷. Во время трапезы он приказал совершенно разграбить храм св. Софии, в котором была масса золота и серебра (в него почти все граждане сносили свои богатства как в наиболее безопасное место). Затем, когда трапеза была закончена, он содрал с архиепископа (который пригласил его откусать) все украшения и епископское облачение, говоря: «Менее всего надлежит тебе быть архиепископом, но, скорее, флейтистом или волынщиком, а также вожаком медведей, обученных пляскам. Для этого лучше тебе взять жену, которую я тебе выбрал». Прочим же священникам и настоятелям монастырей, которые принимали участие в трапезе, он сказал: «Вас всех я приглашаю на свадебное торжество нашего архиепископа, но нужно, чтобы вы внесли необходимую сумму денег для подготовки к этому пиру». Все священники и настоятели были вынуждены отсчитать великому князю предписанную сумму, чтобы не быть совершенно ограбленным до мельчайшей монетки; под страхом пыток они отдали по настоянию государя все серебро, кто сколько имел. И вот, когда он выколотил из них и вымучил угрозами и пытками эти взносы, он велел привести жеребую белую кобылу и, указывая на нее архиепископу пальцем, сказал: «Ну, вот тебе жена, садись на нее и отправляйся в Московию, а там зачисляйся в труппу флейтистов и гитаристов, которые водят пляшущих медведей». Этот несчастный нехотя был вынужден взгромоздиться на брюхатую кобылу, одетый в рваные лохмотья, а когда он сел верхом, то, по приказанию государя, ему связали ноги под брюхом лошади; затем сам великий князь сунул этому архиепископу инструменты, вероятно, лиру, флейту, дудку и гитару, говоря: «Ну, вот, у тебя есть инструменты твоего искусства, ведь тебе больше улыбается должность гитариста, чем архиепископа. Итак, упражняйся на этих музыкальных инструментах и отправляйся в труппу гитаристов в Московию». И тот был вынужден, сидя на кобыле со связанными под ее брюхом ногами, ехать по всему городу и дуть в волынку и пытаться наиграть песню на пронзительно свистящих дудках (никогда раньше не учившись подобной музыке). Таким вот образом упомянутому архиепископу Новгородскому, лишенному сана, ограбленному, потерявшему все свое добро, было нанесено неслыханное бесчестие и позор.

Совершив это, он приказал монахов, игуменов, настоятелей монастырей и прочих церковнослужителей, лишенных всего имущества, предать смерти различными способами: изрубить топорами, заколоть пиками, утопить. После этого, схватив некоего знатного мужа по имени Федор Сырков⁸⁸ он приказал привести к себе в лагерь, расположенный в полумиле от Новгорода; тут он велел обвязать его поперек туловища длинной веревкой и бросить в реку Волхов. Когда он уже почти

ipse magnus Dux interrogavit, dicens: Dic mihi, quid in fundo hujus fluvii vidisti? At ille respondit: Omnes daemones, magne Dux qui in hoc flumine et in lacubus Ladoga, Sladoga, Warminaque degunt, ad tuam animam eripiendam, et in Tartaro demergendam congregatos vidi. Ad haec magnus Dux, recte inquisti, ait, ego vero pro hujus visionis declaratione et expositione gratiam tibi praestabo. Confestum igitur eum arripere, et pedes in aheni aqua bulliente repleto, genuatenus coquere jussit, tamdiu donec omnem thesaurum indicaret, erat enim auri et argenti ditissimus, duodecimque monasteria suo sumpto fundaverat et erexerat. Cum vero sic crudeliter absque ulla misericordia concoqueretur, triginta millia florenorum monetae argenteae indicavit. Tandem cum fratre Alexio, jussu Principis membratim dissecatus, et in proximum fluvium injectus est.

Haec insigni urbe antiquissima, et celeberrima omnium civitatum Russiae crudeliter devastata ad Pskoviam civitatem amplissimam, Novogrodiae haud dissimilem, eodem modo hostiliter depopulandam profectus est. Cumque jam civitati armato cum exercitu appropinquasset, cives extrema sibi imminere videntes, singuli mensas unusquisque ante aedes suas adornaverunt, salque et panem super posuerunt. Nam apud Moscos pane gratia, sale vero amor significatur. His itaque dispositis, obviam magno Duci exeuntes, ad panem cum sale comedendum humiliter cum (ut gentis mos est) invitarunt, dicentes: Magne Rex et Dux celeberrime, Domine noster, nos servuli tui fideles, humilibus et submissis votis, te ad panem cum sale comedendum invitamus, nobisque omnibus et bonis nostris universis secundum placitum utere; nam omnia bona, quae possidemus non nostra, sed tua pariter nobiscum sunt. Hac igitur humili Pskoviensium oblatione nonnihil sedatus placatusque extitit, morti destinatis pepercit. Sed cives mercatoresque ditiores auro et argento depraedavit, Monachos etiam quosdam trucidare, membratim dissecare, aquis obruere, et duas basilicas praecipuas thesauri ditissimas spoliavit, denique campanas de omnibus Ecclesiis abduxit.

His in Pskovia exactis in Tweriam civitatem insignem olim Ducum Twerensium sedem profectus, tantam in ea tyrannidem, quantam in Novogrodia magna exercuit, incolas trucidavit, aquis obruit, bonisque omnibus mobilibus et immobilibus spoliavit. Divorum templa auro et argento depraedavit, Lithuanos etiam et Ruthenos numero quingentos, qui in Poloczka arce capti in carceribus ibidem detinebantur, omnes jugulare trucidareque fecit. Tartarorum quoque decemnovem magnates in bello captos, et in eadem civitate carceribus detentos trucidare jussit, ad idque exequendum praefectum satellitum Malutam Scuratow dictum destinavit. Tartari vero re animadversa, cum nihil aliud, nisi praesens ante oculos exitium, et miserabile mortis genus conspicerent, in desperationem adacti inter se obstinate et firmiter statuerunt, sese pariter, quoad possint, defendere, cultellos itaque in manicis absconditos singuli habebant, et cum praedictus Maluta cum caeteris satellitibus in eos cum impetu irrueret, Tartari

захлебнулся, его вытащили обратно, и великий князь задал ему такой вопрос: «Скажи мне, что ты видел на дне реки?» Тот ответил: «Я видел, как все демоны, великий князь, которые живут в этой реке и в озерах Ладоге, Сладоге и Вармине, собрались, чтобы похитить твою душу и увлечь ее в Тартар». На это великий князь возразил: «Верно ты сказал, я отблагодарю тебя за то, что ты не утаил от меня это видение». И тотчас он приказал схватить его и погрузить его ноги до колен в медный котел с кипящей водой и варить до тех пор, пока не укажет все свои сокровища; а был он очень богат и за свой счет основал и построил двенадцать монастырей. И так как он варился столь жестоко и без всякого милосердия, то указал он тридцать тысяч флоринов серебряной монетою. Наконец, по приказанию государя, он был вместе с братом Алексеем расчленен и брошен в ближайшую реку.

Жестоко разорив вконец этот замечательный город, древнейший и известнейший во всей России, он отправился к обширнейшему городу Пскову, до известной степени похожему на Новгород, чтобы так же по-вражески расправиться с ним. Когда он приблизился к городу с вооруженным войском, горожане, видя, что им угрожает крайняя опасность, все до единого накрыли перед своими домами столы и положили на них соль и хлеб. Ведь у Московитов обозначается хлебом благодарность, а солью — любовь. Приготовившись таким образом, они вышли навстречу великому князю и униженно пригласили его отведать хлеба-соли (как это в обычае у народа), говоря: «Великий царь и досточтимый князь, господин наш! Мы, твои верные рабы, униженно и покорно молим и приглашаем отведать хлеба-соли; располагай всеми нами и всем добром нашим по своей воле; ведь все добро, которым мы владеем, не наше, но твое, наравне с нами». Несколько умиротворенный этим униженным приношением псковичей, он пощадил обреченных на смерть. Но у горожан и купцов побогаче он отнял золото и серебро, а некоторых монахов приказал убить, рассечь на части, потопить; две знаменитые богатые церкви разграбил; наконец, со всех церквей снял колокола.

Совершив это во Пскове, он отправился в знаменитый город Тверь, некогда местопребывание тверских князей. Там он учинил такое же тиранство, как и в Новгороде Великом: поубивал и потопил горожан, похитил все их движимое и недвижимое имущество. Храмы Божии он лишил золота и серебра; пятьсот литовцев и русских, которые были взяты в плен в крепости Полоцке и там же содержались в тюрьмах, он приказал удушить и перебить⁸⁹. Девятнадцать военнопленных татарских вельмож, содержавшихся в том же городе в тюрьме, он приказал убить и для выполнения этого назначил начальником своего приспешника Малюту Скуратова⁹⁰. Татары же, узнав об этом и не ожидая ничего другого, кроме стоящей перед глазами гибели и жалкой смерти, пришли в отчаяние и твердо решили между собой защищаться, пока смогут. У каждого был скрытый в рукаве ножик. Когда вышеупомянутый Малюта ворвался к ним с прочими приспешниками, татары единодушно, как рычащие львы, начали энергично защищаться, и каждый

unanimiter ut leones rugientes strenue sese defendere coeperunt, unusquisque eorum Ducem satellitorum Malutam cultello appetiit, ventremque ei, quamvis lorica indute, ad intestinorum usque profluum transfodit. Dum sic res atrociter Tartaris sese obstinate defendentibus agitur, ex satellitibus quatuor desiderati ceciderunt, vicemque enormiter vulnerati, caeterique fugati re infecta discesserunt. Cumque magno Duci processus rei nunciaretur, statim quingentos Scloppetarios cum bombardis et arcubus in subsidium illis satellitibus, contra decemnovem Tartaros misit, sicque undique circumventi sagittis, bombardarumque glandibus confecti, et membratim dissecati, in profluentem abjecti sunt.

DE TYRANNIDE QUAM SUPER

intimum secretarium consiliariumque suum magnus Dux exercuit

Cum proposuerat magnus Dux has supradictas civitates funditus devastare, tum id tam caute, callide et occulte peragebat, ut propositum suum nemini, nisi cuidam Ophanasio Wiazieski (quem unice diligebat) revelaverit, et aliquando bis per noctem de lectulo surgens, ad praedictum Ophanasium consultandi disceptandique de progressu rei gratia, ambulare non gravabatur, et quamvis etiam Italum Arnolphum Doctorem medicinae singulari gratia prosequeretur, attamen nunquam nisi per manus hujus Ophanasii medicinas sumebat, eumque pro unico alumno habebat. Hic autem Ophanasius Hreorum quendam Lowczik dictum, magno Duci commendaverat, et jam in gratia apud magnum Ducem habebatur. Qui beneficii ingratus praedictum Ophanasium benefactorem suum, ad magnum Ducem per contumeliam criminaliter detulit, quasi ille arcanum sibi creditum de vastandis Novogrodensibus et Twerensibus quibusdam revelasset. Cujus falsis dictis magnus Dux persuasus fidem adhibuit, sed non statim se accusato iratum exhibuit; sub praetextu enim pristinae gratiae et amicitiae seorsim cum eo arcana consilia, ut solitus erat, variis de rebus conferebat, aliud simulando fingendoque, aliud animo occultando, malumque et exitium ei sub dola amoris specie machinando. Postea quadam die magnus Dux cum praedicto Ophanasio simili modo consilia confers, satellitibus suis servos ejus praecipuos interea trucidare jussit, quod et factum est, egressusque ille Ophanasius a magno Duce, servos suos misere trucidatos videns, quasi non videret oculis aversis praeteriit. Deinde jussu Principis bonis omnibus spoliatus, et funditus depraedatus, ex familiaque ejus decemseptem viri insigniores occisi sunt. Ipsum autem magnus Dux bonis omnibus spoliatum, in locum publicum ubi debitores baculis caeduntur (prout gentis mos est) ducere jussit, et tamdiu crudeliter verberare, donec omne argentum et aurum, quo adhuc secreto reconditum habuit indicare compulsus fuerit, nihilominus tamen qualibet die bis terve per crura baculis crudeliter verberabatur, jamque cutis in eo prae duris verberibus, perinde ut tympana intumescebat, attamen adhuc eo gravius torquebatur, donec tormentis crudelissimis eo adactus esset, ut contumelia aliquot cives Moscovienses, quos ditiores sciebat, afficeret, quasi sibi

из них кинулся на предводителя приспешников Малюту с ножом. Хотя он был в кольчуге, они пропороли ему живот, так что вытекли внутренности. Татары, защищаясь, так ожесточенно сражались, что четверо из приспешников пали от страшных ран, а прочие отступили, не сделав дела. Когда великому князю донесли об этом событии, он тотчас послал пятьсот стрелков с пищальями и луками на помощь этим приспешникам против девятнадцати татар. Они были со всех сторон осыпаны стрелами и прикончены пулями из пищалей, и потом рассечены на части и брошены в реку.

О ТИРАНИИ, КОТОРУЮ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ учинил над своим ближайшим секретарем и советником

Когда великий князь решил до основания разграбить упомянутые выше города, то он повел это так осторожно, хитро и тайно, что решение свое не открыл никому, кроме некоего Афанасия Вяземского (которого очень любил). Иногда он дважды поднимался ночью с постели и не тяготился пойти к названному Афанасию для совета и обсуждения хода дела. Хотя итальянский доктор медицины Арнольф пользовался его исключительным расположением, но он никогда не принимал лекарств иначе, как из рук этого Афанасия, и считал его исключительным своим приверженцем. Этот Афанасий рекомендовал великому князю некоего Григория по прозвищу Ловчик, и тот вошел в милость у великого князя. Забыв о благодеяниях, он ложно донес великому князю на своего благодетеля, вышеназванного Афанасия, будто бы он открыл кое-кому доверенную ему тайну о разорении новгородцев и тверяков. Убежденный ложными наветами, великий князь дал им веру, но не сразу выдал свой гнев обвиненному; под маской прежней милости и дружбы, он, как обычно, проводил с ним тайные совещания о различных делах, то притворяясь, то кривя душой, и замышлял для него зло и гибель под личиной любви. Затем, в какой-то день, великий князь, совещаясь подобным образом с вышеназванным Афанасием, приказал между тем своим приспешникам перебить его лучших слуг, что и было сделано. Этот Афанасий, выйдя от великого князя и увидев перебитыми своих несчастных слуг, прошел мимо, отведя глаза, как будто бы не видя этого. Потом, по приказанию государя, он был лишен всего имущества и дочиста ограблен, а семнадцать лучших мужчин из его семьи были убиты. Его же самого, лишенного всего имущества, великий князь приказал отвести в публичное место, где должников (по местному обычаю) избивают палками, и жестоко истязать до тех пор, пока тот не был вынужден указать все серебро и золото, которые до этого прятал. Тем не менее его всякий день по два-три раза жестоко били палками по ногам, так что кожа на них от тяжелых истязаний стала вздуваться пузырями. Наконец, жесточайшими пытками он был доведен до того, что наговорил на нескольких московских жителей, которые, как он знал, были побогаче, будто бы они должны ему большую сумму

magnam summam pecuniarum debiti fuerint, et quantam apud aliquem summam pecuniarum indicavit, tantam illi Principi numerare et rependere (quamvis nihil debiti, sed per contumeliam accusati) compulsi sunt. Neque hac quidem effera tyrannide, tantaque summae argenti a nihil debentibus exactione sibi temperavit, ut explendae crudelitati satisfecerit, sed ipsum adhuc eo crudelius torquere jussit, crura pedum baculis tondendo, donec prae nimis verberibus spiritum exhalaret. Postea servos ejus reliquos (quibusdam fuga dilapsis) trucidavit, virgines quoque uxoris ejus pedisse-
 quas, quadragenas numero, quae acu pingere peritissime, filoque aureo intexere, et opus Phrygianum conficere noverant: ex quibus forma praestantiores et pulchriores selegit ad suam explendam libidinem.

**MAGNUS DUX SEX PRAESTANTES VIROS
 propter lorica inauratam crudelissime necari jussit**

Cum Timotheus Masalski Lithuanus nobilis illustri genere natus, captus in bello, tetro diurnoque carcere detineretur a magno Duce, et idem magnus Dux jussisset crudeliter tolli e medio Palatinum urbis Moscoviae Joannem Piotrovicium, ut supra dictum est, tum quidam ex famulis Palatini animadvertens fortunas domini sui, et bona omnia misere perdi ac diripi, neve omnia perirent, et nihil haberet, occulte accepit elegantem lorica inauratam, eamque sociis suis servandam tradidit, qui eodem in carcere erant, ubi et Timotheus Masalski. Postea factum est ut illi eam oppignerarint Timoteo, qui eam servandam dedit famulo, is autem liber erat, et suo domino in vinculis serviebat. Itaque famulus, dum defert lorica in hospitium suum, incidit in vigiles, capitur et statim offertur praefecto carceris, qui cum videret esse pretiosam lorica, illam sibi vindicavit et occultavit. Erant autem et in eodem carcere duo ex sagittariis sclopetariisve magni Ducis, qui istud viderant. Quare consiliariis Principis hanc rem detegunt et referunt praefectum carceris, seu commentariensem, accepisse lorica inauratam a Timotheo Masalski, quae olim fuerat Joannis Piotrovicii Palatini Moscoviae, hanc occultasse, penesque se habere, e vestigio consiliarii rem totam deferunt magno Duci, qui confestim jubet extrahi e carceribus Timotheum Masalski et ante se sisti, sic et Commentariensem, et illos duos Moscovitas, qui pignori illi dederant hanc lorica. At denique illos duos sclopetarios, qui istud detexerant, tum ibi omnes jussu Ducis immanissime torquebantur, et tandem enecati sunt, quatuor quidem illorum aquis submersi. Ipse autem Timotheus Masalski, et Commentariensis simul vincti in urbem Moscoviam missi sunt, ibique die Sabbati in vigilia festi diei Pascati, ambo sunt publice capite truncati, et in aquas conjecti. Sic ob hanc lorica sex supplicio affecti, et e medio sublati.

денег. И каждый из них должен был отсчитать и уплатить государю ту сумму, которую тот назвал (хотя они ничего не были должны, а только ложно обвинены). И даже такой дикой тиранией и требованием такого количества серебра от тех, кто ничего не должен, он не смягчился и не умерил свою жестокость, но самого Афанасия приказал мучить еще ожесточеннее, отбивая палками ноги, пока тот не испустил дух от чрезмерных побоев⁹¹. После этого он перебил его оставшихся слуг (некоторые бежали), а служанок его жены, числом сорок, которые превосходно умели вышивать, ткать золотой нитью и знали фригийское ремесло, взял к себе; тех же из них, которые были представительнее и красивее, он отобрал для удовлетворения своей похоти.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПРИКАЗАЛ БЕЗЖАЛОСТНО УМЕРТВИТЬ шестерых выдающихся мужей за позолоченную кольчугу

Когда знатный литовец Тимофей Масальский, взятый в плен на войне, долгое время содержался великим князем в отвратительной тюрьме и тот же великий князь приказал безжалостно уничтожить воеводу Московии Ивана Петровича, как выше было сказано, тогда кто-то из слуг воеводы, узнав о судьбе своего господина и о том, что все его имущество жалко погибло и разграблено, для того, чтобы не погибло все окончательно и чтобы не лишиться всего, тайком взял красивую позолоченную кольчугу и передал ее на хранение своим товарищам, сидевшим в той же тюрьме, где и Тимофей Масальский. Потом случилось так, что они заложили ее Тимофею, а тот отдал ее на сохранение слуге, который был свободен и прислуживал своему заключенному господину. Так вот, этот раб, неся кольчугу, натывается на стражу, его хватают и тотчас препровождают к начальнику тюрьмы; когда тот увидел драгоценную кольчугу, он забрал ее к себе и спрятал. Но были в той же тюрьме двое из лучников или стрелков великого князя, которые видели это. Поэтому они объявляют об этом советникам государя и доносят, что начальник тюрьмы или смотритель забрал у Тимофея Масальского позолоченную кольчугу, которая раньше принадлежала воеводе Московии Ивану Петровичу, скрыл ее и держит у себя; незамедлительно советники доносят обо всем великому князю, который тотчас приказывает извлечь из тюрьмы Тимофея Масальского и доставить к себе, а также смотрителя тюрьмы и тех двух московитов, которые отдали эту кольчугу в заклад первому, и, наконец, тех двух стрелков, которые это объявили. Потом их всех жесточайшим образом пытали там и, наконец, умертвили; четверо из них были утоплены. Сам же Тимофей Масальский и смотритель были вместе, в оковах, доставлены в город Московию и там в субботний день перед праздником Пасхи оба были публично обезглавлены и брошены в воду. Так из-за этой кольчуги шесть человек были казнены и погибли.

QUID ACCIDERIT ISTIS,

qui inquirere voluerunt, quidnam ageret magnus Dux

Quidam secretarius magni Ducis sanguine ipsi junctus, semel ad epulas invitarat aliquot aulicos sibi familiares, quos sane splendide ac laute excipiebat: oblitus est autem, dum ita hilaris esset inter amicos (sicut saepius evenire solet) adire Principem magnum Ducem: misit unum ex suis pueris in palatium Principis, qui prospiceret, quidnam ageretur in basilica apud magnum Ducem. Puer autem cum ascenderet per gradus palatii, vidit magnum Ducem, alloquentem quendam consiliarium, quo conspecto famulus revertitur domum, ad herum id ei relatum. Deinde vero cum magnus Dux amandasset illum consiliarium, cum quo conferebat, interrogavit cujusnam famulus venisset in aulam, et quam ob causam. Evocatur ille famulus ex itinere, et respondet, se eo missum, visum quidnam ageretur in palatio magni Ducis: derepente Princeps, ubi causam intellexisset, retinuit penes se famulum, et accersi jubet tam ipsum secretarium, quam ejus convivas: qui ubi venissent, variis tormentis discrucari jussit eos, volens ab illis extorquere, cur misissent famulum in regiam, percunctatum de eo: curve ad tam splendidum convenissent convivium, pariter rescire cupiebat, quos de ipso sermones secretos tenerent. Itaque excruciatii tam diris tormentis alii expirarunt, alios vero facultatibus exutos omnibus, semimortuos reliquit. Itaque ab illo tempore, et tam atroci ac tristi facinore nemo ausus est mittere aliquem famulum, visum quid agatur in palatio Principis: immo potius hora statuta ipsi consiliarii penitus adsunt, et proceres praesentes veniunt.

Quidam etiam Wlodimirus Morozow cognominatus, vir celebritate famae insignis et maturae aetatis, gravitateque plenus Palatinus, semel quadam misericordia motus condere fecit humi miserum hominem, qui magni Ducis imperio interfectus fuerat. Is autem homo fuerat famulus Ducis Curpiski, qui ad Regem Poloniae defecerat. Hanc itaque ob causam magnus Dux arguebat hunc Wlodimirum perfidiae, ac si a partibus fugitivi Curpiski staret, et in Lithuaniam ad ipsum litteras dedisset. Itaque subito coniectus est in carceres, ubi cum longissimo temporis intervallo haesisset, extractus et oblatus et magno Duci, cum esset in suo palatio et aula regia, Alexandrowa dicta, discruciatuque est maximis tormentis, cum ab eo nihil extorquere potuissent, tandem mortuus, et cadaver in aquas coniectum est.

Basilium Dimitrovicius, vir summus et celebris in re militari, affecerat injuriis aliquot praefectos tormentorum bellicorum, cum Moscovitas, tum et Germanos: quorum duo cum vellent fuga sibi consulere, capti sunt a viarum custodibus in finibus Lithuaniae, illi statim deducti sunt ad magnum Ducem, qui tum erat in arce fortissima, vulgo Wolochda appellata, et miseri illi quaestionibus adhibiti, fassi sunt, at falso, quod scilicet missi fuissent in Lithuaniam a suo illo praefecto Basilio. Itaque magnus Dux Basilium Dimitrovicium ad se accersit ex ipsa Moscovia, variisque

**ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТЕМИ,
которые захотели узнать, что делает великий князь**

Некий секретарь великого князя, его кровный родственник⁹², однажды пригласил на пир нескольких придворных, своих приятелей, и принял их, конечно, весьма пышно. Однако, веселясь с друзьями, он забыл посетить государя великого князя. И он послал одного из своих слуг во дворец государя, чтобы тот посмотрел, что делается в церкви у великого князя. Слуга, не дойдя нескольких шагов до дворца, увидел великого князя, разговаривающего с каким-то советником; заметив его, слуга поворачивает домой, чтобы доложить это хозяину. Но потом, когда великий князь отослал того советника, с которым разговаривал, он спросил, чей это слуга приходил ко двору и по какой причине. Тотчас слугу возвращают с дороги, и он отвечает, что послан посмотреть, что делается во дворце великого князя. Государь, услышав о причине, внезапно задержал слугу у себя и приказывает позвать как самого секретаря, так и его сотрапезников. Когда они явились, он приказал их пытаться по-всячески, желая вымучить ответ, зачем они послали слугу во дворец расспрашивать о нем. И зачем они собрались на такой пышный пир, и одновременно он желал узнать, какие тайные разговоры они вели о нем. В конце концов, одни умерли, замученные жестокими пытками, других же, лишив всего имущества, он оставил полумертвыми. Итак, с этого времени, после такого ужасного и печального события никто не осмеливался посылать слугу посмотреть, что делается при дворе государя; наоборот, в установленный час сами советники находятся внутри, и являются все наличные вельможи.

Также некий Владимир, прозванный Морозовым⁹³, очень известный муж зрелых лет, весьма достойный воевода, однажды из жалости велел предать земле несчастного человека, убитого по приказу великого князя. Это был слуга князя Курбского, отпавшего к королю польскому. По этой причине великий князь обвинил этого Владимира в неверности, как будто он стоит на стороне беглого Курбского и посылал ему письма в Литву. Так вот, он внезапно был брошен в тюрьму и, когда пробыл там очень долго, его извлекли и доставили к великому князю в его дворец и царский двор, называемый Александровым; тут его жестоко пытали, но ничего не могли от него добиться; наконец, он умер и труп его бросили в воду.

Василий Дмитриевич, муж знатный и известный в военном деле, причинил обиду нескольким начальникам над воинскими орудиями, как московским, так и германским⁹⁴. Когда двое из них хотели бежать, они были схвачены путевыми стражниками на границах Литвы и тотчас доставлены к великому князю, который находился в то время в мощной крепости, называемой по-местному Вологодой. Эти несчастные, привлеченные к допросам, заявили, но ложно, что были посланы в Литву их начальником Василием. Итак, великий князь вызвал к себе из самой Москвы Василия Дмитриевича и приказал всячески его пытаться. Во время пыток он упорно заявлял, что ничего не затевал с

tormentorum generibus affligi jussit: in mediis illis cruciatibus constanter fassus est, se nihil istorum molitum fuisse, de quibus accusabatur, nec istud unquam in animo habuisse. At magnus Dux repente jussit adduci quandam equam oculis captam, et jungi curru, et tum Basilius equae impositus est, eique alligatus. Deinde ambo conjici jubet in rapidissimum fluvium, utens hac oratione: En tibi equam egregiam dedi, institueras abire ad Regem Poloniae, eum adito. Haec itaque equa caecitate percussa, natabat in alto istius rapidi fluminis et velocissimi: ipse autem Dux erat spectator cum suis satellitibus stans ad ripam fluminis, ut istius rei eventum intueretur: ac post longam natationem haec misera et caeca equa adnavigabat ripae. Verum praefectus satellitum regionum, vocabatur Maluta Scuratow, ut gratificaretur magno Duci: cum conto abegit equam a ripa et sessorem: sic vi aquae rapitur iterum equa. Tum magnus Dux exultabundus inquit: O facinus egregium et valde lepidum. Quare haec misera equa defatigata, vi aquarum rapidissimarum submersa est, una cum isto Basilio Dimitrovicio.

Aliquando cum versus Novogrodiam regionem proficisceretur magnus Dux, accidit quendam equitem, famulum cujusdam magni viri forte praecessisse illum: et Dux ad latus sinistrum jubet deflectere hominem, ita percitus jussit istum frustulatim dissecari, et segmina membrorum luto et altissimo coeno misceri.

QUALI VENATIONE MAGNUS DUX PLURIMUM OBLECTETUR

Quotiescunque magnus Dux cum filio tempore hyemis respicit ex sua arce, videtque homines turmatim incedentes in lacubus et fluminibus gelu concretis ac praecipue diebus festis, tum jubet, ut in illam confertam hominum multitudinem tres aut quatuor ursi immanes immittantur, et irruant ex improvise. Ibi qui sibi fuga consulere possunt, aufugiunt: alii crudelissime a feris illis dilaniantur. Sic hoc pulcherrimo spectaculo pater et filius delectantur vehementer, et rident affatim ac si pulchrum esset facinus. Deinde cum accedit miser pater lamentatum se, quod amiserit filium, et etiam uxor maritum, qui ab ursis sic mactati sunt, tunc jubet istis numerari aureum nummum, vel duos, quia sic interfecti sint ejus subditi. Addit deinde ipse Dux, se magno beneficio afficere ipsos, quod eis permittit instituere querimoniam coram se. At si subjiciunt, rem esse infamem et nephariam hoc genus crudelitatis exercere. Iterum respondent consiliarii magni Ducis: Magnum Ducem et ejus filium magnam ex hac re voluptatem percepisse, et istud vidisse, sic nullum peccatum esse hic commissum. Ad extremum, si ad ipsum Ducem venit mater miserrima lamentando se de caede filii, aut ipsa uxor ob amissum sic inhumaniter maritum. Breviter excipiunt illi: perbene satis factum esse ipsis, ubi nummos argenteos monetae Moscoviticae centum aut ducenti numerati illis fuerint.

Saepenumero accidit, cum magnus Dux est in suo palatio Alexandrowa, et cogitat de aliquo summo viro sumere supplicium, tum delectationis causa jubet istum obvolui pelle ursi, et deinde ad spectaculum educi: tunc

теми, которые его обвиняли, и ничего на уме у него не было. Но великий князь тотчас приказал привести какую-то кобылу, лишенную глаз, и запрячь ее в телегу. Василия посадили на кобылу и привязали к ней. Потом он приказывает обоих пустить в быструю реку, говоря: «Ну, вот я дал тебе превосходную лошадь; ты решил уходить к королю польскому, вот и уходи к нему». И вот эта слепая кобыла поплыла на середину этой стремительной, бурной реки. Сам же князь был зрителем, вместе со своими приспешниками стоя на берегу реки, чтобы видеть исход дела. После долгого плавания несчастная слепая кобыла подплыла к берегу. Но командир царских приспешников по имени Малюта Скуратов, чтобы доставить удовольствие великому князю, шестом оттолкнул от берега кобылу и всадника, и она снова была увлечена силой течения. Тут великий князь в восторге закричал: «Вот замечательный и прекрасный поступок!» Но так как эта несчастная кобыла устала, то, не сумев бороться с быстрым течением, она потонула вместе с Василием Дмитриевичем.

Однажды, когда великий князь направлялся в Новгородскую область, случилось, что какой-то всадник, слуга некоего знатного мужа, случайно опередил его. И князь приказывает оттеснить этого человека к левой стороне и, разгневавшись, приказал изрубить его на кусочки и обрезки членов смешать с нечистотами и глубокой грязью.

КАКОЙ ОХОТОЙ БОЛЕЕ ВСЕГО РАЗВЛЕКАЛСЯ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Всякий раз, как великий князь с сыном в зимнее время, выглядывая из своей крепости, видит толпы людей на льду озер и рек, особенно в праздничные дни, он приказывает выпустить в густую массу людей трех или четырех огромных медведей, и они неожиданно врываются в толпу. Все, кто может обратиться в бегство, убегают, а некоторых жестоко терзают свирепые звери. Отец и сын охотно любят этим распрекраснейшим зрелищем и до упаду смеются, как если бы это был замечательный поступок⁹⁵. А потом, когда приходит несчастный отец, жалуясь, что потерял сына, а также жена, что потеряла мужа, которые были растерзаны медведями, тогда он приказывает заплатить им одну или две золотых монеты, поскольку убиты его подданные. Затем сам князь добавляет, что удостаивает их великим благодеянием, коли разрешает обращаться к себе с жалобой. Но если говорят, что это позорное и нечестивое дело — проявлять такую жестокость, то советники великого князя отвечают: «Великий князь и сын его получают большое удовольствие от этого, и в том, что они совершают, нет никакого греха». Наконец, если к самому князю приходит несчастнейшая мать, жалуясь на гибель сына, или жена — на утрату столь бесчеловечно убитого супруга, то он кратко возражает: пусть будут довольны, раз им отсчитаны сто или двести серебряных монет в московитских деньгах.

Часто случается, когда великий князь находится в своем Александровом дворце и замышляет наказать какого-нибудь знатного человека, тогда он приказывает одеть его в медвежью шкуру и вывести как на

incidat in ipsum aliquot Molossos, et canes Britannicos efferos: Canes putantes hunc indutum pelle ursina esse ursum, illum morsibus et unguibus dilacerant, et crudeliter laniant, eosque quo membratim sic discerptum relinquunt: ita inhumaniter iste vitam finit.

**DE TRUCULENTO FACINORE, ET CRUDELITATE SUMMA,
quam ille summus Dux exercuit in captivos Lithuanos,
Ruthenos, et Polonos**

Anno Domini 1569, die Januarii 9, cum Lithuani copias militum non valde magnas conscripsissent, quarum Dux et Imperator erat quidam Polubiensius strenuus vir: coeperunt inopinato urbem et arcem vulgo Izborg dictam, quae sane natura loci est satis fortis. Haec urbs jampridem parebat Moscovitis: at quia non erat bene nec milite nec annona haec arx munita, iterum recepta est a Mosco, et a nostris amissa. Magnus itaque Dux, cum videret se amisisse tam munitam arcem, statim furore et rabie quadam plenus, jubet ut omnes Lithuani, Rutheni, ac Poloni, qui erant in vinculis, crudeliter mactentur. Verum quorundam consilio, qui certas causas ei proferebant, ne id scelus committeret, factum ut hic ejus furor interciderit, nec quod impie cogitaverit, perfecit. Atque licet tunc eis pepercerit, tamen postea p̄mnes internecioni dedit, ut suo loco explicabimus. Quamobrem illi captivi, qui in ergastulis in urbe Moscovia asservabantur, ad lanienam et macellum ab eo constitutum: nihilominus tamen, quo suum sanguinolentum animum pasceret, sic ipsi placuit, ut ejus satellites passim captivos per arces in vinculis dispositos, adducerent, maxime vero eos, qui erant in carceribus, Pereslavia, Rostovia, Uchlicia, Costroma: isti autem omnes erant Poloni, Lithuani et Rutheni, una cum uxoribus et liberis, quos ad unum crudeliter perdidit, aquisque obrui jussit. Sic itaque hoc diro mandato instructi satellites magni Ducis, ad illas arces venerunt, hacque insidiosa oratione erga illos miseros vinctos usi sunt: Nunc magno beneficio magnus Dux et Imperator vos afficere cupit, et etiam Regi Poloniae hunc favorem declarabit quod vos liberos dimittet in Lithuaniam. Id circo vos deducemus ad consiliarios Principis, interea uxores et liberi vestri usque ad triduum hic vos expectabunt. Atque cum a conspectu carissimarum uxorū et liberorū abduxissent illos procul, tunc vinctos manibus pedibusque projiciebant in rapidissimum fluvium Volga appellatum. Verum exacto triduo, quidam Moscovita misertus vicem istarum mulierum frustra maritos expectantium, inquit: O miserae animae, et infelices mulieres, vos eadem sors manet, quam jam passi sunt mariti vestri, qui sunt projecti in Volgam fluvium. At cum affaretur istas mulieres homo ille, satellites interveniunt, quorum manus de caede maritorum erant adhuc cruentatae et spirantes necem, venerunt in carcerem, unde abducunt gregem illum mulierum captivarum cum liberis ad submergendum aquis. Tum illae calamitosae feminae et infortunatissimae, sibi proponentes

представление. Тут он напускает на него несколько диких молосских и британских собак. Собаки, полагая, что одетый в медвежью шкуру и есть медведь, раздирают его зубами и когтями и жестоко терзают (им позволяют разорвать его на части); так, в нечеловеческих мучениях он кончает жизнь.

**О ТЯЖКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ И ВЕЛИЧАЙШЕЙ ЖЕСТОКОСТИ,
которую совершил этот верховный князь над пленными
литвинами, русскими и поляками**

Девятого января 1569 года, после того, как литвины набрали не очень большое войско, вождем и полководцем которого был некий энергичный муж Полубенский, они внезапно захватили город и крепость, называемый по-местному Изборском (а он был достаточно хорошо укреплен самой природой)⁹⁶. Этот город уже давно подчинялся москвитам. Так как эта крепость не была достаточно укреплена воинской силой и снабжена продовольствием, то была снова взята москвитами, а нами утрачена. Итак, великий князь, видя, что он потерял столь мощную крепость, вне себя от гнева и ярости, приказывает жестоко умертвить всех литвинов, русских и поляков, которые были в тюрьме. Но после совета некоторых лиц, представивших ему определенные доводы, чтобы он не совершал этого преступления, гнев его прошел, и он не сделал того, что нечестиво замыслил. Тогда он их пощадил, но впоследствии всех предал смерти, о чем мы напишем в своем месте. Поэтому те пленные, которые содержались в городе Московии в каторжных тюрьмах, назначены им на полное растерзание. Тем не менее, чтобы насытить свою кровожадную душу, он решил, чтобы его приспешники привели пленных, разбросанных по тюрьмам в разных крепостях, больше всего тех, которые были в тюрьмах Переславля, Ростова, Углича, Костромы; все это были поляки, литовцы и русские вместе с женами и детьми. Всех до единого он безжалостно погубил и приказал бросить в воду. Так, получив это жестокое распоряжение, приспешники великого князя отправились к тем крепостям и обратились с такой коварной речью к тем несчастным пленным: «Ныне великий князь и император желает оказать вам великое благодеяние и также возвестит об этой милости королю польскому, так как отошлет вас свободными в Литву. Поэтому мы отведем вас к советникам государя, а между тем жены и дети ваши будут вас ожидать здесь три дня». И когда они увели их подальше с глаз дрожавших жен и детей, то, связанных по рукам и ногам, побросали в стремительную реку под названием Волга. Но по прошествии трех дней какой-то москвит, испытывая сострадание к несчастным женам, напрасно ожидавшим мужей, сказал им: «О жалкие души, несчастные женщины! Вас ожидает тот же жребий, который выпал уже вашим мужьям, сброшенным в реку Волгу». В то время, как этот человек разговаривал с женщинами, врываются приспешники, руки которых еще были в крови их мужей и источали смерть. Они вошли в тюрьму и вывели оттуда эту толпу пленных женщин вместе с детьми, чтобы утопить. Тогда эти несчастнейшие

ob oculos vicinam mortem adeo horrendam et terribilem, multis effusis lacrimis petunt ab istis administris Principis ut aliquid temporis concedant, quo sua peccata Deo Optimo Maximoque confiteri possint, et ejus misericordiam implerent, velitque pro sua clementia omnibus eorum erratis clementer ignoscere: id quod a satellitibus eis concessum est. Idcirco horas duas versabantur in piis orationibus et deprecationibus, ardentissimis votis petentes a Deo, ut illis pro sua divina bonitate ac clementia parceret, et ad se reciperet: ac cantatis divinis hymnis, animas suas Christo redemptori, ad supplicium mortis subeundum se parant, mutisque oculis sibi datis, mirifice se consolabantur, ut forti patientique animo omnia perferrent. Istis rebus omnibus absolutis, ducuntur ad flumen, quarum aliae liberos manu trahunt, aliae vero infantes suos uberibus admovent. Sed cum jam ad ripam rapidissimi illius fluvii venerunt: tunc pro ingenio et natura muliebri, partim ob inusitatum genus mortis in tam horrendum ejulatum, fletumque erumpunt, ut et coelum ipsum penetrarint. Satellites autem inhunamini minari eis coeperunt, urgentes eas, quo illae sua sponte se aquis traderent. A quo indigno facinore cum abhorrerent, statim illi satellites in eas impetum faciunt, et eas cum liberis in aquas illius fluvii, cujus glacies confracta erat, abjiciunt. Et sane ob tristissimi et crudelissimi istius facinoris aspectum, vulgus Moscoviarum cum non possent se continere, in lacrimas effundebatur, commiseratione summa percussus: quod tam indignissime istae insontes feminae cum liberis tam detestanda morte affectae fuissent, execrantes in universum carnificum istorum immanitatem. Quapropter cum has voces lugubres populi audirent satellites, quodque aegerrime ferrent hoc genus supplicii, tunc minis utentes ac ferientes populum baculis, abigunt, haecque verba addunt: O rebelles magni Ducis, aperte videmus, quod propter istos captivos supplicio affectos fletis, at propediem, credite, vos eadem fata sequentur.

DE FRATRICIDIO PERPETRATO A MAGNO DUCE 1570

Frater germanus magni Ducis immerito ac perfide delatus fuerat a quodam consiliario, cui nomen erat Trzeciak Wiskowati. Audita hac injusta accusatione Princeps, nullam fecit potestatem fratri falsum crimen diluendi, atque quam ingentes cruciatus excogitare potest, illos adhiberi jubet ad excarnificandum et torquendum fratrem. Dumque est in mediis cruciatibus, exegit ac extorsit ab eo omnes illius thesauros, et bona omnia tam mobilia, quam immobilia sibi vendicat, atque cum prae magnitudine tormentorum vix semivivus esset, tum jussu Principis securi illum ferit carnifex. Deinde fratrem suam, quae ante conspectum ejus procumbat in terram, facie demissa, implorans misericordiam, arripi jubet a satellitibus omnibus, vestimentis exui, et turpissime nudam constitui. Ita diutissime illa miserrima femina nuda omnium oculis exposita fuit. Deinde quidam miles jubente Principe eam funi alligat, et consensu equo, velocissimo cursu sine ulla misericordia pertrahit illam in flumen, et aquis submergit ac perdit. Sic iste magnus Dux tam astorgos et impius exitit in fratrem et fratrem.

женщины, видя близко перед своими глазами страшную смерть, проливая обильные слезы, умоляют государевых слуг дать им сколько-нибудь времени, чтобы они могли исповедать свои грехи великому и всеблагому Господу и умолять его о милосердии: не пожелает ли он в своей снисходительности ко всем заблудшим кротко простить их. Приспешники разрешили им это. Поэтому они два часа предавались благочестивым молитвам, с горячими обетами умоляя пощадить их в своей божественной доброте и кротости и допустить их к себе. Пропев религиозные гимны, они поручили свои души Христу-искупителю и приготовились к предстоящей смерти. Обменявшись взглядами, они утешились и решили, что перенесут все храбро и терпеливо. Когда все это было сделано, их ведут к реке; одни из них держат детей за руку, другие прижимают малышей к груди. Так они пришли на берег этой стремительной реки. Тут по врожденной женской привычке, а отчасти из-за необычного рода смерти, они поднимают такой ужасающий вопль и плач, что он достиг самого неба. Бесчеловечные же приспешники начали им угрожать, заставляя их самих броситься в воду. Когда же те отказались от такого недостойного поступка, приспешники начали насильно сталкивать их вместе с детьми в воду этой реки, уже покрытой льдом. Разумеется, при виде такого печального и жестокого события народ московитский не мог удержаться и обливался слезами от глубочайшего сожаления: столь незаслуженно эти безвинные женщины с детьми подвергались такой ужасной смерти, проклиная лютость своих палачей. Когда приспешники слышали печальные слова народа, тяжело переносившего такой род казни, они с угрозами стали избивать народ палками, приговаривая: «Ах вы, бунтовщики против великого князя! Мы ясно видим, что вы оплакиваете этих казненных пленников, но знайте, что скоро и вас постигнет такая же судьба!».

О БРАТОУБИЙСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ В 1570 ГОДУ

Родной брат великого князя был незаслуженно и вероломно оклеветан неким советником по имени Третьяк Висковатый. Услышав это несправедливое обвинение, государь не дал брату своему никакой возможности оправдаться в ложном преступлении, но приказал подвергнуть его самым жестоким мучениям и пыткам, какие только мог измыслить⁹⁷. Среди этих пыток он вымучил у него все его сокровища и присвоил себе все его движимое и недвижимое имущество. Когда от страшных мучений он был уже еле жив, тогда палач, по приказанию государя, поразил его топором. Жена этого брата лежала перед ним на земле, скрыв лицо, моля о сострадании; он приказал своим приспешникам схватить ее, содрать одежду и позорно обнажить. Эта несчастная очень долго стояла обнаженная перед глазами всех. Потом какой-то солдат, по приказанию государя, связал ее веревкой, посадил на лошадь и быстро погнал ее, без всякого сожаления, в реку, свалил ее в воду и погубил. Так безжалостно и нечестиво обошелся великий князь с братом и невесткой.

**QUO AMORE MUTUO SE PROSEQUI
solent Moscovitae**

Hoc genus hominum, Moscovitae, est adeo barbarum et perfidum, ut nihil synceri sit apud eos, nec se unquam vero ac naturali amore prosequuntur, alter alterum impudentissime et confidentissime, sic sunt perfrictae frontis, criminis alicujus insimulare non veretur, sive palam sive clam: aut aperte, aut per insidias invicem perniciem sibi machinantur: mutuisque convitiis lacessere se soliti sunt. Familiare est apud eos, patrem filio insultare, et filium in patrem irruere, ac fratrem perfide deferre, sic ut nulla apud eos fides, et sanguinis reverentia sit, etiam in conspectu magni Ducis se proscindunt contumeliose. Itaque accidit semel ante Principem, anno 1570 quosdam duos fratres germanos et nobiles istius rei luculentum documentum edidisse, horum unus vocabatur Mikieta Obolinski, qui malo genio peditus, familiae gentisque nomen patrium suum commutaverat: idque audiente ipso Duce, excogitaverat aliud cognomen, nempe Powrozowski, ac si diceres funigerum aut furciferum, et patibulo dignum hominem. Alter autem suae nobilitatis haud immemor, gentileque nomen retinens, eum fratrem alloqueretur, compellare coepit nomine gentili Obolinski, qui velut furens et atroci injuria a fratre affectus, magnum Ducem adit, et ad eum sic fratrem defert. Princeps serenissime, peto abs te, ut jus mihi administres de fratre, qui infami nomine me contaminavit. Vocor Powrozowski, et me contemptim appellavit Obolinski. Idcirco supplex te oro, ut meritas ille luat poenas; non enim levem ab eo mihi factam injuriam censeo. Tum magnus Dux evocat consiliarios, quasi de re maximi ponderis consultandum fuisset, inquires: Necesse est, ut vos hanc contentionem et gravem controversiam inter istos duos fratres exortam adhibito summo judicio, et magna cum aequitate dijudicetis. Fratres itaque ille, qui ita turpiter abnegaverat suam nobilitatem, accessit ipsos consiliarios, ut rem totam enarret, et sibi jus reddi postulet adversus fratrem: atque cum jam venisset frater alter, qui merito suam nobilitatem intuebatur, en in caput illius involat, iste perfidus, et objicit urso, qui eum unguibus dilaniare incipit, crudeliterque dilacerat. Et cum immanis iste frater videret quodammodo feram bestiam lassari, ense ferit alterum fratrem in pede, et statim magna vis sanguinis profluxit, quo ille inunxit os ursi, qui cum primum lambendo cruorem humanum iterum degustavit: et sic animatus ursus secundo apprehendit illum miserum nobilem, et horribiliter deformem reddidit. Quare jam iste impius frater, videns sibi pro injuria scilicet esse satisfactum, voluit feram abstrahere et arcere, ne amplius saeviret, neve fratrem mactaret: at ursus ita aestuabat et ad mactandum accensus erat, ut nec ab illo, neque a multis aliis posset difficulter ab illo dilaniando abstrahi, tandem ex faucibus ursi, et carnificina illa ereptus est ille nobilis.

КАКОЙ ВЗАИМНОЙ ЛЮБОВЬЮ ОДАРЯЮТ ОБЫЧНО
друг друга москвиты

Москвиты до того грубый и вероломный народ, что никакой искренности в их взаимоотношениях нет, и никогда они не чувствуют к друг другу настоящего естественного расположения, но не боятся бесстыдно и дерзко обвинить один другого в каком-нибудь преступлении, нимало не смущаясь, открыто или тайно. Явно или коварно они попеременно готовят гибель друг другу и то и дело осыпают друг друга взаимными оскорблениями. Семейные отношения у них таковы, что отец насмехается над сыном, сын клеветает на отца, брат вероломно доносит на брата; между ними нет никакого доверия, никакого уважения к кровному родству. Даже перед лицом великого князя они бранятся и оскорбляют друг друга. Так однажды случилось при дворе, что в 1570 году два родных брата из знати дали прекрасный пример этого: одного из них звали Никитой Оболенским; он, одержимый злым духом, изменил свое отцовское имя рода и племени. Когда услышал это сам князь, он измыслил другое имя, именно Поврозовский⁹⁸, что означает висельник или колодник и человек, достойный петли. Другой же брат, не забывший о своей знатности и сохранивший родовое имя, когда разговаривал с братом, начал называть его родовым именем Оболенский; а тот, взбесившись и разобидевшись на брата, является к великому князю и доносит на брата: «Светлейший государь! Прошу от тебя управы на брата, который запятнал меня бесславным именем: меня зовут Поврозовский, а он презрительно назвал меня Оболенским. Поэтому смиренно прошу тебя, чтобы он получил заслуженную кару, ибо я считаю, что он нанес мне тяжелую обиду». Тут великий князь призывает советников, как будто бы предстоит совещание по делу великой важности, и говорит: «Необходимо, чтобы сей спор и великую распрю, возникшую между этими двумя братьями, вы рассудили по всей строгости закона с полным беспристрастием». Итак, тот брат, который столь постыдно отверг свою знатность, пришел к своим советникам, чтобы изложить все дело и потребовать вынесения приговора против брата. И когда пришел другой брат, который заслуженно заботился о своей знатности, тот, вероломный, задумал его погубить и выпускает на него медведя, который начинает разрывать его когтями и жестоко терзает. Бесчеловечный тот брат, видя, что свирепый зверь устает, мечом ударяет другого брата по ноге; тотчас хлынула кровь, которой тот обмазал пасть медведю. Как только зверь, облизнувшись, снова почуял вкус человеческой крови, то с новой яростью вцепился в этого несчастного знатного и ужасно его обезобразил. Тут нечестивый брат решил, что он уже получил удовлетворение за обиду, и захотел оттащить зверя и не позволять больше свирепствовать и терзать брата. Но медведь так разъярился, что ни брат, ни многие другие долго не могли вырвать человека из пасти зверя, но наконец несчастный был избавлен от этой пытки.

Simile quoddam facinus huic accidit, cum magnus Dux Novogrodiam depopularetur, ferro, inquam, et igne omnia perderet, ut supra dictum est, ducti sunt captivi aliquot nobiles in Moscoviam urbem, inter etiam illos fuit quidam cum uxore et liberis, quem nobilis commendavit cuidam aulico regio amico suo. Iste cum detineretur captivus diu ab isto aulico, semel conqueri coepit, idque gravissime de inaudita illa tyrannide, qua usus est magnus Dux in Novogrodiensibus internecioni dandis: deque injuriis, quibus ille et tota nobilitas affecta fuerat: et plane jugum istius tyranni esse intolerabile hisce verbis: Deus qui solus justus est, haud dubie suo tempore vindictam sumet de illo sanguine innocentum tam inhumaniter et crudeliter sparso, in ipsum Ducem et totam ejus posteritatem: dignis pro meritis poenis ipsum castigabit. Deinde paucis post diebus, cum in animo suo volueret, se nimis temere ista effutivisse: et hunc nobilem, apud quem erat in captivitate haec delaturum ad Principem. Itaque fraudulentè excogitare coepit, nihil esse melius, quam si potius in hospitem suum hoc crimen transferret. Scribit supplicem libellum ad Principem, in quo indicabat magno Duci, hunc aulicum Principis haec verba in dedecus ipsius protulisse: tradidit eundem libellum deferendum aulico, qui inscius erat omnium, quae scripta fuerant. Magnus Dux quamprimum perlegit supplicem libellum, jubet ad se accersi illum Novogrodiensem nobilem, qui erat captivus apud hunc aulicum. Iste oblatus Principi, ferrea fronte praeditus, statim confert crimen, quo erat reus in ipsum aulicum impudentissime, et ita se rem habere asserit, inquam: Serenissime Domine et magne Dux, tu nos subditos et servos fideles affligis, miris modis interfici, membratimque dissecari jubes: facultates et fortunas nostras nobis rapis, proditores nos appellas, rebelles et perjuros, et alia horrenda nobis objiciuntur, et ob oculos ponuntur, quae omnia immerito patimur, nec istorum rei sumus. At si scires, quo odio vel plusquam vatiniano, te prosequantur tui domestici, et quanta sit perfidia illorum, quibus plurimum fidis erga te, quos quotidie maximis accumulatis beneficiis: profecto egregie eos exciperes, ex quorum numero est iste aulicus tuus, cujus carceri me tradidisti. Nam heri vesperi, me praesente et audiente, jactabundus haec verba pronunciabat: O utinam Deus citissime innocentes vindicet a crudelitate istius tyranni magni Ducis; nam ille diris tormentis suos afficit, mactat et trucidat insontes, eorum bona et opes sibi ascribit, contra omnem aequitatem. De quibus rebus et iniquitatibus Deus brevi sumet supplicium, istum Principem et tyrannum conteret et evertet cum tota ejus familia, nec patietur ejus successorem regnare. Tum magnus Dux irrumpit in iram, et sic inquit ad hunc miserum aulicum injuste ab isto captivo accusatum: o perfide, percipisne ea, quae iste contra te profert? nec data illi potestate respondendi et diluendi falsam criminationem, variis quaestionum generibus torquetur: qui cum nihil fateretur, et confictum crimen diceret, jussit hominem membratim

Нечто подобное этому случилось, когда великий князь опустошал Новгород и губил все, как выше было сказано, огнем и мечом. Тогда приведено было несколько пленных в город Московию, и между ними был некто с женой и детьми. Его какой-то боярин рекомендовал одному царскому придворному, своему другу. Когда этот пленный уже долго находился у этого придворного, то однажды начал очень сильно жаловаться на ту неслыханную тиранию, с которой великий князь уничтожал новгородцев, и на обиды, которым подвергался он сам и вся знать, и на то, что иго этого тирана непереносимо: «Бог, который один только справедлив, несомненно в свое время воздаст отмщение за эту кровь невинных, пролитую столь бесчеловечно и жестоко, и самому князю и всему его потомству: обрушит на него наказания соответственно его деяниям». Спустя несколько дней, поразмыслив, он решил, что слишком необдуманно высказался, и что этот боярин, у которого он находится в плену, донесет обо всем государю. Итак, он стал коварно размышлять, что нет ничего лучше, как поскорее перенести это преступление на своего содержателя. Пишет он просительное письмо государю, в котором указывает, что его придворный высказал такие слова в поношение великому князю. Письмо это он попросил передать придворного, который совершенно не знал, что там было написано. Великий князь, прочитав этот донос, тотчас приказывает доставить к себе знатного новгородца, который был в плену у этого придворного. Тот, приведенный к государю, человек бесстыдный, тотчас бессовестно перекладывает преступление, в котором был повинен, на самого придворного, заявляет, что у него есть дело, и сообщает: «Светлейший господин и великий князь, ты истязаяешь нас, верных подданных и слуг, приказываешь убивать неслыханными способами и рассекать на части; отнимаешь у нас наше достояние и имущество, называешь нас предателями, врагами и клятвопреступниками; нас обвиняют во всяких ужасах, нам ставится на вид то, что мы незаслуженно терпим и в чем мы не повинны. Но если бы ты знал, какую ненависть, более, чем ватиниеву, питают к тебе домашние, каково вероломство тех, на которых ты более всего полагаешься и которых ежедневно осыпашь величайшими благодеяниями. Ты, конечно, прекрасно принял бы тех, из числа которых и этот придворный, содержащий меня под арестом. Ведь вчера вечером, в моем присутствии, он громогласно и хвастливо произносил следующие слова: «О если бы господь поскорее покарал за невинных этого жестокого тирана великого князя! Ведь он подвергает своих жестоким пыткам, закалывает и убивает невинных, забирает себе их добро и богатства, вопреки всякой справедливости. За эти дела и беззакония Бог вскоре его покарает, государя и тирана этого сотрет и низвергнет вместе со всей его семьей и не допустит, чтобы царствовал его наследник». Тут великий князь впал в гнев и так сказал этому несчастному придворному, неправо обвиненному своим пленником: «О вероломный, слышишь ли ты, что он говорит против тебя?» И не дав ему возможности ответить и опровергнуть ложное обвинение, стали его всячески пытаться на допросах. Но так как он ни в чем не признавался

dissecari, et postea in profluentem jaci: sic ille nobilis, ignobilis plane et belluini ingenii falso detulerat ad Principem insontem, lingum sua mendaci accersivit necem innocenti, et ipse ex alterius interitu vitam et libertatem sibi comparavit.

MISERABILIS ET INDIQNISSIMA

**laniena, cum duorum procerum Moscovitarum, tum etiam
reliquorum Lithuanorum, ac Polonorum captivorum,
quibus paulo ante pepererat magnus Dux**

Anno Domini 1570 cum ex Moscovia internuncii Regis Poloniae, Proceres Poloni et Lithuani discessissent die Eliae Prophetae, qui dies festus apud Ruthenos est celeberrimus, et Magnus Dux accumberet mensae, et ei apponerentur secunda fercula, velut quodam oestro correptus, surgit, a mensa, et sic alloquitur sibi astantes satellites, sequimini me, quod faciunt ipsi, et mille quingenti catapultarii equites: ille vero Princeps perniciosissimo cursu pergit ad arcem, ibique omnes ordine se collocant ante Palatium Ducis, tum etiam in hac arce cum habitaret vir summus et ex proceribus non postremus, Petrus Serebrinus, et rei bellicae peritissimus, jubet magnus Dux ipsius domum more hostili impeti et invadi ab istis militibus, ipsum autem capite diminui et truncari: dicto Principis parentes irruunt in domum illam, statim capiunt et miserum illum Serebrinum extrahunt ex aedibus, ac offerunt magno Duci, qui sine alia inquisitione, ne facta ullius facinoris admissi ab eo mentione, confestim ille satellitum praefectus Sevator, arrepta securi caput illi amputat. Ad extremum cum Magnus Dux, quicquid illi visum fuerat, rapuit et ex fortunis istius Petri Serebrini, reliquum permisit praedae militum: et ne quid superesset bonorum illius jussit reliquias flammis et igne perdi. Ubi istud perpetrasset, convertit se ad alium locum arcis: (est autem haec arx amplissima et valde spaciosa: ubi complures Magnates et Nobiles habent aedes suas) et jubet magnus Dux cuidam nomine Bulato Magistro equitum, ut cum non parva manu militum aedes adeat clarissimi ei magni nominis viri Miessojedi. Huic magno viro Princeps vix ante annum rapuerat uxorem elegantis formae feminam et ancillam, qua turpissime abusus, et illas ubi violasset fecerat suspendi ac strangulari in superiori limine januae aedium istius viri: ut supra diximus. Iste praefectus equitum, aggreditur illas aedes, et expugnat facillime, hunc Miessojedi in medium forum trahunt: et ipse praefectus caput illi acinace obruncat: Qui cum jam kommississet istud sceleratum homicidium ense et manibus cruore madentibus procedit ad magnum Ducem, et velut re maximi momenti praeclare gesta, ait: Serenissime Domine et magne Dux, iam summo cum honore perfecti quod tu mihi in mandatis dederas. Ibi Magnus Dux pro suo more, vociferari coepit suum Hoyda, Hoyda, cujus clamorem tota turba secuta est, eadem felici acclamatione utentes. Ex arce deinde magnus Dux deflexit ad carceres,

и говорил, что обвинение выдуманно, князь приказал рассечь этого человека и потом бросить в реку. Так этот знатный, характера, однако, низкого и прямо-таки скотского, ложно донес государю на невинного, лживым языком своим довел до смерти непорочного, а сам ценой гибели другого добился для себя жизни и свободы.

ДОСТОЙНОЕ СОЖАЛЕНИЯ И НЕЗАСЛУЖЕННОЕ УБИЕНИЕ
как двух знатных московитов, так и остальных литовцев и
поляков, которых незадолго перед тем
великий князь пощадил

Когда в 1570 году в день Ильи-пророка из Московии отбыли послы короля польского, знатные поляки и литовцы (этот праздник у русских очень чтится), в то время, как великий князь возлежал за столом и было принесено второе блюдо, он вскочил, как ужаленный оводом, из-за стола и приказал стоявшим вокруг приспешникам следовать за ним; они повиновались, и вместе с ними тысяча пятьсот конных стрелков. Государь стремглав несется к крепости, и все размещаются строем перед дворцом князя; в то время в этой крепости жил знатный человек, не из последних вельмож — Петр Серебряный, весьма опытный в военном деле. Великий князь приказывает своим воинам напасть вражеским манером на его дом и ворваться в него, а самого его обезглавить. Повинуясь слову государя, врываются в дом, тотчас хватают несчастного Серебряного, выволакивают из дома и притаскивают к великому князю. Без всякого допроса, не предъявив никакого обвинения, командир приспешников Севатор⁹⁹ тотчас отрубает ему голову топором. Наконец, великий князь забрал себе из имущества этого Петра Серебряного то, что увидел, а остальное отдал в добычу воинам. И для того, чтобы ничего из его добра не осталось, приказал все остальное предать огню, и оно сгорело. Когда он это совершил, то обратился к другому месту крепости (ведь крепость эта чрезвычайно обширна и занимает большое пространство, где очень многие вельможи и бояре имеют свои дома); и приказывает великий князь некоему Булату¹⁰⁰, начальнику конницы, чтобы он с небольшим отрядом воинов напал на дом знатного мужа Мясоеда. У этого знатного мужа государь около года назад похитил жену, очень красивую женщину, вместе со служанкой; опозорив ее, он приказал их удушить и подвесить к притолоке в доме ее мужа, как мы сказали выше. Начальник конницы врывается в этот дом и захватывает его без труда; самого Мясоеда тащат на середину площади, и сам начальник отрубает ему голову акинаком. Совершив это преступное человекоубийство, он с мечом и окровавленными руками подходит к великому князю как будто после выдающегося подвига и говорит: «Светлейший господин и великий князь! Я с честью исполнил твое поручение». Тут великий князь, по своему обычаю, стал восклицать свое «Гойда, гойда!» и этот возглас с ликованием подхватила вся толпа. Затем великий князь в сопровождении своих вооруженных приспешников повернул к тюрьме, где было много пленных поляков и литовцев. Один московитский купец, не зная, что тут делается, завидев

ubi erant multi captivi Poloni et Lithuani: suis satellitibus armatis comitatus. Ubi quidam mercator civis Moscoviticus, quid ageretur ignarus, ubi eminus conspicit magnum Ducem cum tanto satellitio, retrogreditur prae metu tyranni, quem statim apprehendi jubet et frustulatum dissecari, inquam, ne unquam fugias ante conspectum tui supremi Domini. Atque cum propius ad carcerem veniret, ipse Commentariensis qui ibat petatum panem pro captivis, adspiciendo Principem adventare, prae timore etiam reversus est, et eundem magnus Dux raptum, minutim secari jubet, dicens: alia vice non timebis. Itaque cum jam appropinquaret portas primi carceris, dicit custodi, ut citissime fores aperiat, qui metu correptus et tremebundis manibus vix aperuit: aperto carcere indicit primo educendos nobiles captivos Polonos et Lithuanos, quorum primus fuit Petrus Biekowski Eques Polonus strenuus miles, illius pectus transfodit Magnus Dux lancea, at tam generosi fuit animi ille Biekovski, ut lanceam arripuerit manibus, et intorquere voluerit in ipsum Magnum Ducem, ut hoc pacto perpetuam nominis famam sibi conciliaret, quod tam infensum generi humano tyrannum sustulisset. At Magnus Dux hoc animadverso, coepit exclamare in filium: Ivan Ivan, id est, Joannes filii fer opem, qui celeriter accurrit, et iterum illum Biekovski hasta transfodit, et sic mortuus in terram cecidit. Secundo productus ad lanienam alter nobilis Polonus Albertus Bugaski, hunc etiam ipse Dux sarissa sua transverberavit. Tertius fuit Besus, nobilis, et magnae familiae, gente Silesius, qui eodem mortis genere periit. Quare cum istos strenuos viros et nobiles Polonos manibus suis interfecisset, coepit suo acclamationis genere uti, velut magnam victoriam adeptus fuisset: Hoyda, Hoyda: quem ita ovantem omnes clamantes et usurpantes hanc vocem persecuti sunt. Tum sic affatur suos satellites: Mactate mihi juvenes, irruite in carcerem et obvios quosque captivos, sine discrimine et ulla misericordia membratim dissecate omnes. Isti dicto parentes, in primo carcere quinquaginta occidunt vinctos: Postea accidit secundus carceres, et similiter manibus suis occidit tres Nobiles, quorum unus erat Ruthenus, aetatis maturae, Polocensis Jacobus Molski, alter erat gener illius, eques Polonus Jacobus Molski, sic et tertium similiter Nobilem Polonum, quibus omnibus ita trucidatis erumpit in suam vocem laetitiae solitam, et omnes ei accinunt ac respondent: et statim reliquos jubet a suis satellitibus dissecari, quod factum est, erant autem quinquaginta quinque, exceptis multis infantibus, qui vix nati erant dies septem. Tertio cum accessisset carceres, ibi et manibus suis edidit crudelitatis suae exempla, tres mactando Nobiles Polonos, alios fere quinquaginta quinque, cum securibus et ensibus satellites membratim trucidarunt. Sic perpetrata hac immani strage et inaudita tyrannide, sic sparsa dissectaque illa corpora jacere permisit supra terram, quae jam epota et imbuta erat, et mollissima reddita ex effusione sanguinis illius humani. Quamobrem rediit triumphans et ovans in palatium, et totum illum diem in hymnis et tripudiis, et omni sonitu instrumentorum musicarum consumpsit: non aliter ac si magnam victoriam de hostibus adeptus fuisset: Sub vesperum praecepit frustula membrorum istorum

издали великого князя с таким множеством приспешников, стал из страха отступать перед тираном; князь тотчас приказывает схватить его и рассечь на куски, приговаривая: «Не будешь больше убежать при виде своего верховного владыки!» И когда он уже подходил к тюрьме, сам тюремный смотритель, шедший просить хлеба для пленных, заметив, что приближается государь, также вернулся из страха; великий князь и его приказывает схватить и разрубить на мелкие части, говоря: «В другой раз не будешь бояться». Итак, приближаясь к воротам первой тюрьмы, он приказывает сторожу как можно быстрее открыть ворота; тот, охваченный страхом, едва открыл дрожащими руками. Когда тюрьма была открыта, он прежде всего приказывает вывести знатных пленных поляков и литовцев, среди которых первым был польский кавалерист, храбрый воин Петр Быковский. Великий князь пронзает его грудь копьем, но столь благородной душой обладал этот Быковский, что вырвал руками копье и попытался метнуть его в самого великого князя, чтобы таким образом снискать себе вечную славу, если бы удалось убить тирана, столь ненавистного роду человеческому. Но великий князь, заметив это, стал звать сына: «Иван, Иван!», то есть: «Сын Иоанн, помоги мне!» Тот быстро подбегает и вторично пронзает Быковского копьем; он мертвым упал на землю. Вторым был выведен на казнь знатный поляк Альберт Богуцкий; его также сам князь пронзил своей пикой. Третьим был Без¹⁰¹, знатной фамилии, родом из Силезии; он погиб таким же образом. Когда князь убил этих храбрых мужей и знатных поляков своими руками, он начал восклицать, по своему обыкновению: «Гойда, гойда!», как будто бы одержал великую победу. Его ликование все подхватили тем же возгласом. Затем он сказал своим приспешникам: «Крушите мне, ребята! Ворвитесь в тюрьму и всех, кто попадется, без различия и без сожаления, всех рассекайте на части!» Повинуясь этому приказу, в первой тюрьме они перебили пятьдесят скованных. После этого он идет во вторую тюрьму и подобным образом своими руками убивает троих вельмож, из которых один был пожилой русский, полочанин Яков Мольский, другой был его зять, польский кавалерист Яков Мольский, и подобным же образом также третьего знатного поляка¹⁰². Убив их всех, он испускает свой обычный радостный возглас, и все его подхватывают и ему вторят. Тотчас он приказывает своим приспешникам изрубить остальных, что и было сделано; их было пятьдесят пять, не считая многочисленных детей, иным из которых едва исполнилось семь дней от роду. Придя в третью тюрьму, он и там собственноручно показал пример жестокости, убив трех знатных поляков, а пятьдесят пять других его приспешники рассекли на части топорами и мечами. Закончив это лютое избиение и неслыханную тиранию, он поручил разбросать окровавленные изрубленные тела по земле, которая была орошена и пропитана человеческой кровью, так что отяжелела от нее. По этой причине он вернулся с торжеством и ликованием во дворец, и целый день не прекращались там песни и пляски под звуки музыкальных инструментов, как будто он одержал великую победу над врагами. Под вечер он

occisorum colligi, et extra urbem poni: qui in tres cumulos sunt collocati, et aspersi arena et terra: sic mandati sunt sepulturae. Erat inter cadaverum frustra mulier nobilis uxor illius Molski, quae cum fuisset graviter sauciata, nondum mortua, haec orabat pollinctores qui fossam faciebant, ut eam dimitterent libere et parcerent ipsi: at illi nulla moti misericordia sepelierunt eam vivam cum illis foetidis cadaveribus.

Duo Nobiles captivi ex ista immani laniena remanserant, quos tamen postridie iste tyrannus capite plecti jussit, et extra urbem projici, vixque aliquid terrae illis injectum. Ubi erant illa cadavera tot Nobilium et strenuorum virorum, vix arena superjecta fuerat, id quod haud dubie ex composito fieri jusserat Magnus Dux ille, ut essent alitibus, et feris praeda. Tertio deinde die, quidam Germanus tormentorum bellicorum praefectus, misertus hanc projectionem cadaverum, quibusdam tres taleros dedit, ut fossa profunda facta, vel maxime terrae tumulo injecto, hasce cadaverum reliquias sepelirent et tumularent.

DE TRUCI CARNIFICINA,
quam exercuit, Magnus Dux in clarissimos quosque
suos consiliarios, et optimates

Die sancti Jacobi in Julio anno 1570 in ipsa urbe Moscovia Magnus Dux jussit affigi octodecim palos grandes et supra illos totidem trabes in transversum apponi in formam furcarum. Cives cum primum animadvertunt tale theatrum parari et instrui, ingenti metu correpti se in fugam proripiunt, etiam mercibus et tabernis meritoriis relictis, praedaeque expositis: nemo sane prae metu in forum prodire audebat. Nam isti rumores in vulgus sparsi fuerant, ipsum magnum Ducem instituisse omnes cives urbis Moscoviae extremo afficere supplicio, crucique complures affixos iri. Satellites ad majorem terrorem incutiendum, in medium forum adferebant varia genera tormentorum et quaestionum ad homines torquendos, quae admovebant istis trabibus. Deinde excitato luculento igne, vas ingens aheneum apponebant aqua plenum, ut bulliret et ferveret per multas horas. Quibus rebus ita comparatis venit Magnus ille Tyrannus, stipatus ampla et copiosa suorum satellitum caterva: et ita instructus, quasi vellet in aciem et pugnam exire: sequebantur eum velut a triariis mille et quingenti catapultarii: Duxque ipse se collocavit penes ahenum, exercitus vero militum in circuli et coronae formam dispositus. Tum adducti sunt in proscaenium trecenti nobiles Moscovitae, antiquissimarum et nobilissimarum familiarum homines, qui paulo ante prae nimio quaestionum cruciatu ita mutilati et pessime tractati fuerant, ut vix semivivi viderentur, vixque pedibus stare poterant, sed a militibus trudebantur turmatim, ut pecudes, ante Principis conspectum.

Is cum perspiceret omnes prae pavore et ingenti timore sese abdidisse in latebras et domos suas, ipse tunc obequitare coepit per omnes urbis, plateas, clara voce evocabat cives, inquiring: venite absque ullo metu,

приказал собрать изрубленные тела убитых и сложить за городом; из них соорудили три холма и засыпали песком и землей: так было совершено погребение. Среди изрубленных трупов была знатная женщина, жена этого Мольского, которая, хотя была тяжело ранена, но еще жива; она просила людей, которые рыли могилу, отпустить ее и пощадить; но они, недоступные никакому состраданию, похоронили ее заживо с этими зловонными трупами.

Два знатных пленника уцелели от этой лютой казни, однако, на следующий день тиран приказал их обезглавить и выбросить за город, едва прикрыв землей¹⁰³. Трупы стольких знатных и храбрых мужей были едва прикрыты песком, что было сделано, без сомнения, нарочно, по приказу великого князя, чтобы они стали добычей диких птиц и зверей. Наконец, на третий день, некий германец, начальник воинских орудий, сожалея о трупах, так плохо похороненных, дал кому-то три талера, чтобы они сделали глубокий ров или насыпали повыше холм и похоронили и зарыли остатки трупов.

О ЖЕСТОКОМ МУЧЕНИИ, КОТОРОМУ ПОДВЕРГ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ некоторых виднейших своих советников и бояр

В день святого Иакова в июле 1570 года в самом городе Московии великий князь велел вбить восемнадцать огромных кольев и положить поверх них столько же бревен в форме виселицы. Как только горожане заметили, что строится и готовится такое зрелище, охваченные сильным страхом, бегут и бросают свои товары и лавки, обрекая их на грабеж; никто, разумеется, из страха не решается выйти на рынок. В народе распространились слухи, что сам великий князь решил предать всех жителей города Московии страшной казни, что очень многие будут распяты на кресте. Приспешники, чтобы нагнать побольше страха, стали приносить на середину площади и придвигать к этим бревнам всякие орудия пыток и допросов для мучения людей. Затем, разложив большой костер, принесли громадный медный котел, наполненный водой, чтобы она бурлила и кипела в течение многих часов. Когда все это было приготовлено, появился сам великий тиран в сопровождении большой толпы своих приспешников. Он был снаряжен так, будто собирался выступать в поход и на битву. За ним следовали, как верная охрана, тысяча пятьсот стрелков. Сам князь поместился возле медного котла, а войско было построено вокруг как бы венком. Тут были приведены на просцениум триста знатных москвитов, люди древнейших и знатнейших фамилий, которые от недавно перенесенных страшных пыток на допросах были так изувечены и измучены, что казались полуживыми и едва могли стоять на ногах; однако, воины гнали их толпою, как скот, на глаза государя.

Когда он заметил, что от робости и сильного страха все прячутся в убежища и свои дома, он тогда сам начал скакать на лошади по всем городским улицам и громким голосом вызывал горожан, крича:

securi estote, prodite spectatum, nihil gravius in vos constituam, hoc vobis polliceor, quamvis is meus fuisset paulo ante animus, vos omnes funditus delere et perdere, sed jam mihi haec mens mutata est, tuto egredi potestis et in forum venire intuitum quid agetur. Tum miserimus ille populus egressus turmatim et confertim, forum replevit, imo erat tanta multitudo spectatorum, ut multi ascenderint domorum tecta, quo quis istius tragoediae futurus esset exitus, viderent. Atque postea affatur sic illam promiscuam hominum multitudinem: An num, o subditi, justissime ago, quod ita poenas luant perfidi et scelerati proditores mei? tum populus statim uno ore acclamare coepit: Vivat diu felix, et incolumis Princeps et Rex noster: at improbi et flagitiosi suis meritis dent dignas poenas. Deinde Magnus Dux jubet produci centum et octoginta ex illo damnatorum numero: postea sic alloquitur Nobiles, qui ad illud spectaculum venerant. En vobis istos liberaliter dono, doque eis vitam, accipite illos, liberos a noxa dimitto, eisque pro mea clementia, gratia ac favore ignosco hoc pacto isti libere dimissi, et ex praesenti morte divino beneficio erepti. Tandem prodit Magni Ducis primas Secretarius, qui damnatorum album et catalogum habebat: et tum jubet educi quendam Moscovitam antiquissimo genere cretum, praecipuus inter eos, qui ab intimis consiliis Ducis sunt, erat: appellabatur Joannes Michaelowicz Wiskowaty. Ibi ille Secretarius Principis, longa ferie referre incipit crimina, quibus falso iste vir praestantissimus accusatus fuerat hisce verbis: Joannes Michaelowicz Viskowaty, Cancellarius Magni Ducis, perfidissime et impie se gessit in Principem. Imprimis scripsit Regi Poloniae se ei velle tradere civitatem et arcem munitam sui supremi Domini, quae est in magna Novogrodia: et haec est prima in te accusatio: at tum scutica illum in caput percussit, addendo haec verba: Perfidus es et ingratus, quod usus sis hac improbitate adversus tuum supremum Dominum. Altera perfidia est ista, quos literas dederis ad Imperatorem Turcarum, ut cum exercitu potentissimo veniat occupatum et debellatum Regna Scythica, Casanense, et Astraense, ut erat illi in votis: quo dicto, similiter flagello caesus est in caput, subjecitque, et secundo tuum Principem fraude doloque prodere voluisti. Tertium facinus quod admisisti est, quod ad Scytharum Caesarem literas dedisti: quibus ipsum hortatus es, ut cum suo copiosissimo exercitu irrumperet in Moscoviam, eamque devastaret et depopularetur, atque occuparet, unde factum est, ut ingens damnum et irreparabile dederint Tartari in Moscovia: tam ipsius Ducis arces igne perdendo, quam etiam longe lateque miserum populum ferro interficiendo, et vinctos multos catenis in durissimam servitutem, innumerabilem inquam utriusque sexus turbam abigendo: quorum cum sis auctor tantorum malorum, merito ultimo es afficiendus supplicio, atque ut antea fecerat, flagro asperrime eum caecidit Regis Secretarius. Tum miser Cancellarius istis falsis criminationibus insimulatus, et cum se innocentem esse sciret, sic respondit. Testor Deum Optimum Maximumque qui solus est scrutator cordium et renum, in cujus conspectu profiteor me esse peccatorem, sed confido eum pro

«Приходите без всякого страха, будьте спокойны, выходите посмотреть! Я ничего плохого против вас не замыслю, обещаю вам это. Правда, я собирался недавно всех вас до основания уничтожить и погубить, но я уже переменял это намерение, вы можете без опаски выходить на площадь — поглядеть, что делается». Тогда несчастный народ, выйдя группами и толпой, заполнил площадь; внизу стояла такая масса зрителей, что многие влезли на крыши домов, чтобы видеть, каков будет исход этой трагедии. Затем он так обращается ко всей этой смешанной массе людей: «О подданные! Разве не поступаю я совершенно справедливо, наказывая так вероломных и преступных своих изменников?» Народ тотчас в один голос стал кричать: «Живи долго счастлив и невредим, государь и царь наш! А негодные и преступные пусть по заслугам несут должное наказание». Затем великий князь приказывает вывести из числа осужденных сто восемьдесят человек и говорит боярам, которые пришли на это зрелище: «Щедро отдаю их вам, дарую им жизнь, берите их. Отпускаю их свободными от наказания, прощаю их по своей кротости, милости и расположению и, по божественному благоволению, не стану их казнить смертью». Затем выходит влиятельный секретарь великого князя, который держал поименный список осужденных, и приказывает вывести некоего весьма родовитого москвитина, который был главным из ближайших советников князя: звали его Иван Михайлович Висковатый¹⁰⁵. Тут этот секретарь начинает читать длинный список преступлений, в которых был ложно обвинен этот выдающийся муж: «Иван Михайлович Висковатый, канцлер великого князя, вел себя по отношению к государю вероломно и бесчестно. Во-первых, написал королю польскому, что хочет передать ему город и сильную крепость своего верховного господина, которая находится в Новгороде Великом. Это первое против тебя обвинение». И ударил его плетью по голове, прибавив такие слова: «Вероломен ты и неблагодарен, коли идешь так бессовестно против своего верховного господина. Второе твое вероломство, что ты послал письмо турецкому султану, чтобы он пришел с сильным войском занять и завоевать царства Скифское, Казанское и Астраханское, как он и хотел». Сказав так, он снова ударил его бичом по голове и добавил: «Вот так вторично лживо и обманно хотел ты предать своего государя. А третье преступление ты совершил, написав царю скифов: ты уговаривал его, чтобы он с огромным войском вторгся в Московию, опустошил ее, разграбил и захватил, почему и случилось, что татары нанесли Московии огромный невосполнимый ущерб: как погубили огнем крепости самого князя, так и уничтожили повсюду мечом несчастный народ, многих увели в окопах в тяжелейшее рабство; бесчисленную массу, повторяю, лиц обоего пола. И коли ты виновник стольких бедствий, то по заслугам должен подвергнуться высшей мере наказания». И как прежде, секретарь царя нанес ему жестокий удар кнутом. Тут несчастный канцлер, ложно обвиненный, зная, что он невиновен, так ответил: «Призываю в свидетели Господа всеблагого и всемогущего, который один знает все наши сокровенные мысли! Сознаюсь перед лицом его, что я грешен, но уверен, что он в своей божеской милости, во имя крови, пролитой его дражайшим

sua Divina clementia, propter sanguinem effusum carissimi sui filii, mei misertum iri. Testor, inquam, Deum, me semper fidum et diligentem fuisse in munere publico mihi commisso a Nagno Duce, ut fas est: ideo a falsus istis accusatoribus provoco ad Tribunal Dei, quod injuste sum accusatus et traductus apud Principem, atque haec impostura detegetur in extremo die iudicii. Princeps cum stabis ad conspectum Divinae majestatis mea innocentia apparebit: nunc vero apud te nulla ratio et aequitas locum habet, nec me a criminibus falso mihi impositis licet purgare. Adeo est tua avaricia inexplebilis et pertinacia ulciscendique libido, ut sitias sanguinem meum: ebibe igitur illum pro lubito, et jam satisfacias tuae improbitati, ut constituisti: nunc quidem tua figmenta et importuna commenta, videntur habere speciem veri: quia omnia per vim agis. Itaque Satellites excipiunt, en videmus te esse reum, cum tam dura oratione insurgis in Principem, turpiter lapsus es, et tuos sermones optime expendimus. At ille Cancellarius ait: Vos o infelices homines cum magno Duce, estis praedones et omnis improbitatis illius administri: effunditis immerito cruorem innocentem: tyrannice omnia agitis, per fas et nefas ruitis in caedes mortalium. Haec omnia quae mihi objiciuntur, falsissima sunt, nihil vobis facilius, quam tollere e medio insontem: At Deus aliquando, et veniet hora, quae non speratur, cum vos puniet et pro meritis in vos graviter animadvertet: quae cum tam libere potulisset, conspuat in faciem illorum. Quare Magnus Dux jubet carnificibus hominem rapere: quem statim raptum, exuunt et ligant ad furcas illas sic dispositas: et suspendunt prono capite et ore in terram. Praefectus satellitum sic affatur ipsum Magnum Ducem: quo genere supplicii istum affici jubes? Tum respondet, vos omnes aulici mei suo ordine istum excarnificare debetis et dilaniare: Quare accingit se operi iste Praefectus Molutaw dictus: et ex equo descendens, accepto cultro auriculam dextram illi abscidit, alter aulicus sinistram excidit, tertius labra amputat, et sic ordine omnes illum membris mutilarunt, ut omnes se tam nefando homicidio contaminarent, et caede istius innocentis essent rei. Ad extremum quidam secretarius Principis, ne quid deesset ad cumulum crudelitatis, conscidit illi pudenda et tum statim exalavit animam miser Cancellarius. Quare Magnus Dux videns ob abscissum membrum genitale statim obiisse Cancellarium, indignissime tulit, atque dira imprecatus huic secretario, sic in eum invectus est. O scelerate, expectes paululum, istud totum est tibi exedendum, quod iste excedere debuit. Nam penitus credebat, quod commiseratione motus, cruentas manus ita illi intulisset, ut cito e vivis discederet: Constituerat sane istum secretarium morte truculenta punire, sed Deus antevertit tyrannidem Principis, quia paulo post lue infectus, mortuus est. Satellites deinde demortui Joannis Viskovaty corpus deponunt ex furcis, et sic saevire incipiunt in illud cadaver, frustulatim illud concidendo, prius tamen absciso illi capite. Iste est exitus istius praestantissimi ingenio et virtutibus multis, excellentissimi viri Cancellarii Magni Ducis, cui parem nunquam habuit imperium Moscoviticum.

Сыном, помилует меня. Призываю Господа в свидетели, я повторяю, что всегда был верен и честен в исполнении долга, возложенного на меня великим князем, как и должно. Поэтому, вопреки этим лживым обвинителям, я взываю к Божьему суду, что несправедливо обвинен и оклеветан перед государем, и обман этот откроется в день Страшного суда. Когда ты станешь, государь, перед лицом божественного величия, откроется моя невиновность. Теперь же у тебя нет места ни разуму, ни справедливости, и невозможно мне очиститься от ложно возведенных на меня обвинений. До того ненасытна твоя алчность, упрямство и страсть к мщению, что ты жаждешь моей крови; пей же ее до насыщения и удовлетвори свое бесстыдство, как ты решил. Теперь твои вымыслы и непотребные выдумки имеют видимость истины: всего ты достигаешь насилием». Приспешники же возражают: «Ведь мы видим, что ты виноват, когда бунтуешь со столь дерзкой речью против государя; ты совершил позорное преступление, и мы достойно отплатим тебе за эти слова». Но канцлер сказал: «Несчастные вы люди вместе с великим князем; разбойники вы и прислужники его бессовестных деяний; проливаете вы незаслуженно безвинную кровь; вы поступаете как тираны, право и неправо посылаете смертных на гибель. Все, в чем вы меня обвиняете, совершенно ложно, но для вас нет ничего легче, чем погубить невиновного. Но придет час, которого вы не ждете, Бог когда-то вас накажет и сурово за все покарает». Так бесстрашно он все это высказал и плюнул им в лицо. За это великий князь приказывает палачам схватить его; схваченного раздевают и привязывают к построенным там виселицам; они подвешивают его головой вниз и лицом к земле. Начальник приспешников так обращается к самому великому князю: «Какому роду казни ты приказываешь его подвергнуть?» Он отвечает: «Все вы, мои придворные, должны его по очереди истязать». Поэтому приступает к делу этот начальник, именуемый Малютой: соскочив с коня, он отсекает ему ножом правое ухо, другой отрезает левое, третий — губы, и таким образом все отсекал ему члены, так что все запятнали себя столь нечестивым человекоубийством, и стали причастны к смерти этого невиновного. Наконец, какой-то подьячий государя, чтобы не быть в стороне от этой пытки, отрезал ему половые органы, и несчастный канцлер тотчас испустил дух. Великий князь, увидев, что канцлер умер тотчас после того, как был отрезан детородный член, вознегодовал и проклял этого подьячего за то, что он его убил: «О злодей! Погоди немного, тебе придется отведать все то, что должен был вкусить он». Ведь в глубине души государь подозревал, что подьячий, движимый состраданием, так наложил на канцлера окровавленные руки, что тот быстро умер. Он, без сомнения, решил покарать этого подьячего жестокой смертью, но Бог предвосхитил жестокость государя, так как вскоре тот умер, заразившись чумой. Приспешники затем снимают тело умершего Ивана Висковатого с виселицы и начинают глумиться над трупом, рассекая его на части, а сперва отрезав голову. Таков был конец этого выдающегося талантом и многочисленными добродетелями превосходного канцлера великого князя, подобно которому никогда не имела московитская держава.

Jussit secundo loco produci in Theatrum suum Thesaurarium, cui nomen erat Michael Funichow, vir magni nominis et ingenii acerrimi, socius fidusque amicus illius Cancellarii. Iste non longis verborum ambagibus usus est in sua defensione, sed breviter sic loquitur: Appello ad Deum qui omnium rerum est conscius, et cujus oculus omnia intuetur, quia nunquam quicquam in te Dominum meum commisi, semper bona fide et sine fraude in administratione mei muneris me gessi et cum accuser abs te, impie et inique, jam tibi dicam scribo, et anima tua in altero seculo se sistat coram Divina Majestate, ut mihi satisfaciat. Haec verba ubi protulisset, jubet Magnus Dux arripi miserum, et exui, atque furcis alligari eo modo quo et Cancellarius. Tum postea ille Maluta praefectus satellitum, haurit ex vase aeneo, ubi erat aqua fervidissima, et deinde alter equorum magister, accepit vas plenum aqua frigidissima, iste primo illa aqua caput abluere coepit, postea calidam et fervidissimam aquam infundebat, sic ille infortunatus vim fervoris et ardoris illius aquae sentiens, ob atrocem fervorem, vociferabatur mirifice: at ille minister Tyrannidis Maluta magis ac magis infundebat illam calidissimam aquam, ita ut tandem pellis capitis contraheretur in modum serpentis, cum se in spiras contorquet: ita hoc crudelissimo supplicii genere confectus, expiravit. Tertio jubet adduci in medium suum Cocum, iste cocus infinitis falsis testimoniis reus erat peractus, eoque genere supplicii est affectus quo et Joannes Wiskowaty, nempe membratim est dissectus, amputatis illi pudendis. Deinde jussit adduci quendam Georgium Czapkinu cum uxore et liberis, qui inter amanuenses et secretarios non postremum locum tenuit, cumque ex equo descenderet Magnus Dux, Basilius Themkin jussu Principis caput illi abscidit, sic et uxori ac liberis: Iste Themkin erat proscriptus ex Lithuania, ob necem Palatini Plocensis, et in Moscoviam aufugerat, tanquam ad asylum, primumque locum ac praecipuum inter aulicos Principis tenebat.

Deinde productus est alter secretarius, cui nomen Joannes Bulhakow, qui fuit una cum uxore, et liberis etiam capite truncatus a Palatino Chirnoviensi, is vocabatur Pietrovicius.

Tunc jubet educi et secretarium suum Basilium Stepanow, quem et indicta causa aulicus e vestigio capitali poena afficit mandato Principis.

Ad extremum, ut ad hoc tragicum ac crudele spectaculum nihil praetermitteret, praecipit Magnus Dux ducentos Nobiles captivos extrahi in arenam, quos nominatim jubens sisti ante se, damnat morti, et singuli aulici ordine eos capite truncant, qua caede confecta, prodeunt in conspectum Principis manibus et gladiis cruentatis cum hac voce laetitiae Hoyda, Hoyda: Sic se turpissime aulici Magni Ducis sanguine innoxio contaminarunt. Tum eodem tempore mandat Magnus Dux e vinculis venerandum quendam senem adduci: quem statim in equo ille arrepta hasta transfudit: et quamvis sic transfusus miser senex obierit: ut impleret suam crudelitatem illum plusquam sedecim vulneribus sauciavit. Haec crudelitatis et tyrannidis horrenda facinora perpetravit intra horas quatuor. Illa cadavera nuda ita jacebant in terra, quorum non parvus erat numerus:

Вторым он приказал вывести на театр своего казначея, человека высокого звания и острого ума, по имени Михаил Фуников; он был товарищ и верный друг того канцлера. Он не прибежал к длинным уверткам в свою защиту, но сказал кратко: «Взываю к Богу, который все знает и око которого за всем наблюдает, что никогда ничего не совершил против тебя, господина моего, но всегда добросовестно и без обмана исполнял свои обязанности по должности, и так как обвинен тобою нечестиво и несправедливо, то вызываю тебя на суд, и пусть душа твоя в будущей жизни предстанет перед божественным величием, чтобы дать мне удовлетворение». Как только он произнес эти слова, великий князь приказывает несчастного схватить, раздеть и привязать к виселицам так же, как и канцлера. После этого начальник приспешников Малюта зачерпнул из медного котла, где была кипящая вода, а потом начальник конницы взял сосуд, полный очень холодной воды, и сперва стал поливать ему голову этой водой, затем стал лить воду горячую, кипящую; этот несчастный, почувствовав, как обжигает его кипящая вода, закричал диким голосом; но этот слуга тирана, Малюта, все больше и больше лил на него эту кипящую воду, так что наконец кожа на голове стала сморщиваться наподобие извивающейся змеи. От этого жесточайшего рода пытки он и испустил дух. Третьим князь приказывает вывести на середину своего повара; этот повар бесконечными ложными свидетельствами был представлен виновным и предан тому же роду казни, что и Иван Висковатый, а именно, его рассекли на части, отрезав половые органы. Потом князь приказал привести некоего Георгия Шапкина¹⁰⁶ с женой и детьми, который занимал не последнее место среди писцов и секретарей; когда великий князь сошел с лошади, Василий Темкин по приказанию государя отрубил голову и ему, и жене с детьми. Этот Темкин был изгнан из Литвы за убийство воеводы Полоцкого, бежал в Московию, как в убежище, и занимал первое и особое место среди придворных государя¹⁰⁷.

Затем был выведен второй секретарь Иван Булгаков, которого вместе с женой и детьми обезглавил воевода, называемый Петровичем¹⁰⁸.

Тут князь приказывает вывести и своего секретаря Василия Степанова, которого тотчас без оправдания казнит придворный по поручению государя.

Наконец, чтобы не пропустить ничего на этом трагическом кровавом зрелище, великий князь предписывает вытащить на арену двести пленных бояр, поименно приказывая ставить их перед собой, осуждает их на смерть, и каждый из придворных по очереди отрубает им головы, а совершив это убийство, выходит перед глаза государя с окровавленными мечами и руками и со своим торжествующим возгласом «гойда, гойда!». Так позорно обагрили себя безвинной кровью придворные великого князя. В это же время повелевает великий князь привести скванного какого-то почтенного старца, которого сам с лошади тотчас пронзил пущенным копьем. И хотя несчастный старик погиб от этого

et cum lustraret illa cadavera quidam ex Principis satellitibus, caputque Michaelis Thesaurarii intueretur, exerto ense caput in duas dissecuit partes hisce verbis additis: recorderis quid mecum egeris. Sub vesperum cadavera illa sunt in unum cumulum collecta, et extra urbis portam elata, ibique ingenti fossa facta injecta et terra obruta. Sic crudelissime tot caedibus perpetratis jam in palatium Princeps rediens, deflectit ad aedes Michaelis Thesaurarii, ubi invenit uxorem illius, eleganti forma praeditam, et vere honestam, valde luctu et dolore magno plenam atque suspirantem, ob mariti necem, Ducis Ophanasi Wiazienski soror erat, de quo supra mentionem fecimus. Magnus Dux spirans suam immanitatem, apprehendi jubet, et extendi funem asperrimum, qui ab una parte muri ad alteram extendebatur, et cum natibus nudis assidere huic funi, qui plurimum carnem et cutem excoriabat, utque detegeret mariti thesauros, ab una parte usque ad alteram extrahebatur cum summo cruciatu. Filia ejus, quae erat quindecim annorum, hoc crudele genus tormenti videns, non potuit se continere, quin ejulatu testaretur dolorem suum. Dux jubet illam rapi in medium, at filius Ducis major natu, commiseratione motus accurrit, et vestem ejus tenens sic affatur patrem: Pater carissime, dona me hac puella, ego carceribus illam ocludam: tum pater, accipe tu quidem, sed postea matri illam reddas. Denique cum istis magnis cruciatibus et tanto dedecore honestam illam matronam affecisset, et filiam ejus in monasterium relegavit: ubi illa ob magnitudinem vulnerum et cruciatuum quae passa fuerat dum traheretur per funem, non diu superstes extitit. Filium etiam istius Thesaurarii in vincula conjecit, et omnes fortunas ejus cujuscunque essent generis, ei accepit: sicque distribuit ut meliorem partem sibi vindicaret et attribuerit, quod erat vilis praedae suorum militum exposuerit.

Eadem die venit in aedes Joannis Wiskowaty summi olim ejus Consiliarii, qui ante truculente mactatus fuerat, uxorem in quoddam coenobium deportari jubet: filium autem ejus damnat perpetuis carceribus, et relegat in arcem munitissimam: quae Bialejeziro dicitur, ac si dicas lacum album: acceptis omnibus ejus bonis. Postquam sic tam horribilem et truculentissimam edidisset crudelitatem, exactis tribus diebus, jubet produci in forum ex carceribus aliquot egregios Nobiles, qui statim capite truncati sunt, ab ipso Maluta praefecto satellitum: et ita diu jacuerunt humi, quos ipse aliquot vulneribus, ut suam saciaret tyrannidem feriebat, utens securi. Cadavera illorum ita nuda in medio foro jacebant, ubi venales prostant merces, septem dierum spacio: ubi tandem a canibus devorati, ossa vero hinc inde asportata ab iisdem canibus. Postridie jubet octoginta feminas generosas istorum Nobilium, qui ita immaniter trucidati fuerant, ad flumen deduci, ibique aquis submergi: ille autem innocentes frustra ejulari et lamentari. Satellites enim, crudele hominum genus, ipsas in aquas injiciebant et perdebant.

удара, но, чтобы насытить свою жестокость, князь нанес ему больше шестнадцати ран. Свои ужасающие жестокие и тиранические поступки он совершал в течение четырех часов. Эти обнаженные трупы, которых было немалое число, так и лежали на земле. Когда их осматривал кто-то из государевых приспешников, он заметил голову казначея Михаила. Обнажив меч, он рассек ее на две части, добавив: «Вспомни, что ты сделал со мной!» Под вечер эти трупы были собраны в одну яму, вырытую за городскими воротами, и над ней насыпана огромная куча земли. Совершив столько зверских казней, государь на обратном пути во дворец завернул к дому казначея Михаила, где нашел его жену, женщину выдающейся красоты и честности, охваченную горем и скорбью и оплакивавшую смерть мужа; а была она сестрой князя Афанасия Вяземского, о котором мы упоминали выше. Ненасытный в своей лютости, великий князь приказывает ее схватить, а затем протянуть от одной стены до другой самую жесткую веревку; эту женщину посадили голыми ягодицами на веревку, которая сдирала с нее очень много кожи и мяса, и стали таскать из стороны в сторону, чтобы она открыла соковища мужа. Ее пятнадцатилетняя дочь, видя эту ужасную пытку, не смогла удержаться, чтобы не застонать от горя. Князь приказывает вытащить ее на середину, но старший сын князя подбегает, движимый состраданием, и, схватив ее за платье, так обращается к отцу: «Дражайший отец, подари мне эту девушку, я запру ее в тюрьму»; отец тогда отвечает: «Бери, а потом можешь вернуть ее матери». Наконец, измученную страшными пытками и столь великим позором эту почтенную женщину и ее дочь он отправил в монастырь. Там она недолго прожила из-за ран и мучений, перенесенных во время таскания по веревке. Сына же этого казначея он заключил в оковы и забрал все его имущество, какого бы рода оно ни было; он его так распределил, что лучшую часть присвоил себе, а то, что подешевле, отдал в добычу своим воинам.

В тот же день он является в дом Ивана Висковатого, бывшего когда-то его главным советником, а недавно зверски уничтоженного. Жену его он приказывает заточить в какой-то монастырь, сына же осуждает на вечное заключение и отправляет в весьма прочную крепость, называемую Белоозеро, как мы сказали бы, «белое озеро». Все его имущество он забирает себе. После того как он так жестоко и беспощадно свирепствовал в течение трех дней, он приказывает вывести из тюрьмы на площадь нескольких знаменитых бояр, которые тотчас были обезглавлены самим Малютой — командиром приспешников. Так они долго валялись на земле, покрытые ранами, которые он сам нанес им топором, отдаваясь своей жестокости. Их обнаженные трупы семь дней валялись на площади, где продаются дешевые товары. Наконец, собаки их растерзали и разбросали там и сям их кости. На следующий день он приказывает вывести к реке и утопить восемьдесят благородных жен этих бояр; невинные жертвы напрасно стонали и молили его: свирепые приспешники сталкивали их в воду и губили.

Anno Domini 1569, missi sunt centum et quinquaginta coloni, ad aedificandam arcem, quae vulgo Orlo dicitur, et cum cibo destituerentur, quia tum in illis locis ingens fames grassabatur: coacti sunt miseri, ob annonae penuriam, ex suis novem mactare, et illorum carnibus vesci et sic diram compescere famem.

Eodem anno cum ipse Dux esset in arce Wolochda, quam extrui et muni jubebat, ipsi artifices nimis dura fame pressi, emerunt vitulum, et eum mactarunt, famem hoc pacto expleverant. Quam rem ubi audivisset Magnus Dux jussit omnes comprehendi et flammis tradi: cum tamen ipsa necessitas, durum telum, eos excusare potuisset. Superstitio enim hac a multis seculis recepta inter Ruthenos et Moscovitas, ut sit grande nefas, morteque piandum, qui vitulum mactarit, et eo vesci ausus fuerit. Inter Moscovitas centum et quiquaginta egregii viri, pertaesi tyrannidem Magni Ducis, et ferociam satellitum: constituerant se recipere ad Regem Poloniae. Quam rem ubi accepisset Magnus Dux, jussit omnes in quondam profundam lacunam valde coenosam injici, et ibi in modum pontis substerni: quos tamdiu calcari fecit, donec profundissime in luto perirent ac submergerentur, et plane luto aequarentur.

Eadem die venit colonus ad Secretarium Magni Ducis, ei offerens lucium piscem lepidissimum. Quidam Monachus istud animadverterat, qui similitates alebat cum isto Secretario, idcirco statim accedit Principem, et hisce verbis illum alloquitur. Secretarius tuus, o Princeps, nunquam minutioribus vescitur piscibus, sed majoribus: quos piscatur in tuis lacubus, et solet lautissima suis congeronibus celebrare convivium. Itaque Magnus Dux jubet ipsum Secretarium ad se evocari, et nulla data facultate se defendendi, sic eum damnat: jubet manibus pedibusque vinciri, et in lacum profundissimum conjici: hisce verbis utens. O nebulo, qui tot pisces minores et majores solebas tibi piscari, abi nunc, et quibuscunque volueris, vescitor.

QUO FACTO MAGNUS DUX SUOS

exercet, et instituit in ratione pugnae, adversus inimicos

Cum Lithuani ex improvise coepissent arcem munitissimam, vulgo dictam Borsko: coeperat ibi Palatinum et uxorem ejus, quos captivos ad Regem Poloniae miserant. At magnus Dux paulo post eum redemerat, dato in ejus locum magno viro Nobile Polono, qui cum rediisset in Moscoviam cum aliis duobus Nobilibus Moscovitis, tum jussu Principis arrepti sunt ad supplicium, nimirum tria ligna sunt affixa in medio foro, ubi funibus per mediam corporis partem appensi, ipse cum filio sagittis eos ejaculabatur, et transfigebat, inquires. O strenui defensores, sic oportet vos me et meas arces defendere: postea ad exemplum Principis, et turba illa satellitum sic sagittis frequentissimis illos impetierunt, ut jam prae multitudine sagittarum, non viderentur eorum corpora.

В 1569 году были посланы сто пятьдесят поселян строить крепость, называемую на местном языке Орло. Им нечего было есть, так как в тех местах тогда свирепствовал голод; несчастные были вынуждены из-за недостатка пищи убить своих девять человек и питаться их мясом, чтобы утолить жестокий голод.

В том же году, когда сам князь был в крепости Вологда, которую приказал построить и укрепить, сами мастера испытывали сильный голод; они купили теленка, зарезали его и таким способом насытились. Об этом услышал великий князь и приказал всех их схватить и сжечь, тогда как, однако, сама необходимость могла бы их извинить. Ведь уже много веков у русских и московитов существует суеверное представление, что великий грех, который должен караться смертью, если кто заколет теленка и осмелится его съесть. Сто пятьдесят выдающихся московитов, не выдержав тирании великого князя и разнузданности приспешников, решили перейти к королю польскому. Когда об этом узнал великий князь, он приказал всех их загнать в глубокое и очень грязное болото и уложить там наподобие моста; и он приказал затаптывать их до тех пор, пока они не погибли глубоко в тине и не утонули, сами почти сравнявшись с тиной.

В тот же день к секретарю великого князя пришел крестьянин и принес ему очень красивую рыбу — щуку. Это заметил какой-то монах, который был в плохих отношениях с этим секретарем; поэтому он тотчас пришел к государю и сказал ему следующее: «Твой секретарь, о государь, никогда не питается мелкими рыбами, но только крупными; он ловит их в твоих озерах и любит задавать пиры своим собутыльникам». Великий князь приказывает призвать к себе самого секретаря и, не дав возможности оправдаться, осуждает его на такую казнь: приказывает связать по рукам и ногам и бросить в глубокое озеро, сказав: «Ну, негодяй, ты привык, чтобы тебе ловили много мелкой и крупной рыбы, ступай же теперь и лови, сколько хочешь».

КАКИМ ОБРАЗОМ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ОБУЧАЛ СВОИХ и наставлял в искусстве боя с врагами

Когда литовцы неожиданно захватили весьма могучую крепость, называемую на их языке Борском, то взяли там воеводу и его жену, которых они отослали, как пленных, королю польскому. Но великий князь вскоре выкупил его, отдав взамен знатного поляка; когда он вернулся в Московию с двумя другими знатными московитами, то они были схвачены для наказания. На середине площади были вбиты, разумеется, три столба, к которым их привязали веревками, а сам великий князь с сыном стал метать в них стрелы и пронзал, приговаривая: «О ретивые защитники! Так вы должны защищать меня и мои крепости!» Потом, по примеру государя, и вся толпа oprичников стала осыпать их тучей стрел, так что из-за множества стрел нельзя было видеть их тела.

QUO PRAEMIO ET MERCEDE

ampla soleat magnus Dux suos adultores afficere

Illustres ac clari viri, Ozsiphas Scerbaty, et Georgius Boratinski, qui munere Palatinatus fungebantur: cum missi fuissent ad defendendam et tuendam arcem Susa: intercepti sunt ab illo bellicoso Lithuanicarum copiarum imperatore a Duce Romano et ab ejus exercitu, in quo conflictu magna strages Moscorum est edita, et inter alios illi praecipui viri duo capti, qui postea per permutationem captivorum redempti sunt. Qui cum primum venerunt in Moscoviam, hilari fronte a Magno Duce excepti, et ad ejus mensam invitati. Tandem absoluto prandio, muneribus lautis et pretiosis eos afficit: nimirum unicuique illorum dedit vestem ex holoserico suffultam Zebelinis pellibus raris et elegantissimis, dedit et singulis preciosos pileos albos. Atque inter alia, quae cum illis conferebat, sciscitatus est ab eis quis ageretur tu Polonia et Lithuania. Tum Osziphas ille retulit ea omnia quae viderat ac intellexerat candide et bona fide. At Georgius Boratinski rogatus, contra protulit ea quae putabat grata fore Magno Duci, ipsi palpum faciendo et adulando: quae plane absona erant a rei veritate, et absurda. Ac inter alia sic ausus proloqui: Inclite et invictissime Moscorum Caesar, sic tibi persuadeas, cum Rex Poloniae audit, tuos milites jam adesse in finibus, et ibi grassari, maximo metu percussus, quaerit latebras, et loca abdita. Magnus Dux statim fucum sibi fieri intellexit, et subjunxit: Rex Poloniae igitur me timet? At ille, procul dubio: clarissime Dux, ita se res habet, et si copiosus exercitus irruerit in Lithuaniam, ille non est tam animosus, ut velit tecum in aciem descendere: aufugiet procul in aliquam munitissimam arcem, neque etiam viribus par, aut arcibus munitis est tecum conferendus. Denique nunquam tui exercitus impetum et vires sustinere poterit: succumbet protinus et terga dabit. Quae conficta verba, eum in ipsius gratiam ac favorem excogitatam et comparatam orationem esse vidisset: detestatus adulatorium et leve hominis ingenium, coepit nutare caput, inquires: O Rex infelix, o Rex miserrime, tui plane misereor, qui ita me times: adeoque sum tibi terrori, ut ad mei mentionem, cogites de fuga, ubi in Lithuaniam venero. Hac oratione finita, tam contumeliosa oratione sic istum Boratinski est allocutus: O perfide et scelerate homo, jam tua perfidia et mendacia mihi optime sunt perspecta. Quocirca baculo quo uti solet, ferit illi caput, et caedit tergum, ac denique totum corpus nulla ratione habita illius preciosae vestis, qua eum induerat: At miser Boratinski hinc inde se vertebat: hacque oratione utebatur. O Princeps Serenissime, Deus te diu sospitem servet, quodque ab te verberor gratum est mihi, et sic me plane hominem obscurum et ignobilem castigare dignaris: nunquam ego potuissem eripi ex captivitate, nisi tua ope: sed quamprimum liberatus sum ex vinculis Lithuanicis, citissime me ad te contuli. Verum Magnus Dux non desinebat hominem

КАКИМ ПОДАРКОМ И ПООЩРЕНИЕМ вознаграждает обычно великий князь своих льстецов

Знаменитые и славные мужи Осип Щербатый и Георгий Барятинский исполняли обязанности воевод; когда они были посланы для защиты и наблюдения за крепостью Суза, то были перехвачены воинственным предводителем литовского войска, римским князем, и его войском. В этом сражении было побито множество москвитов, и среди других были взяты в плен эти два выдающихся мужа, которые впоследствии вернулись благодаря обмену пленных. Как только они прибыли в Московию, они были радостно приняты великим князем и приглашены к его столу. Когда пир был окончен, он наградил их пышными и дорогими подарками: дал каждому из них шелковую одежду, подбитую редкими и чрезвычайно изящными собольими шкурками и дал также каждому дорогие белые шапки. Среди прочего, о чем он с ними толковал, он поинтересовался, что делается в Польше и Литве. Осип рассказал о том, что видел и понял, ясно и добросовестно, а Георгий Барятинский, наоборот, распространялся о том, что, по его мнению, будет приятно великому князю, угождая ему и лстя; но это совершенно не соответствовало истине и было вздорным. И между прочим он осмелился сказать: «Достославный и непобедимый цезарь москвитов! Знай, что когда король польский слышит, что твои воины уже находятся на границах и там свирепствуют, охваченный сильнейшим страхом, ищет убежища и укромного места». Великий князь тотчас понял, что его обманывают, и спросил: «В самом деле король польский меня боится?» Тот ответил, не колеблясь: «Светлейший князь, дело обстоит именно так, и если огромное войско твое обрушится на Литву, то он не так самонадеян, чтобы пожелать вступить с тобою в сражение: он убежит подальше, в надежную крепость, и не посмеет равняться с тобой ни силами, ни крепостями. И, наконец, он никогда не сможет выдержать сил и натиска твоего войска: он тотчас уступит и обратится в бегство». Великий князь понял, что все это выдумки и что речь свою тот измыслил и составил, чтобы снискать его милость и благоволение. Проклина лстеца и легкомысленного человека, он стал качать головой, говоря: «Несчастный король, жалкий король, жаль мне тебя, что ты меня так боишься! Такой страх я на тебя навожу, что даже при упоминании обо мне ты помышляешь о бегстве, когда я приду в Литву». Сказав так, он обратился к Барятинскому с такой бранной речью: «Вероломный ты негодяй! Мне совершенно понятно твое вероломство и лживость». И стал он своей палкой бить его по голове, по спине и по всему телу, ничуть не жалея дорогое платье, в которое тот был одет. Несчастный Барятинский крутился туда и сюда и кричал: «О светлейший государь, да сохранит тебя Бог в полном благополучии! Мне приятно, что ты меня наказываешь, так мне и надо, человеку темному и низкому. Никогда бы мне не вырваться из плена, если бы не ты. Как только я освободился от литовских оков, так сейчас же устремился к тебе». Но великий князь не переставал жестоко истязать этого человека, то и

crudelis tractare: saepius repetens haec verba, o perfide et scelerate te esse turpissimum et mendacem adulatorem novi. Quare sic est ab eo tam diu verberatus, donec suum baculum Princeps confregerit in minutissimas partes.

**QUALIS SIT RELIGIO ET PIETAS
Magni Ducis Moscoviae**

Quando Magnus Dux in suum palatium Alexandrowa, olim antequam pulcherrime extrueretur, Slobodam dictum, venire solet animi recreandi gratia, tum ibi quandam novam religionem simulare solet et effingere. Primum se novo quodam Monachi nigri vestitu induit, cujus etiam imitatores sunt omnes ejus aulici, simul eodem vestitu jam parato utentes. Satellites vero illius armati adsunt, qui ad omnia officia prompti paratique sunt. Ille autem Magnus Dux ita vestitus cum suis aulicis ingreditur fanum, ad preces matutinas, et alias ceremonias peragendas, quibus utuntur Rutheni. Sunt autem succincti loro, cui adjunctus cultellus, manibus tenentes lucernam, in qua est accensa candela: quod si aliquis aulicorum refugerit uti hoc vestitu et ceremonia, gravissime caeditur virgis a satellitibus Principis. Hosce omnes vocat Princeps fratres, et se eodem nomine appellari jubet, haec est sancta aulicorum Moscovitarum fraternitas. At cum jam est tempus prandii, porrigitur cibus, Magno Duci primum, quem habet in sua cistella, tanquam primario fratri, et sic deinceps reliqui fratres ex suis cistellis accipiunt suum cibum: Quod ad potum, singulis datur ad certam mensuram. Tandem absoluto prandio, omnes cum suis cultellis et cistellis se recipiunt in suas cellulas. Nam hoc palatium est aedificatum plane in formam Monasterii. Quare cum secundum suum ritum absolvit: Magnus Dux suas preces et horas Canonicas: tanquam major natu frater egreditur ex illo Coenobio, ac jubet aliquot captivos, jam morti destinatos produci ex carceribus, ibi omnes variis mortis generibus afficiuntur: alii ad palum et rotam alligantur, alii securi percutiuntur, alii suspenduntur: alii miserrime cruciantur, et frustulatim dissecantur: denique multi aquis obruuntur. Ita quamdiu ibi degit, singulis diebus decem aut viginti insentes ab eo suppliciis gravissimis tolluntur e medio: ita ut prae foetore cadaverum illac nemo incedere possit. En fructus religionis Magni Principis Moscorum: sic suam religionem sanctificat. Et quia patrem sequitur sua proles, ille Magnus Dux filium habet sibi suisque truculentissimis moribus persimilem. Nam ille voluptatis gratia solet per illa mortua corpora obambulare, illa calcando, et baculo suo capita iliorum confringit, vel in illorum cerebra aciem baculi ferrati infigit, inquires: vos o scelerati insurrexeratis in vestrum Imperatorem ac Principem, et me etiam.

Quotiescunque Magnus Dux ad illud palatium Alexandrowa, aliquem ex suis invitat Consiliariis, nemo est illorum qui non credat se ad praesentem mortem accersi, nec unquam inde domum incolumem reversurum, idcirco discessurus, primum domi suae disponit, ac uxori et liberis valedicit, et

дело повторяя: «Ах ты, вероломный негодяй! Ведь я знал, что ты бесстыжий и лживый лстец». И бил его государь до тех пор, пока не сломал свою палку на мелкие кусочки.

КАКОВЫ БЫЛИ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И БЛАГОЧЕСТИЕ великого князя Московии

Когда великий князь удаляется для душевного успокоения в свой Александров дворец, который назывался прежде, чем он его великолепно устроил, Слободой, он там обычно измышляет и сочиняет новые религиозные обряды. Прежде всего он облачается в какую-то необыкновенную одежду черного монаха, и все придворные подражают ему, надевая такие же рясы. Приспешники же его находятся в полном вооружении, совершенно готовые для всяких услуг. Великий князь в такой одежде, вместе со своими придворными, входит в храм для утренней молитвы и совершения других церемоний, как полагается у русских. Они подпоясаны ремнем, к которому привязан ножик, держат в руках по светильнику с зажженной свечой. Если же кто-либо из придворных уклоняется от участия в такой церемонии и отказывается облачаться в такую одежду, приспешники государя беспощадно избивают его розгами. Всех их государь называет братьями, приказывает так же именовать и себя, и это есть святое братство московитских придворных. Когда наступает время трапезы, великому князю, как главному брату, первому протягивают пищу, которую он берет в свою миску, а затем остальные братья принимают свою пищу каждый из своей миски. Что касается питья, то каждому выдается определенное количество. Окончив трапезу, все удаляются в свои кельи, взяв с собой свои ножики и миски; ведь дворец этот построен точно как монастырь. Затем, когда по своему обряду великий князь совершит свои молитвы в канонические часы, тогда он, как старший из братии, выходит из этого монастыря и приказывает вывести из тюрьмы нескольких заключенных, уже осужденных на смерть. Тут они подвергаются различного рода казням: одних привязывают к колу и колесу, других рубят топором, третьих вешают, четвертых беспощадно распинают и рассекают на куски; многих, наконец, топят в воде. При таком образе жизни он в иные дни отправляет на смерть в жесточайших мучениях по десяти и двадцати невинных. Трупы издают такое зловоние, что невозможно близко к ним подойти. Так проявляет свою религиозность великий московский государь. Так как потомки следуют примеру отцов, то этот великий князь имеет сына, совершенно подобного ему жестоким нравом. Ведь он ради удовольствия обычно разгуливает по этим мертвым телам, топчет их, проламывает головы им своей палкой или пронзает их мозг острием железной палки, приговаривая: «Вы, негодяи, восставали против вашего императора и государя, а также и против меня».

Всякий раз как великий князь приглашает кого-нибудь из своих советников в Александров дворец, никто из них не верит, что его зовут не на верную смерть и что он когда-нибудь вернется невредимым домой. Поэтому, собираясь уходить, он приводит все в своем доме в

amicis sua committit: ac ita est; ni enim Deus ipse, vel mirabilis fortunae casus illum hominem conservarit, de illo actum est. Quod si impune et libere suos a se amandat: tamen postea non evadunt manus Principis, vel quidpiam deterius eos manat. Sicut sane accidit cuidam viro rarae sane virtutis, Theodoro illi nomen fuit, iste non ita pridem functus erat legatione apud Regem Poloniae, et ubi rediisset a legatione, invitatus est ad Principem una cum suis Nobilibus, ad Alexandrovam arcem. Qui licet invitus, tamen se sistit ad diem dictam una cum suis. Sane lautissime et oppipare ille Theodorus et omnes ejus excepti sunt ac donati ab ipso Principe, multis preciosis vestibus, subductis pellibus Zibellinis. At via qua illi fuit transeundum, satellites per insidias erant collocati. Cum autem essent securi et nihil sibi metuerent, en irruunt in eos satellites Principis, et illos spoliant Nobiles, et potissimum ipsum legatum: eosque sic nudos relinquunt, ut ex utero matrum exierunt. Atque eo tempore maxima erat vis hyemis, quod ad augendam calamitatis eorum gravitatem pertinebat, exuti spoliatique sunt currubus et equis. Itaque sic misere et crudeliter tractati, coacti sunt, pedes ire usque ad urbem Moscoviam. Unde factum est, ut alii propter vehementiam frigoris intensissimi auriculas amiserint, alii digitos manuum, et articulos pedum, et nasum. Plurimi qui frigus ita horridum ferre non poterant, interierunt in ipsa via. Ipse orator Theodorus forte fortuna a quodam rustico nactus est vestem pellium caprinarum, qui hac usus, arcuit a se vim frigoris, ut potuit. Ita iste legatus cum suis splendide exceptus a Magno Duce, et honorifice donatus, postea crudeliter illusus, rediit in urbem Moscoviam. Pulcherrimum scilicet exemplum istius Neronis, et ejus humanitatis, qua erga de se bene meritos uti solitus est.

FINIS

порядок, прощается с женой и детьми и поручает все свое друзьям. Так оно и бывает, если только не спасет этого человека сам Бог или удивительная случайность. Поэтому, если государь и отпускает своих без наказания и свободными, то впоследствии все же они не избегнут его рук, и с ними случается что-нибудь плохое. Так случилось с неким мужем редкостной доблести по имени Федор. Не так давно он был назначен послом к королю польскому и, когда вернулся из посольства, был приглашен к государю в Александрову крепость вместе со своими боярами. Он подчинился неохотно, однако, явился в назначенный день вместе со своими. Этот Федор и вся его свита были приняты пышно и радушно и получили в дар от самого государя дорогие одежды, подбитые собольими мехами. Но на дороге, по которой им надо было идти, разместились в засаде приспешники. Когда они возвращались беззаботно и без всякого страха, на них нападают приспешники государя и грабят этих бояр и самого посла. Они оставляют их голыми, в чем мать родила. Это было в самом разгаре зимы, и в довершение несчастья у них отняли повозки и лошадей. Несчастные были принуждены идти в Московию пешком. Из-за этого и случилось, что от сильного мороза одни отморозили уши, другие — пальцы на руках, части ног, нос. Многие же не смогли перенести страшный холод и погибли в пути. Сам же посол Федор случайно раздобыл у какого-то крестьянина одежду из козьих шкур и спасся тем от мороза. Так этот посол, блестяще принятый со своей свитой великим князем и получивший великолепные подарки, а потом жестоко обманутый, вернулся в город Московию. Вот великолепный пример поведения этого Нерона и его «человечности», за которую он заслужил проклятия.

КОНЕЦ

EPILOGUS OPERIS

Sed haec satis sint de immanitate ac truculentia Moschovitica: Nos autem bona fide et studio recto, iustoque ordine literarum monumentis mandavimus, posteritati que legendum dedimus: quae scitu necessaria sunt de tota Sarmatia: id est, de Polonia, Lithuania, Prussia atque Russia: quae cum suo nomine complectatur Moschoviam, et de ea attingimus, quae putavimus esse cognitu utilia. Quoniam autem hodie, is qui imperium Moschoviticum tenet: superat suo crudelitate Neronem, Caligulam, Helio-gobalum, Maximinum, Phalarium Aggrigentinum: vel etiam Busiridem aut Mezentium: denique tyrannos, qui celebres sunt ac famosi apud historicos, vel etiam apud poetas: ex infinitis nonnulla crudelitatis illius exempla delineavimus. Quod sane mirum esse non debet: cum gens ipsa fera sit: Moschi siquidem a Mesech dicti, ac si dicas, homines arcus extendentes. Sane Moschis scriptores crudelitatem, morumque feritatem, semper attribuerunt: testis est illa querela psalmi: Heu mihi quod exulo inter Mesech et Cedar: id est, inter Moschos et Arabes. Sedes Moschorum vetus fuit in Cappadocia, quae non procul abest a Syria: et ideo illa gens fuit nota Judeis. Inuit itaque propheta Ecclesiam Dei extremis istis temporibus afflictiones maximas perpessuram: tam a Moschis, quam ab ipsis Turcis, qui ex Arabia prodierunt. Accepit autem gens Moschovitica, ritus religionis Graecae, anno Domini 987, sed successu temporis addiderunt illi multas superstitiones: Gravissimus vir et scriptor nobilissimus Sigismundus ab Herberstein scribit, nunquam populum Moschoviticum publica explicatione doctrinae et concionibus erudiri. Et quia sunt oppressi tyrannide horribili: opinionis sui principis, etiam in religione solent habere pro lege immutabili: sicut Athenienses degeneres fecerant decretum, quicquid visum esset regi: illud pium et justum esse.

Sed tuateur nos filius dei ab impietate et crudelitate Mesech et Cedar.
Amen.

ЭПИЛОГ ТРУДА ¹⁰⁹

Но, по-видимому, достаточно сказано о лютости и жестокости московитской. Мы же добросовестно, с истинным старанием и в надлежащем порядке увековечили в книге и отдали для чтения потомкам то, что необходимо знать обо всей Сарматии, то есть о Польше, Литве, Пруссии и России. Последняя под своим именем обнимает Московию, и мы коснулись того, что, по нашему мнению, полезно усвоить. Поскольку ныне тот, кто владеет московитской державой, превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу, Гелиогабала, Максимиана, Фаларида Агригентского или даже Бусирида или Мезенция и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами. Мы набросали лишь некоторые примеры его жестокости из бесконечных фактов. Но нечему удивляться, так как сам народ дик. Ведь москиты названы от Месха, что означает: люди, натягивающие луки. Разумеется, писатели всегда наделяли москит жестокостью и дикостью нравов. Свидетельствует такая жалоба псалма: «Увы мне, что живу я в изгнании между Месхом и Кедаром», то есть между москитами и арабами. Древнее местожительство москитов было в Каппадокии, которая расположена недалеко от Сирии, и поэтому народ этот был известен иудеям. Таким образом, пророк отмечает, что церковь Божия перенесет в эти тяжелые времена величайшие печали как от москитов, так и от самих турок, которые вышли из Аравии. Народ же московитский принял обряды греческой религии в 987 году, но с течением времени они прибавили много суеверий. Весьма уважаемый муж и известнейший писатель Сигизмунд Герберштейн пишет, что никогда не научить московитский народ общественному изъяснению доктрины и ораторскому искусству. И так как они подавлены ужасной тиранией, то мнения своего государя даже по религиозным вопросам обычно считают непреложным законом. Так и выродившиеся афиняне сделали законом всё, чего бы царь ни пожелал: это, по их мнению, благочестиво и справедливо.

Но да охранит нас Сын Божий от нечестия и жестокости Месха и Кедара.

Аминь.

КОММЕНТАРИИ

1. Город Витебск с 1320 г. принадлежал Великому княжеству Литовскому, по Люблинской унии (1569 г.) присоединен к Речи Посполитой.

2. Гваньини под Белой Руссией понимает западно-русские, прежде всего смоленские, земли Московского государства. Название встречалось как у его предшественников (Амброджо Контарини — *gran Rossia bianca*, Матвея Меховского — *alba Russia*), так и у поздних авторов. Е. Е. Замысловский пишет: “У Мюнстера в описании Руссии находим и название *Alba Russia* — область близ Танаиса и Меотийских болот, подвластную великому князю московскому. Иовий всю Московию называет Белой Руссией. А Фра-Мауро, подразделяя всю Руссию на Белую, Черную и Червонную (*Russia bianca, negra, rossa*), замечает, что “это различие не имеет иной причины, как то, что часть России по сю сторону Белого моря называется Белою, другая, что по ту сторону реки Черной, называется Черною, а та, что по ту сторону реки Червонной, называется Червонною”. Предполагается, что под именем Белого моря Фра-Мауро разумел Байкальское озеро. На карте его встречается также название Великой России” (Замысловский Е. Е. Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии — Себастиана Мюнстера. — ЖМНП, 1880, № 9Е. С. 75—76).

3. Упомянутое на титульном листе “описание степных татар” самим автором вынесено за пределы “Описания Московии” и поэтому не включено в данную книгу.

4. *Олеско* (*Olesco*) — вероятно, имеется в виду волость Олешня, упоминаемая в духовной грамоте Ивана III (1504 г.) — см., например, Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 198—199. Олешню можно отождествить с селом Алешово Зубцовского уезда Тверской губернии.

5. Описание местоположения Москвы Гваньини заимствовал у Герберштейна, в тексте которого сказано: “Город Москва *между другими северными городами* выдается значительно на восток”. Гваньини пропустил подчеркнутые слова, отчего стало непонятным, по сравнению с чем выдается на восток Москва.

6. *Василий III Иоаннович* (1479—1533) — великий князь Московский с 1505 г.

7. Название Наливки, вероятно, заимствовано у Герберштейна, по словам которого великий князь Василий Иоаннович велел выстроить

для своих телохранителей слободу Нали (*civitatem Nali*); название это обозначает то же, что латинское *infunde* (налей). Об этом же говорит и итальянский купец Тедальди, посещавший Москву в 1551—1565 гг. (в записи Поссевино: “В городе Москве существовало нечто вроде маленького городка, называемого Наливка”. — Е. Шмурло. Известия Джованни Тедальди о России. ЖМНП, 1891, № 5. С. 132). В Москве существовала церковь Спаса Преображения, что в Наливках.

8. Иностранцы путешественники редко удерживались от искушения описать экзотическое русское пьянство. Ср., например, у А. Контарини: “Они величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих...” (в кн.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 223—229) или у Р. Барберини: “...от пьянства... происходит у них много соблазна, зажигательство домов... по домам, по улицам — везде только и встречаются пьяные от водки” (в кн.: Сказания иностранцев о России XVI — XVII вв. СПб., 1843. С. 16).

9. Обычай перегораживать улицы был заведен в Москве в 1494 г.

10. Замечание “как я слышал” характерно для скрупулезного Гваньини: слышал, но не видел сам.

11. *Больши-город* (*Bolsigorod*) — по-видимому, это транскрипция слов “Большой город”, но такое название не встречается в других иностранных источниках. Между тем, оно известно с 1535 г., когда этот район был огорожен; впоследствии он был назван Китай-город (Смолицкая Г., Горбачевский М. Топонимия Москвы. М., 1982).

12. *Нарбат* (*Narbat*), т. е. Арбат, — одна из главных московских улиц, ведущая к Кремлю с запада: “Того же лета (1566 г.) повелел царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси двор себе ставити за городом за Неглимною меж Арбатския улицы и Никитския от полова места, где церкви великий мученик Христов Дмитрий, да храм святых апостолов Петра и Павла. И ограду каменну вокруг двора повелел зделати” (Летописный свод XVI в.: подпись к миниатюре, изображающей строительство опричного двора).

Опричина (*Orgisna*) — термин употреблен у Гваньини единственного раз. Опричников он называл *satellites* (в нашем переводе “пришпешники”).

13. Странно, что об этом страшном разорении Москвы, о котором говорят все иностранцы, писавшие после 1571 г., Гваньини упоминает столь бегло.

14. Названия *Московия* и *Руссия* могут быть неравнозначны; Матвей Меховский (1457—1523), польский историк и географ, например, различает их особенно четко: *Руссия* — страна, восточный край которой прилегает к реке Танаису и Меотийским болотам, т. е. юго-западная Россия; *Московия* — земли к северо-востоку от Дона и Азова.

15. *Танаис* — древнегреческое название реки Дон.

16. Те же виды монет названы и у Герберштейна. У Гваньини,

писавшего лет на 25 позже, есть незначительные отличия в данных. Имеется в виду изображение покровителя Москвы святого Георгия Победоносца. На монете изображена не бычья, а — очень грубо человеческая голова: князь в короне с лентами у лица.

17. Гваньини ошибся. Все желающие не могли чеканить монеты, т. к. существовал денежный откуп: откупщик имел право принимать заказы на чеканку из серебра заказчика за определенную годовую плату.

18. Польская миля равна немецкой (примерно 5760-7200 м). Модий, римская мера сыпучих тел, равнялся 8,75 литра.

19. Город Владимир основан в 1108 г. Владимиром Мономахом (1053—1125), великим князем киевским.

Иван I Данилович Калита (ум. 1340), князь московский, великий князь владимирский, при котором в Москву из Владимира была перенесена резиденция русского митрополита.

20. Имеется в виду крепость в устье реки Суры, названная Васильградом, впоследствии Васильсурском.

21. *Струн* (Strup): правильное название острова — Судерев (см. А. И. Иловайский. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 254).

В Кашире не было удельного князя; она была передана Василию III по завещанию Ивана IV.

22. На возвышении над рекой Упой Василием III в 1520 г. был построен кремль. Известным в географии названием переведено *Campestria deserta* (букв. пустынные степи).

23. Описание течения Сейма у Гваньини ошибочно: Сейм течет на запад, временами отклоняясь к северу, только в одном месте делает изгиб к югу, затем снова поворачивает на запад — к Десне.

Борисфен — Днепр. Гваньини ошибся: Десна впадает в Днепр выше Киева.

24. *Рифейские горы* — Урал. Истоки Дона в Уральских горах ошибочно поместили античные авторы. Иваново озеро Гваньини называет странно: *Jesioro*. На самом деле оно очень маленькое: 100 на 60 сажен.

Река Шад (Шать) впадает в Упу (а последняя в Оку) и в действительности — очень небольшая река. Дон течет на юго-восток.

25. Иван Грозный покорил Казанское и Астраханское ханства соответственно в 1552 и 1556 гг.

Меотидское болото — древнегреческое название Азовского моря.

“Колонны Александра Великого” упоминаются и у Герберштейна (“жертвенники Александра и Цезаря”), который говорит, что не мог узнать о них ни от кого, так как их никто не видел.

26. *Северское княжество*. Гваньини по собственным источникам сообщает о том, как оно отошло от Литвы и Польши под власть

Московии. Крещение Ягеллона (Ягайлы) относится к 1386 г., его сын — Казимир IV Ягеллончик, король польский в 1447—1492 гг.; Северское княжество перешло под власть московских князей в 1503 г. при Иване III Васильевиче (1440—1505), великом князе Московии с 1462 г.

27. Имеется в виду московский князь Дмитрий Донской (1350—1389).

28. Князь Михаил Львович Глинский (ум. 1534), приближенный Василия III.

29. *Понт Эвксинский* — Черное море у античных авторов.

Ольгерд, великий князь литовский (1349—1377), присоединил часть западнорусских земель. Витовт (полонизированное Витольд) (1350—1430) — великий князь Литвы с 1392 г.

30. Князя Бельского, о котором идет речь, звали Федором Ивановичем, он перешел не к князю Московии Василию, а к Ивану III.

31. Тверское княжество отошло к Ивану III в 1485 г.

32. Гваньини допустил ошибку: в 1509 г. правил Василий III.

33. Имеются в виду походы князей Олега (907 г.) и Игоря (941 и 944 г.) на Византию.

34. Не совсем точный этимологический экскурс: *piogun* по-польски действительно значит *молния*, но в русском языке перуном молния называлась только метафорически, а сам корень этого имени — праславянский и имеет значений *гром*.

35. *Казимир IV* (1427—1492) — великий князь литовский с 1440 г.

Гваньини неверно датировал битву Ивана III с новгородцами при реке Шелони: она была в 1471 г.

36. Крепость Ивангород основана Иваном III в 1492 г.

37. Гваньини не точен: река Пскова — приток реки Великой, которая впадает в озеро Псковское, сообщаемое с озером Чудским. Ливонское море — Рижский залив Балтийского моря.

Крепость Ямма (Ямбург) стоит не на реке Плюссе, а на реке Луге.

38. Тридцать шесть рек, впадающих в Белое озеро, — цифра, более близкая к истине, чем названная Герберштейном (360 рек) — в “Географическо-статистическом словаре Российской империи” сказано: “до 31 притока” (Т. 1. С. 370).

39. Гваньини путает: он говорит выше только о Рюрике, получившем по жребью власть над Новгородом.

40. Имеется в виду озеро Неро.

41. *Холопий город* стоял возле города Мологи, находившегося верстах в 75 от Углича.

На озере — на Плещееве (или Переяславском) озере.

42. Суздальское княжество было самостоятельным с начала XIII в. до 1392 г.

43. Фантастическое расположение городов Вятской области Гваньини

повторяет вслед за Герберштейном: на самом деле город Слободской (Sloboda) находится к северо-востоку от Хлынова, реки с названием Речица нет в этих местах; вероятно, под ней надо понимать реку Чепцу, впадающую с востока в Вятку недалеко от Слободского.

В 1402 или 1403 гг. вятские земли приобрел московский великий князь Василий I Дмитриевич (1371—1425).

44. В то время города с названием Пермь не было. Главным городом области Пермия была Чердынь.

Стефан (по ироническому прозвищу, данному москвичами, Храп) Пермский жил в 1345—1396 гг. Убили не предшественника, а его третьего преемника Питирима в 1456 г., и не пермяки, а оставшиеся язычниками их соседи вогулы.

45. Словом “сани” переводим латинское *trahaea*, что означает буквально “молотильный волок” (римская молотилка в виде саней). У Герберштейна в этом смысле употребляется слово *vehiculum* “повозка”; Матвей Меховский обозначает сани словами *vehicula* и *trahibula* (кораблики). Интересно, что их предшественники Барбаро и Контарини употребляют термин *sani*. Словом “лыжи” переводим *partae* (у Герберштейна *artach*). Гваньини о лыжах говорит подробнее других авторов, похоже, как очевидец.

46. Расположение области Сибирь у Гваньини менее достоверно, чем у других иностранных авторов.

47. Соображения о родстве венгров с юграми (или югричами) высказывались многими средневековыми авторами. Гваньини излагает их в грамматической форме косвенной речи (как чужое мнение); в переводе это передано вставками слов “якобы” и “говорят”.

Данубий — река Дунай, преимущественно в верхнем и среднем течении.

Аттила (ум. 453) — предводитель гуннов.

48. Описание областей Печоры, Обдории, Лукоморья и Лопии, сведения об идоле Золотой бабы Гваньини в значительной степени заимствовал у Герберштейна, который получил эти данные из первых рук: он перевел с русского языка некий дорожник (*itinerarium*) — указатель пути к Печоре, Югре и Оби (об этом указателе известно только от Герберштейна). Кроме того, путь по Ледовитому морю и данные о северных областях Руси ему осветили два толмача великого князя Василия III Григорий Истома и Власий, а также Давид, тогдашний посол короля датского.

49. Названием “Земной пояс” обозначен Уральский хребет.

В существовании Рифейских и Гиперборейских гор не сомневались еще в античности (начиная с Геродота) и в средние века. Первым, кажется, счел известия о них баснословными Матвей Меховский, к нему присоединился А. Кампензе, назвав эти горы плодом воображения

греков и с негодованием обрушившись на географов, которые и теперь “без стыда и совести рассказывают о них невероятные вещи” (Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 230). Однако, с расширением знаний о рельефе обеих Сарматий, некоторые авторы вернулись к утверждению, что такие горы существуют. Павел Иовий считал, что Рифейских гор нет в действительности, а те, что “в древности, вероятно, слыли Гиперборейскими”, находятся в стране югричей и вогуличей. Герберштейн полагал, что Земной пояс и есть те “горы, которые, вероятно, представлялись древним Рифейскими или Гиперборейскими” (Герберштейн С. Записки о московитских делах. М., 1988. С. 161).

Представление о вечных снегах и льдах на этих горах и чрезвычайной их труднодоступности сильно преувеличено.

50. О том, что Обь вытекает из некоего Китайского озера, сообщает Герберштейн, добавляя, что от него получил имя хан (по-московитски царь) Китайский. Эта географическая ошибка могла возникнуть у него под влиянием известных ему карт (Фра-Мауро, 1459 г. и Ант. Вида, 1542 г., где надписи: на первой Chatajo, на второй — Kideisko). Географы, пытаясь определить Герберштейново “Китайское озеро”, предполагали: 1) что речь идет о Телецком озере, из которого вытекает река Бия, после слияния с Катунью образующая Обь; 2) что имеется в виду озеро Зайсан, из которого вытекает Иртыш, принятый Герберштейном за верховья Оби; 3) что это озеро Убсу-Нур в северной Монголии (см. М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932. С. 106—107).

Ширину 80 верст имеет Обская губа, которую нетрудно было счесть самой рекой Обью.

51. Мнение Гваньини об исходящих от идола звуках вполне оригинально.

52. *Ниже устьев реки Оби* — странный для географии термин. Замысловский, основываясь на различных исследованиях, полагает: *Сосва* (Sosa) — река существующая, вместе с Лозвой образует Тавду, приток Тобола, впадающего в Иртыш; *Бересва* (Beresva) — на р. Тоболе есть берег, называющийся Березовый яр, и на нем одноименная деревня; *Данадим* (Danadim) — вероятно, Надым, впадающий в Обскую губу; *Тахним* (Tahnim) — река Ташма (Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 150).

53. Надо полагать, что название области Кондора происходит от реки Конды, левого притока Иртыша. По ее названию в титул великих князей, начиная с Василия III, было включено наименование земли Кондинской.

54. М. П. Алексеев приводит мнение А.-Х. Лерберга (1770—1813),

что в этих местах существовал народ, называвшийся гаустинцами или еуштинцами. Первое название употребил шведский писатель о России Страленберг (1676—1747), второе — историк Герард-Фридрих Миллер (1705—1783) (Алексеев М. П. Ук. соч., с. 109—110).

55. ...*пьявки*. В латинском подлиннике стоит слово *hirundines* “ласточки”. Странное сопоставление ласточек с лягушками (тем более, что ласточки не впадают в зимнюю спячку) обращало на себя внимание некоторых исследователей. Было высказано весьма вероятное предположение, что уже в первом издании 1578 г. здесь опечатка — вместо *hirundines* “пьявки” (это место так и переведено у М. П. Алексеева. Ук. соч., с. 152).

Легенду об умирании и оживании некоторых народов Лукоморья М. П. Алексеев сопоставляет с культом святого Георгия на Руси, который связан с дохристианским земледельческим культом и, глубже, с очень древними представлениями об умирающем и воскресающем божестве (ук. соч., с. 110—112).

56. Река Коссин предположительно отождествляется с рекой Кошем.

В этом баснословном изображении есть черты реального: меховые одежды и головные уборы, которые редко снимают местные жители, могли навести на мысль о звериной шкуре и собачьей голове, а хижины, глубоко ушедшие под снег, — о подземных пещерах.

57. Датой крещения Руси считается 988 г. Владимир не сын княгини Ольги, а ее внук.

58. При великом князе Литвы Витовте в 1415 г. собором епископов в Вильнюсе киевским митрополитом был поставлен Григорий Цамблак. Таким образом митрополии были разделены на западнорусскую и московскую.

59. *Аг Антипатр* — проконсул в Патрасе Эгей. Легенда об апостоле Андрее изложена в некоторых русских летописях.

60. Святой собор в Гангре был около 340 г.

61. *Седьмой* (II Никейский) *собор*, последний из Вселенских соборов, признаваемых православной церковью, созван папой Адрианом I в 783—787 гг.

62. Речь идет о Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг.

63. Василий Великий (329—379) — епископ Кесарии, писатель-богослов. Григорий Назианзин (330—390) — епископ константинопольский, оратор. Иоанн Златоуст (350—407) — епископ константинопольский, проповедник. Григорий VII (1073—1085) — папа римский, автор многочисленных богословских трудов.

64. Македоний — константинопольский епископ (355—359), еретик, основатель ереси македониан, не признававших Святого Духа божественной ипостасью и считавших его сотворенным Богом-Отцом. Ариане — сторонники учения александрийского священника Ария (ум.

336) о неравенстве Бога-Сына и Бога-Отца. I Никейский собор — 325 г., Константинопольский собор — 381 г.

65. Правило взято из послания киевского митрополита Иоанна II Продрома (1080—1089) антипапе Клименту III (1080—1100).

66. 29 августа отмечается день усекновения главы Иоанна Предтечи (Крестителя).

67. Первое послание Павла к Коринфянам, 11, 23, 24.

68. Гваньини неточно цитирует Евангелие: от Марка, 14, 17, 18, 22; от Луки, 22, 14, 15; от Иоанна, 13, 26.

69. Шестой Вселенский собор (III Константинопольский), 680—691. Юлиан — имеется в виду Валентин, основатель ереси валентиан, гностический философ (ум. 160 г.). Аполлинарий Лаодикийский (IV в.), епископ Лаодикии в Сирии, аполлинаризм был запрещен христианской церковью в 428 г. Павел Сирий Самосатский (III в.) — епископ Антиохии, создатель еретического антитринитарного учения. Евтихий (378 — первая половина V в.), ересь евтихиан осуждена собором 448 г. Диастерий (ум. 454 г.), епископ александрийский, председательствовал на “разбойничьем” соборе в Эфесе в 449 г., осужден и низложен на Халкидонском соборе 451 г.

70. Курьезное описание развода Гваньини, очевидно, заимствовал из “Путешествия в Московию в 1565 г.” Рафаэля Барберини: “Когда случится, что муж и жена оба согласны развестись и покинуть друг друга, в таком случае соблюдается у них следующий обычай: оба идут к текучей воде, муж становится по одну сторону, жена по другую и, взяв с собой кусок тонкого холста, тут тащат его каждый за свой конец и раздирают пополам, так что у каждого в руках остается по куску; после чего расходятся оба в разные стороны, куда кому вздумается, и остаются свободными” (Р. Барберини. Путешествие в Московию в 1565 г. В кн.: Сказания иностранцев о России XVI и XVII вв. СПб., 1843. С. 17). Переводчик предположил, что кто-то подшутил над легковверным иностранцем, рассказав такую чепуху, или он наблюдал где-нибудь подобную игру.

71. Вряд ли достоверно смехотворно малое количество крупы и мяса в похлебках русских воинов.

72. Странное отнесение литовцев к славянам встречается и у других иностранцев, писавших о России, например, у Горсея, который считал, что литовский язык близко подходит к славянскому, и назвал последний самым богатым и изящным в мире.

73. Рассуждение о причине наименования “белый царь” взято у Герберштейна и, очевидно, фантастично, но, во всяком случае, более реально, чем объяснение Флетчера: “В 1059 г. на венгерском престоле

сидел некий Бела (это же имя имели и некоторые другие венгерские короли), от него и называется “белым” царский дом в России, тем более, что царь Иван Васильевич считал своими предками не русских, а германцев; русские же полагают, что венгры — часть германского народа” (Дж. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1905. С. 12—13).

74. Нерон (37—68) — римский император из династии Юлиев-Клавдиев. Валериан (193—260) — римский император, гонитель христиан. Деций (200—251) — римский император, в 250 г. провел общее для всей империи преследование христиан. Максимин (172—238) — римский император с 235 г. Юлиан Отступник (331—363) — римский император, провозгласивший себя язычником.

75. Полоцк был взят 15 февраля 1563 г.

Овчина-Телепнев-Оболенский Иван Федорович умер в 1538 г. Дмитрий Овчинин вряд ли был первой жертвой (на самом деле — племянник).

76. Шлихтинг пишет об этом точнее: “Назначает место для дворца в отдалении возле реки Неглинной, омывающей Китай-город и впадающей также в знаменитую реку Москву”. Гваньини, вероятно, имел в виду Александрову слободу.

77. Говоря о лицах, которых принято именовать опричниками, Гваньини упорно избегает термина *orgicina*, который употребляют другие авторы. (У Шлихтинга, например, встречаются слова *orgicinas siccarios*, *equites* (или *milites*) *Orgicinas*.) Не желая в переводе давать термин, которого наш автор избегает, употребляем слово “приспешники”.

78. Имеется в виду Семен Васильевич Лобанов-Ростовский, получивший нижегородское воеводство в качестве почетной ссылки. Количество уничтоженных родичей казненного князя преувеличено (см. А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 141).

79. Речь идет о судьбе Ивана Петровича Федорова (Челяднина): он был женат на своей дальней родственнице (их прапрадеды были родные братья), прадед которой получил от своего отца фамилию Челядня. В одной разрядной книге 1561—1562 гг. Иван Петрович назван Федоровым-Челяднинным. (А. А. Зимин. Ук. соч., с. 276). Дата эпизода названа ошибочно: в действительности 1567 г.

80. Два брата Гвоздевы упоминаются и у Шлихтинга без указания имен. Откуда взял Гваньини имя Андрей — неизвестно, этого брата звали Иван (см. А. А. Зимин. Ук. соч., с. 373). Шлихтинг и Гваньини пишут, что он умер от чумы, но Таубе и Крузе сообщают, что он был отравлен врачом Елисеем Бомелием (и с ним Григорий Грязной и еще около ста “знатных людей”) (ук. соч., с. 54). Гваньини называет также и имя врача, которому царь приказал помочь второму брату. Это тот

самый бельгиец Арнольф Лензей, переводчиком у которого служил Шлихтинг.

81. *Miessojedovski* (Мясоедовский, не фамилия, а не понятое Гваньини имя Мясоед) — дьяк Мясоед Константин Семенович Вислово или Вислый.

82. Стоит сравнить сообщение об этом выступлении знати со сведениями других авторов. Шлихтинг не приводит цифры казненных людей, не называет имен; Таубе и Крузе, спутав события и приурочив эти казни к выступлению митрополита Филиппа Колычева (оно произошло на самом деле в марте 1563 г.), называют Василия Пронского (Рыбин-Пронский), И. Кармисина (И. М. Карамышев) и Христиана Будно (К. С. Бундов) (ук. соч., с. 43).

83. Михаил Темрюкович — брат жены, т. е. шурин.

84. Обычно у Гваньини каждому эпизоду его рассказа совершенно точно соответствует его заглавие. Данное же заглавие охватывает два (причем очень длинных) очерка, отчего несколько нарушается четкая композиция всего труда. Гваньини не соблюдает хронологическую последовательность: Иван Грозный сначала произвел расправу в Клину, Торжке, Твери и Вышнем Волочке, а уже в январе 1570 г. достиг Новгорода (что совершенно понятно из географического положения городов).

85. В первый раз Гваньини называет Александрову слободу, хотя Иван Грозный бывал в ней даже в 1561 г., а с конца декабря 1564 г. она стала его официальной резиденцией.

86. Цифру жертв в Новгороде: 2770 горожан (“знатных и богатых”, — добавляет Шлихтинг) — Гваньини взял у Шлихтинга. Эту же цифру, но как число убитых в первый день карательной экспедиции, называет и новгородское предание (А. А. Зимин. Ук. соч., с. 469). Зимин предполагает, “что источником удивительного совпадения был Гваньини, известный на Руси уже с XVII века”. Вообще же в Новгороде погибло много тысяч человек.

87. Эпизод с архиепископом у Гваньини рассказан более красочно, чем у других авторов, например, такая деталь, что кобыла была белая и жеребая. И здесь, и в ряде других мест Гваньини часто употребляет прямую речь для передачи слов своих персонажей.

88. *Федор Сырков* был богатейшим новгородским купцом и дьяком. Шлихтинг приводит цифру “12000 серебряной монеты”, которые выпытал тиран у несчастного.

89. Ни Гваньини, ни Шлихтинг не сообщают того известного факта, который фигурирует у Таубе и Крузе, о том, что спас Псков юродивый Никола, напугавший великого князя небесными карами (ук. соч., с. 50). О нем же, называя его “Микулой, прожиточным мужиком”, говорит и

Штаден (ук. соч., с. 91). Несколько строк посвятил ему и Горсей, утверждая, что “сам видел этого обманщика и чародея”.

Поразительна описанная Гваньини присылка 500 человек для расправы с 19 бунтовщиками (другие авторы не называют число карателей). Гваньини именует карателей *scloppetarii*, что мы переводим как “стрелки”. Их вооружение, кроме луков, составляли *bombardae*. Это слово может означать и орудие для разрушения городских стен, и оружие ручное, т.е. может быть переведено и как “пушка” и как “пищаль”. *Gilandes* (букв. “желуди”), которыми, наряду со стрелами, были поражены татары, соответственно, может обозначать и “ядра”, и “пули”. М. Г. Рогинский, предположивший, основываясь на сообщении Гваньини, применение артиллерийских орудий против двух десятков человек, вооруженных лишь ножами, вряд ли был прав (М. Г. Рогинский. Послание Таубе и Крузе. — Русский исторический журнал. № 8, Пг., 1922. С. 20).

90. Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович Малюта (ум. 1573 г.) приближенный Ивана Грозного, глава опричного террора.

91. О судьбе Афанасия Вяземского сообщает и Шлихтинг. По его данным, осенью 1570 г. “тот несчастный до сих пор подвергается непрерывному избивению” в Москве. Штаден приводит еще одну версию, будто Вяземский “умер в посаде Городецком в железных оковах” (ук. соч., с. 96). Посад этот — ныне город Бежецк на реке Мологе. Григорий Ловчик его не пережил: казнен, очевидно, летом 1570 г. (А. А. Зимин. Ук. соч., с. 43).

92. У Гваньини этот эпизод рассказан с некоторыми другими деталями, чем у других авторов. Шлихтинг называет это лицо не *secretarius*, а *notarius* (дьяк) и не упоминает о его родстве с Иваном Грозным. Павел Одерборн называет его *Telatovius* (Телятевский?) (*P. Oderborni Johannis Basilidis m. Mosc. ducis vita*, в книге *Historiae Ruthenicae script. ext. Ed. Starczewski, v. II, l. II, p. 233*).

93. По данным А. А. Зимина казнь боярина Морозова относится к 1568—1569 гг. (ук. соч., с. 283).

94. А. А. Зимин предполагает, что речь идет о боярине Василии Дмитриевиче Данилове (ук. соч., с. 284).

95. Ср. у Шлихтинга, который пишет, что тиран выпускает медведей в толпу “на площади для покупки необходимых предметов”. Женам умерших тиран велит “отсчитать 3 серебряника”.

96. Гваньини не передает факта, известного Штадену (ук. соч., с. 94), что 800 поляков под командой Александра Полубенского, переодевшись опричниками, в сопровождении всех русских бояр, изменивших Ивану Грозному, спокойно вошли в Изборск и обманом завладели им (см. А. А. Зимин. Ук. соч., с. 284).

97. Странная путаница: то, что Гваньини пишет о брате великого

князя (это Владимир Старицкий) и его жене, у Шлихтинга относится к Третьяку Висковатому, только у него не изложена причина расправы тирана с Третьяком. А. А. Зимин, ссылаясь на Гваньини, пишет, что Третьяк Висковатый “погиб потому, что оклеветал Владимира Старицкого” (ук. соч., с. 436). Гваньини пишет о клевете, но, по несомненному смыслу его текста, погиб не клеветник, а оклеветанный.

98. У Гваньини эта фамилия явно искажена (по Шлихтингу — Прозоровский), и он почему-то ассоциирует ее со словами *finiger* (висельник), *fugcifer* (мошенник, букв.: колодник) и *patibulo dignus* (достойный петли). Князь Курбский полагает, что на братоубийство толкнул Иван Грозный: “Ныне, егда развратился еси... и Басманова Федора принудил отца убити, и Никиту безумного Прозоровского — Василия, брата своего” (Сочинения князя Курбского в “Русской исторической библиотеке”; т. 31, стлб. 349).

99. Очевидно, Скуратов; странное искажение, Гваньини уже называл его выше совершенно правильно.

100. Лицо неизвестно. Его имя напоминает имя одного татарского царевича — московского воеводы Булата, который встречается в разрядах до 1564 г. (см. Записки Штадена, ук. соч., с. 155).

101. У Гваньини *Vesus*, а у Шлихтинга форма имени — *Beza*; он называет Безу чехом; Гваньини указывает место его рождения более точно.

102. В описании “трех вельмож” во второй тюрьме Гваньини допустил неточность: двух человек он называет одинаково. Ср. Шлихтинга, у которого Яковом Мольским зовут только зятя первого “знатного мужа” по имени Вакуза. Третьего Шлихтинг считает незнатным.

103. “*Двух знатных пленников*” Шлихтинг не считает знатного рода: “один служитель капитана Чигирского, по имени Андрей Мочаржевский, другой раб господина Стабровского”.

104. “*В день святого Иакова*” — 25 июля по старому стилю. Место казни авторы определяют по-разному. У Шлихтинга обозначено “на площади города Москвы”, у Таубе и Крузе точнее: “на рыночной площади”, в “Писаревском летописце” сказано: “на Поганой луже” (по мнению А. А. Зимина — район Чистых прудов), у Штадена — на Красной площади (ук. соч., с. 101).

Гваньини употребляет слово *fugcigit*, буквально: двузубые вилы, вилообразная подпора, вилообразный крест. Мы переводим как “виселица”.

105. Шлихтинг называет секретаря Василием Щелкаловым. Ивана Михайловича он не называет по фамилии. Речь дьяка и ответ Ивана Михайловича у Гваньини переданы пространнее, чем в других источниках.

Висковатый (Висковатов) Иван Михайлович, приближенный Грозного, дипломат. Казнен в 1570 г.

106. О поваре Таубе и Крузе ничего не говорят. Шлихтинг пишет, что оклеветал его сам тиран, будто тот “получил пятьдесят серебряников от брата Владимира, чтобы известить тирана ядом”, тогда как было совершенно обратное: тиран приказал повару отравить Владимира.

Шапкина звали Григорием, он был опричным дьяком.

107. Шлихтинг говорит о Темкине, что этот князь “был обменен на пленного воеводу полоцкого Довойну”; Темкин был опричником и, по словам Шлихтинга, “был утоплен”.

108. Речь идет о воеводе Иване Петровиче Яковлеве, ненадолго пережившем своих жертв: он был казнен в 1571 г.

109. Этот “Эпилог труда” воспроизводится не во всех изданиях, но имеется в первом Краковском издании 1578 г., с которого и выполнен перевод всего текста “Описания Московии”.

Фаларид — агригентский тиран во второй половине VII в. до Р. Х. Известен неимоверной жестокостью: рассказывали, что он в полом медном быке медленно жарил неугодных ему людей, пожирал младенцев, бросал пленных в жерло вулкана Этны и т. п.

Бусирид — мифический царь Египта (по одному варианту, сын Посейдона), приносил в жертву чужеземцев, прибывавших в Египет, пока не был убит Гераклом.

Мезенций — царь этрусского города Цере и повелитель рутулов, подчиненных этрускам. По словам Вергилия, он был изгнан из Цере за жестокость к царю рутулов Турну, которому помогал в битве против Энея.

Месхи — очень древняя этническая группа, участвовавшая в формировании грузинской народности. Древнейшим их местопребыванием считают восточную часть Малой Азии, откуда они постепенно приближались к территории современной Грузии.

Кедар — арабское племя, получившее название от Кедара, второго сына Измаила, бывшего побочным сыном Авраама (Быт., 25, 13), с I тысячелетия до Р. Х. населяло Северную Аравию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Г. Г. Козлова. Александр Гваньини и его сочинения</i>	5
Александр Гваньини. ОПИСАНИЕ МОСКОВИИ	9
Глава I. Об области Московия и о знаменитом граде с тем же названием	13
Глава II. О религии московитов и всех русских	59
Глава III. О военном походе	77
Глава IV. Об обычаях и нравах московитов	83
Глава V. О тирании великого князя Московии Иоанна Васильевича	92
Эпилог труда	159
<i>Комментарии</i>	<i>160</i>

ИЗДАНИЯ
«ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО КАБИНЕТА
Ю. А. ШИЧАЛИНА»®

1. **Вейсман А.Д.** Греческо-русский словарь. (Репринт издания 1899 г.) 1991. 688 с.
2. **Адо П.** Плотин, или Простота взгляда. 1991. 144 с.
3. **Яки С.** Спаситель науки. 1992. 320 с.
4. Журнал «Греко-латинский кабинет», вып. 1. 1992. 80 с.
5. **Кун Н.А.** Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях. 1992. 272 с.
6. **Кацман Н.Л., Ульянова И.Л.** Учебник латинского языка для лицеев и гимназий (ч. 1). 1993. 128 с.
7. **Козаржевский А.Ч.** Учебник древнегреческого языка. 1993. 288 с.
8. **Бонавентура.** Путеводитель души к Богу. (Латинский и русский тексты.) 1993. 192 с.
9. **Кащеев В.И.** Эллинистический мир и Рим. 1993. 374 с.
10. Сборник докладов международной конференции «Средневековый тип рациональности и его античные предпосылки» (Москва, 1990). 1993. 96 с.
11. **Chitchaline I.** Separata. I1. Les deux rédactions du Phèdre de Platon. 1993. 12 с.
12. **Chitchaline I.** Separata. I2. L'imagination chez Proclus, Porphyre et Erigène. 1993. 12 с.
13. **Петрученко О.** Латинско-русский словарь. (Репринт издания 1914 г.) 1994. 816 с.
14. **Orbis Romanus pictus.** Римский мир в картинках. Начальная латинская хрестоматия. 1994. 144 с.
15. **Прокл.** Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение. (Греческий и русский тексты.) 1994. 224 с.
16. **Шварц А.Н.** Моя переписка со Столыпным. Мои воспоминания о Государе. 1-я книга серии «Мемуары русской профессуры». 1994. 368 с.

17. **Гаспаров М.Л.** Занимательная Греция. 1995. 384 с.
18. **Плотин.** Сочинения. (Плотин в русских переводах.) (Античная библиотека.) 1995. 672 с.
19. Учебники платоновской философии. 1995. 160 с.
20. **Иоанн Скотт Эриугена.** Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна. 1995. 352 с.
21. **Мессиян О.** Техника моего музыкального языка. 1995. 128 с.
22. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 1. Философия древности и средневековья. Учебник для студентов вузов. 1995. 480 с.
23. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 2. Философия XV – XIX вв. Учебник для студентов вузов. 1996. 560 с.
24. Книга для чтения по древнегреческому языку. 1996. 144 с.
25. **Толстой Ив. Ив., гр.** Воспоминания министра народного просвещения. 2-я книга серии «Мемуары русской профессуры». 1997. 336 с.
26. **В. Йегер.** Пайдейя. 1997. 336 с.
27. Журнал «Греко-латинский кабинет», вып. 2. 1997. 96 с.
28. **Гваньини А.** Описание Московии. Лат. текст и русск. перевод. 1997. 176 с.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

1. **Козаржевский А.Ч.** Учебник древнегреческого языка. 2-е изд.
2. **Марру А.-И.** Воспитание в античности. (Греция.) Пер. с франц.
3. **Попов А. Н.** Грамматика греческого языка.
4. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 3. Ч. 1.
5. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 3. Ч. 2.

*С августа 1997 года
«Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина»®
располагается по адресу:
Москва, 119850, Новодевичий проезд, д. 6а.*

*По этому адресу можно приобрести все имеющиеся в
наличии издания ГЛК, ознакомиться с планами
издательства и заказать интересующую литературу*

MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI
 BARONIS IN HERBERSTEIN, NEIPERG
 ET GV TENHAG ANNO M. D XLIX

SEPTENTRIO

MARE
 ULACIAL E

IVHRA
 INDE VNGARORV
 ORIGO

9	18	27	36	45	54	63	72	81	90
---	----	----	----	----	----	----	----	----	----

DISTANTIA PER MILLIARIA

ORIENTES

OCCIDENTES

SINVS LIVONICVS ET RYTHENICVS
 FINLANDIAE PARS
 RYTHENORVM SEV MOSCOVIARVM

KITHAY
 LACVS

ORIENTES

